

ЭЛЬ КРАВЕН

КАПИТАН
МЕРТВОЙ
ВОЛГИ

Эль Кравен

Капитан мёртвой Волги

«Автор»

2026

Кравен Э.

Капитан мёртвой Волги / Э. Кравен — «Автор», 2026

В 4:17 утра Волга встала стеной. Из воды полезли твари, берега утонули в чёрном тумане, а перед глазами выживших загорелись строки Системы. Мне сорок шесть. Я капитан пассажирского теплохода «Громобой». Теперь у меня есть класс Капитана Пути, старое судно и сто шестьдесят девять человек, которых больше некому спасать. Система умеет усиливать экипаж, прокладывать маршруты и превращать теплоход в плавучую крепость. Но она не льёт солянку в баки, не чинит дизели и не отвечает за мёртвых. На юге ещё работает единственный сухой док. Между нами и ним — изменённая Волга, мёртвые шлюзы, чудовища и чужая флотилия. Её хозяин уже объявил реку своей и обещает безопасность каждому, кто согласится стать его собственностью. Я не собирался строить государство или спасать мир. Я капитан. Моя работа — довести людей до берега. Проблема в том, что на мёртвой Волге свободный берег придётся сначала отвоевать.

© Кравен Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Река встала	5
Глава 2. Кто здесь капитан	20
Глава 3. Судовой журнал	40
Глава 4. Отдать швартовы	51
Глава 5. Первый фарватер	61
Глава 6. Чебоксарский затвор	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Эль Кравен

Капитан мёртвой Волги

Глава 1. Река встала

На нормальном судне тишины не бывает.

Даже у причала оно живёт своей жизнью: гудит вентиляцией, гоняет воду по трубам, потрескивает остывающим металлом. Где-то хлопает дверь, на нижней палубе кашляет дизель-генератор, за переборкой ругается механик. Если прислушаться, всегда можно понять, чем именно недоволен твой корабль.

В то утро «Громобой» молчал.

Я заметил это в четыре двенадцать, когда поднялся в рубку с кружкой кофе и папкой, которую Константин Аркадьевич Крамов считал рейсовыми документами, а я — доказательством того, что бумага умеет размножаться без участия человека.

— Почему не спите? — спросила Елена Сафина.

Она сидела перед электронно-картографической системой и постукивала зелёным карандашом по краю стола. Короткие волосы на затылке ещё не высохли после душа. На экране тянулась привычная лента Волги: глубины, знаки, створы, наши будущие повороты.

— Капитаны не спят, — сказал я. — Они закрывают глаза и ждут, когда кто-нибудь ошибётся.

— Старпом уже ошибся. Его до сих пор нет.

Я поставил кофе подальше от аппаратуры и посмотрел на часы.

Старший помощник должен был быть на борту час назад. Телефон у него не отвечал. Последнее сообщение пришло в половине четвёртого: «Такси встало у Канавинского моста. Буду через двадцать минут».

Двадцать минут у Сергея Петровича были величиной философской. Иногда в них помещалось полчаса, иногда развод, иногда два дня запоя. Последнего за ним прежде не водилось, но человек развивается.

— Если через десять минут не появится, пойдёшь за старшего, — сказал я.

Карандаш перестал стучать.

— Вот так просто?

— Нет. Сначала я торжественно вручу тебе его бессонницу и геморрой. Потом пойдёшь.

Лена скосила на меня глаза. Улыбаться не стала, но уголок рта дрогнул.

За лобовыми стёклами лежала предрассветная Волга. Справа темнела громада собора Александра Невского, левее редкими огнями тянулась набережная. Вода казалась стальной пластиной, в которую кто-то бросил горсть жёлтых отражений.

Течения не было видно.

Я подошёл ближе к стеклу.

— Скорость воды?

Лена повернулась к экрану.

— Ноль целых две десятых. Погрешность.

— Десять минут назад?

— Ноль девять.

— Ветер?

Она пробежала глазами показания.

— Северо-западный, один и восемь.

Волга не обязана выглядеть бурной, чтобы двигаться. Река такого размера вообще никому ничего не обязана. Но она двигалась всегда — подо льдом, в штиль, в тумане. Даже в водохранилище вода выдавала себя мусором, рябью у опоры, едва заметным натяжением швартовов.

Сейчас между нами и плавучим дебаркадером болталась пластиковая бутылка. Болталась на одном месте, будто её приклеили.

Я взял бинокль.

— Вахтенного на бак.

Лена нажала кнопку внутренней связи.

— Павел, рубка. Поднимись на бак, посмотри носовые концы. Капитану не нравится река. Динамик зашипел.

— А что с ней?

— Не спорит, — ответил я, наклоняясь к микрофону. — Подозрительно.

— Понял. Уже иду.

На экране картплоттера мигнул значок нашего судна. Один раз, второй. Потом электронная карта съехала на полсантиметра влево и вернулась.

— Спутники? — спросил я.

Лена открыла окно состояния.

— Девятнадцать. Точность метр двадцать. Всё нормально.

В рубку без стука вошёл Крамов.

Для четырёх утра он выглядел возмутительно свежо: белая рубашка, синие брюки, дорогие часы. Галстука не было, но я подозревал, что где-то поблизости человек держит его наготове.

Константин Аркадьевич представлял владельца «Громобоя». Формально он приехал оценить готовность теплохода к сезону. Неформально — выяснить, можно ли продать старое судно, пока оно ещё способно самостоятельно дойти до нового хозяина.

— Артём Сергеевич, — начал он тем тоном, которым обычно сообщают о необходимости сократить десять процентов персонала, — у нас изменение по отправлению.

— Уже нет.

Крамов остановился.

— Что значит — нет?

— Значит, сначала разберёмся с водой.

Он посмотрел за стекло. Человек видел реку. Я видел сто девяносто тысяч тонн воды, которые внезапно забыли, куда им течь.

— С водой всё на месте, — сказал он.

— Это и беспокоит.

— Наши партнёры просят задержаться на сорок минут. Подъедут ещё шесть пассажиров бизнес-класса.

Я наконец раскрыл принесённую им папку. На первом листе стояло новое распоряжение, на втором — список фамилий, на третьем — сумма, ради которой владелец был готов превратить расписание в рекомендацию.

— У нас нет бизнес-класса.

— Будет.

— На каком судне?

Крамов втянул воздух через нос. За неделю инспекции он успел понять, что спорить со мной до кофе бесполезно. После кофе, впрочем, тоже.

— Мы задержимся, — сказал он. — Решение согласовано.

На часах над дверью сменились цифры.

04:17.

Все приборы в рубке погасли.

Не один за другим. Сразу.

Исчезла электронная карта, замолчала рация, погасли индикаторы на пульте. Даже аварийный фонарь над выходом не включился. За стеклом разом пропали огни набережной.

Лена выругалась и потянулась к панели резервного питания.

— Не трогай, — сказал я.

Сначала пришёл звук.

Низкий, тяжёлый, будто кто-то провёл гигантским пальцем по краю железной бочки. Стёкла задрожали. Кофе в кружке пошёл кругами, хотя палуба оставалась неподвижной.

Потом Волга поднялась.

Не волной. Волна идёт вперёд, ломается, падает. Здесь вся река разом встала на ребро.

Чёрная стена выросла напротив рубки, закрыла собор, небо и другой берег. В воде зависли отражения фонарей, мусор, ветка с зелёными листьями и целая прогулочная лодка. Она висела метрах в двадцати над нами, задрал нос, и из её открытой кабины медленно сыпались пластиковые стаканы.

Крамов шагнул к стеклу.

— Это что?..

— Назад! — рявкнул я.

Он не успел.

Лодка внутри водяной стены развернулась бортом. В тот же миг вся масса реки двинулась вниз.

Я схватил Крамова за ворот и швырнул на палубу.

Стекло побелело от удара воды.

«Громобой» качнуло так, что ноги ушли из-под меня. Я врезался плечом в пульт, услышал, как за спиной закричала Лена, и сверху посыпалось всё, что мы годами считали закреплённым.

Река ударила второй раз.

Нос теплохода отбросило от причала. Где-то снаружи лопнул трос — звук был похож на винтовочный выстрел. По корпусу прошёл скрежет. Огромный, медленный, слишком долгий.

Я оказался на коленях. Во рту стало солоно. Провёл языком по губе — кровь.

Аварийное освещение вспыхнуло тусклым красным светом.

— Лена?

— Жива.

Она лежала у штурманского кресла, прижимая ладонь к виску. Между пальцами блестела кровь, но глаза смотрели осмысленно.

Крамов поднялся на четвереньки.

— Какого чёрта происходит?

— Пока не знаю. Поэтому заткнитесь и не мешайте узнать.

Я нащупал кнопку общесудовой трансляции. Панель не горела, но динамик щёлкнул.

— Экипажу — аварийная тревога. Пассажирам оставаться в каютах. Повторяю: оставаться в каютах, надеть обувь и верхнюю одежду. Лифтом не пользоваться. Экипажу доложить по постам.

Слова ушли в шипение. Я не знал, услышал ли их кто-нибудь.

Снизу донёсся рёв запускаемого дизеля, захлебнулся и оборвался.

Рубку пересёк чужой свет.

Перед глазами возникли тонкие белые строки.

Они висели прямо в воздухе, не отражались в стекле и двигались вместе со взглядом.

ПЕРВИЧНАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА

СРЕДА ПРИЗНАНА ПРИГОДНОЙ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛИ: ОЖИДАНИЕ ОСОЗНАННОГО ДЕЙСТВИЯ

Я моргнул. Строки остались. Крамов махал рукой перед лицом.

— Вы это видите?

— Вижу.

— Что значит «среда»? Какая, к дьяволу, роль?

— Та, в которой вы не мешаете капитану.

Я поднялся. Левое плечо отозвалось болью, но двигалось. Уже подарок.

— Елена, резервный УКВ-комплект. Потом обход систем. Всё, что отвечает, записывай. Константин Аркадьевич, в каюту.

— Я остаюсь здесь.

Он выпрямился, держась за край пульта. На лбу выступила кровь — тонкая полоска, почти аккуратная.

— Это рубка, — сказал я. — Здесь сейчас работают.

— Я представляю собственника судна.

— Передайте собственнику, что у него река сломалась.

Снаружи закричал Павел.

Я рванул дверь на крыло мостика.

В лицо ударил воздух — мокрый, тёплый и пахнувший тиной так густо, будто Волга сгнила за одну минуту.

Привычного причала больше не было.

Половина дебаркадера лежала на боку. Металлический трап выгнуло дугой, ограждение сорвало. За набережной ещё стояли дома и фонари, но метров двести берега справа исчезли. Вместо асфальта там колыхался чёрный камыш, высокий, в человеческий рост. Между стеблями горели бледно-зелёные огоньки.

Наш нос отошёл от причала метров на шесть. Корма всё ещё держалась. Носовой конец оборвался и змеёй лежал в воде.

Павел висел за бортом.

Одной рукой он держался за леер, другой — за конец, обмотавшийся вокруг запястья. Ноги болтались над чёрной водой. Каждый рывок судна затягивал петлю сильнее.

— Не дёргайся! — крикнул я.

— Да я и не планировал!

Голос у него сорвался.

Я сбегал по наружному трапу. Палуба под ногами ходила, хотя вода уже успокоилась. Из вентиляционной шахты тянуло дымом. Навстречу выскочил Горец — босой, в рабочих брюках и спасательном жилете поверх голого тела. В руке он держал пожарный топор.

— Носовой лопнул, кормовой на пределе! — доложил он. — Двигатели Семёныч поднимает. У третьего входа людей прижало стойкой.

— Сначала матрос.

Мы добрались до Павла одновременно. Горец лёг животом на мокрую палубу и ухватил его за ворот. Я выдернул нож из кармана.

— Капитан, трос под нагрузкой! — Павел увидел лезвие. — Если резанёте...

— Знаю.

Конец был не швартовный — тонкий страховочный фал с катушки, которую Павел зачем-то успел прихватить на бак. Его намотало на оборванный леер, потом на руку. Основная нагрузка приходилась на стальную стойку, но при каждом движении она гнулась всё сильнее.

Я подsunул лезвие под петлю.

Из воды под Павлом поднялся пузырь. Большой, с метр в поперечнике. Лопнул без звука.

Павел посмотрел вниз.

— Там что-то есть.

— В Волге всегда что-то есть, — сказал Горец, вытягивая его выше. — Не всё надо рассматривать.

Под водой проплыло белое пятно.

Слишком быстро. Слишком близко.

Я перерезал фал. Горец рванул Павла на себя, и в ту же секунду из воды вылетела длинная серая конечность. Она шлёпнула по борту там, где только что висела нога матроса. На конце раскрылись четыре плоских пальца с чёрными крючьями.

Павел заорал и пополз от борта. Рядом с конечностью всплыла голова.

Глаз я не увидел. Только мокрую серую кожу и вертикальный рот от лба до подбородка. Рот разошёлся, показав несколько рядов мелких зубов.

Над тварью вспыхнула надпись.

КРОМОЧНИК

УРОВЕНЬ 1

СОСТОЯНИЕ: ГОЛОД

— А вот это уже не Волга, — тихо сказал Горец.

Он рубанул топором.

Лезвие вошло в плоскую кисть. Кромочник дёрнулся, ударил второй рукой по борту и оставил на белой краске четыре глубокие борозды. Я пнул топором, помогая Горцу высвободить оружие. Тварь сорвалась в воду. На поверхности расплылось тёмное, маслянистое пятно.

Строки перед глазами мигнули.

УЧАСТИЕ В УСТРАНЕНИИ УГРОЗЫ: НЕДОСТАТОЧНО ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОЛИ

— Щедро, — сказал я.

— Чего там? — Горец вытер лезвие о мокрые штаны.

— Сообщают, что мы мало старались.

С нижней палубы донёсся женский крик.

Потом ещё один.

Я посмотрел на чёрную воду. Белых пятен под поверхностью стало больше.

— Закрыть наружные двери! — приказал я. — Все пассажиры — в ресторан на средней палубе. По внутренним трапам. Павел, в рубку к Сафиной, скажешь: вентиляцию на рециркуляцию, забортную воду перекрыть. И пусть считает людей.

Павел прижал к груди освобождённую руку. Запястье уже синело.

— Я могу остаться.

— Можешь. Но пойдёшь в рубку.

Он хотел возразить, увидел моё лицо и побежал.

Горец поднял топор.

— А мы?

— К третьему входу.

— Вот теперь нормально.

На главной палубе пахло металлом, речной грязью и ресторанным кофе.

В обычной жизни такое сочетание означало ранний рейс. Теперь к нему добавилась кровь.

У третьего входа обрушилась декоративная стойка с названием теплохода. Под ней зажало официанта и женщину из службы размещения. Марина Сазонова, директор ресторана, стояла на коленях рядом и пыталась подсунуть под металл складной стул.

— Этот не выдержит, — сказал я.

— Другого пока не принесли.

Она даже не подняла головы. На щеке у неё темнела полоса сажи, связка ключей звенела на поясе при каждом движении.

— Горец, лом. Двоих сюда. Марина, где пассажиры?

— Просыпаются и мешают. Человек тридцать уже в коридоре. Один требует шлюпку, двое снимают всё на телефоны, одна дама ищет собаку.

— Собака на борту есть?

— Теперь уже не уверена.

— Собрать всех в ресторане. Пересчитать по каютам. Тех, кто может ходить, не выпускать наружу.

Женщина под стойкой застонала. Марина просунула ладонь и коснулась её шеи.

— Живая. Но ногу придавило.

По внутреннему трапу спустилась Анна Белова. Медицинский халат она натянула поверх футболки, на ногах были кроссовки без носков. В одной руке аптечка, в другой — маленький фонарь на шнурке.

— Что с водой? — спросила она, опускаясь возле пострадавшей.

— Испортилась.

Анна посветила женщине в глаза.

— Это я заметила. Света в медпункте нет. Кислородный концентратор тоже не запустился.

— Генератор поднимут.

— Когда?

— Когда Семён перестанет материться через вентиляцию.

Снизу, будто подтверждая мои слова, глухо донеслось:

— Да чтоб тебя через колено и в турбину!

Дизель снова кашлянул. На этот раз звук не оборвался. По палубе прошла мелкая дрожь, зажглись два потолочных светильника. Кто-то в коридоре захлопал.

— Не цирк! — гаркнул Горец.

Хлопки прекратились.

Анна посмотрела на меня.

— У вас кровь.

— У всех сегодня новая форма.

— Сядьте на минуту.

— Потом.

— Сотрясение тоже потом получите?

— Если заслужу.

Она сжала губы. Спорить не стала — значит, ситуация и правда была плохая.

Прибежали два матроса с ломami. Горец распределил людей по сторонам стойки. Я присел рядом, взялся за край металла.

— На счёт три. Не рвать. Подняли — держим. Марина вытаскивает сначала женщину. Анна командует, как тянуть. Раз. Два. Три.

Стойка оказалась тяжелее, чем выглядела. Плечо прострелило болью. Металл поднялся на ладонь и остановился.

— Ещё! — сказала Анна.

— Не идёт! — прохрипел один из матросов.

— Идёт, — ответил Горец. — Просто не хочет.

Мы подняли выше. Марина легла на палубу, ухватила пострадавшую под мышки и потянула. Женщина закричала. Анна придерживала ногу, не давая вывернуться.

В этот момент теплоход дёрнуло.

Кормовой швартов натянулся с таким звоном, будто струна. Стойка качнулась у нас в руках.

— Держать! — крикнул я.

Один матрос отпустил лом. Не от трусости — палуба ушла у него из-под ног. Но оставшиеся приняли весь вес. Горец зарычал, упёрся босыми ступнями в мокрый линолеум. Я почувствовал, как в плече что-то нехорошо хрустнуло.

Марина выдернула женщину.

— Есть!

— Официант!

Парня прижало ниже пояса. Он был в сознании, но уже не кричал. Только смотрел на нас и часто дышал.

Анна просунула руку под стойку, ощупала его бок.

— Поднимать ещё на пять сантиметров. Иначе не выйдет.

— Не поднимем, — выдохнул матрос слева.

— Поднимем, — сказал я. — Лом верни.

Он поднял выпавший инструмент. Не посмотрел на меня, только переставил руки.

— Три, — сказал Горец.

Мы рванули без счёта.

Металл пошёл вверх.

На секунду перед глазами потемнело. Где-то очень близко дико запищала сигнализация открытой двери.

Марина вытянула официанта за плечи. Его ноги волочились неестественно мягко.

— Опускаем!

Стойка ударила о палубу. Один из ломов вылетел, пробил пластиковую обшивку и застрял.

Анна уже резала брюки пострадавшего.

— Мне нужны носилки. И двое в медпункт. Осторожно, возможно повреждение таза.

— Марина, дай людей, — сказал я.

— Дам. Но у нас ещё проблема.

Она кивнула в сторону дверей.

За стеклом третьего входа стоял мужчина в махровом гостиничном халате. Лет пятидесяти, крупный, с мокрыми волосами. Он колотил ладонью по запертой створке.

— Откройте! Там моя жена осталась!

— Где? — спросил я, подходя.

Он меня не услышал через стекло или не захотел.

— Вы обязаны открыть! Она на берегу! Мы только вещи занесли!

За его спиной теснились пассажиры. Кто-то плакал. Девушка держала телефон перед лицом и снимала. Экран светился, хотя связи не было.

Я приоткрыл внутреннюю створку, не разблокируя наружную.

— Ваша фамилия?

— Зорин. Илья Зорин. Моя жена в терминале, она пошла за лекарствами.

— Когда?

— Минут десять назад. До этого... до всего.

Я посмотрел через стекло.

Терминал стоял. Во всяком случае, большая его часть. Между нами и зданием лежало метров тридцать искорёженного причала. Трап провалился одним концом в воду, но по нему ещё можно было пройти. На набережной мигали фары перевернутого автобуса.

Чёрный камыш подступал справа. Внутри него двигались огни.

— Мы её найдём, — сказал я.

— Когда?

— Когда закрепим судно и поймём, что происходит на берегу.

— Она там одна!

Зорин ударил кулаком по двери. Пассажиры отшатнулись.

— Откройте, я сам пойду.

— Нет.

— Вы не имеете права меня удерживать!

— Сейчас имею.

Он подался ко мне. Между нами оставалась стеклянная створка, но ярости это не мешало.

— Да кто вы такой?

— Капитан судна, с которого вы пытаетесь выйти в воду с зубами.

— Мне плевать!

— А мне нет. Поэтому дверь останется закрытой.

Снаружи по стеклу скользнуло что-то серое.

Зорин замолчал.

Кромочник полз по борту почти вертикально. Крючья на пальцах входили в краску и металл. Вблизи тварь оказалась размером с худого человека. Ног у неё не было — ниже узкого туловища тянулся плоский хвост, покрытый короткой чёрной щетиной.

Она остановилась напротив лица Зорина.

Вертикальный рот медленно раскрылся.

Стекло между ними запотело.

Пассажиры заорали.

Кромочник ударил головой в створку. Закалённое стекло выдержало, но по краю побежала белая трещина.

— Все назад! — крикнул я. — Марина, уводи людей!

Тварь ударила снова.

Зорин пытался, не отрывая от неё глаз. Девушка продолжала снимать. Марина выбила телефон из её рук и толкнула к трапу.

— В ресторан! Быстро! Мужики, детей впереди, вещи бросили!

У неё получилось лучше, чем у половины офицеров, которых я знал. Люди двинулись. Не строем, не спокойно, но хотя бы в одну сторону.

Я закрыл внутреннюю створку и провернул ручной фиксатор.

— Горец!

Он уже шёл ко мне, зажав топор под мышкой и таща пожарный рукав.

— Давление есть?

— В магистрали — да.

— Вода забортная.

— Пока обычная. Семёныч перекрывает приём, но цистерны полные.

Кромочник ударил в третий раз. Трещина стала длиннее.

— Если выбьет стекло, встречаем струёй, потом топором. Наружную дверь не открывать.

— Понял.

— Я на берег.

Горец посмотрел на меня так, будто не расслышал.

— Куда?

— Проверю трап и людей у терминала. Кормовой конец тоже с берега не снять, если закусило.

— Там этих штук уже штук... много.

— Поэтому дверь за мной закроешь.

— Капитан, это хреновый план.

— Хорошие закончились в четыре семнадцать.

Анна подняла голову от раненого.

— Вы ударились головой, — сказала она. — Это не медицинское заключение. Это наблюдение.

— Запишите в журнал.

— Если вернётесь — запишу.

Кромочник снова врезался в стекло. На этот раз оно не треснуло. Тварь замерла, будто прислушивалась.

Потом сорвалась с борта и исчезла в воде.

Мне это не понравилось сильнее, чем если бы она продолжила биться.

Рация на стене ожила голосом Лены:

— Капитан, рубка. Двигатели пока не готовы. Кормовой конец держит, но нас разворачивает. Ещё пять минут — порвёт или вырвет кнехт.

— Принял. Что с берегом?

— Камеры работают через одну. У терминала люди. Девять... нет, десять человек. Ещё вижу машину портовой службы. Она на ходу.

— Связь?

— Ни с кем. На всех частотах шум. И ещё... Артём Сергеевич, у меня перед глазами надписи.

— У всех.

— Тогда ладно.

— Нет, Лена. Не ладно. Просто позже.

Я взял спасательный жилет, каску и длинный багор из крепления. Горец протянул мне пожарный топор.

— Багром вы только рассердите.

— Топор нужен здесь.

— Их здесь два.

— Тогда дай второй.

Он нашёл второй, короче, с узким лезвием, и вложил мне в руку.

— Три минуты, — сказал Горец. — Потом иду следом.

— Не пойдёшь. Закроешь дверь.

— Это была не просьба.

— А это был приказ.

Мы посмотрели друг на друга.

Горец сплюнул на палубу.

— Три минуты всё равно считаю.

— Считаю.

Я открыл служебный выход.

Трап держался на одном шарнире и честном слове сварщика.

Под ногами он пружинил. Внизу плескалась вода, густая и чёрная. От привычной Волги остался запах, но и тот стал неправильным — сладковатым, болотным.

Я шёл боком, держась за погнутые перила. Топор висел на темляке, багор я выставил перед собой. До причала было десять шагов.

На пятом над водой появилась белая надпись:

ГРАНИЦА ЗАЯВЛЕННОГО ОБЪЕКТА

СТАТУС: НЕ ПОДТВЕРЖДЁН

Я остановился. Текст висел поперёк трапа, как невидимая дверь.

— Очень вовремя, — пробормотал я и шагнул сквозь него.

Ничего не произошло.

На причале лежали обломки навеса, чемоданы и один красный женский туфель. Чуть дальше мужчина в форме портовой охраны помогал подняться водителю автобуса. У машины портовой службы работал двигатель. Фары выхватывали из темноты кусок мокрого асфальта.

— К теплоходу! — крикнул я. — Все, кто может идти, к трапу!

Охранник обернулся.

— Там твари!

— Здесь тоже скоро будут.

— Мы к верхней дороге! Машина целая!

Будто в ответ на его слова, за терминалом что-то рухнуло. Над крышей поднялось облако пыли. В нескольких окнах погас свет.

Из камышей донёсся шелест.

Не ветер. Камыш двигался полосой, прямо к набережной.

Люди у автобуса это увидели.

Охранник распахнул боковую дверь машины.

— Кто влезет — поехали! На гору уйдём!

К нему бросились трое. Остальные замерли между автомобилем и судном.

Я мог сесть.

До двери было метров пятнадцать. Машина стояла носом к съезду. Дорога вверх пока оставалась на месте. В салоне хватило бы места и для меня.

За спиной возвышался «Громобой». Три палубы тёмных окон, белый борт, с которого стекала чёрная вода. В ресторане уже горел аварийный свет. За стеклом двигались люди.

Мои люди, хотя никто из них ещё не соглашался так называться.

Кормовой швартов застонал.

Я отвернулся от машины.

— На теплоход! — снова крикнул я. — Машина не пройдёт!

— Откуда вы знаете? — заорал охранник.

Я указал багром ему за спину.

На съезде больше не было дороги.

Асфальт обрывался в десятке метров от машины. Дальше начинался каменный склон, которого прежде здесь не существовало. Чёрные плиты уходили вверх почти вертикально. По ним стекали тонкие ручьи светящейся зелёной воды.

Охранник выругался.

Водитель автобуса перекрестился.

Камыш раздвинулся.

Первый кромочник выполз на асфальт. За ним второй. Третий. Они двигались рывками, опираясь на длинные руки и подволакивая плоские хвосты. На сухом они казались неуклюжими.

До тех пор, пока не увидели нас.

— Бегом! — крикнул я.

Люди бросились к трапу.

Охранник остался у машины. Он вытащил из кобуры пистолет, передёрнул затвор и выстрелил.

Грохот ударил между зданиями. Пуля попала первому кромочнику в плечо, развернула его, но тварь удержалась на руках.

Остальные ускорились.

— К теплоходу! — крикнул я охраннику.

Он выстрелил ещё дважды. Один кромочник упал. Второй прыгнул.
Я видел, как человек поднял пистолет. Видел, как серое тело перелетело через капот.
Потом они исчезли за машиной.
Раздался короткий крик.
Я сделал шаг туда.
И остановился.
До машины — пятнадцать метров. До трапа — восемь. За мной семь человек, двое еле идут. Если побегу к охраннику, твари отрежут нас от судна.
Капитан не обязан спасать каждого.
Это правильные слова. Очень удобные. Обычно их произносят те, кому не пришлось выбирать конкретного человека.
Из-за машины показалась рука охранника. Пальцы скребли асфальт. На запястье блеснули часы.
Потом кромочник дёрнул его назад.
Я развернулся к людям.
— К трапу! Не останавливаться!
Мы побежали.
Старик в расстёгнутой куртке споткнулся о чемодан. Я подхватил его под локоть, толкнул вперёд. Девушка тянула за руку мальчика лет десяти. Водитель автобуса хромал, оставляя на асфальте тёмные пятна.
Сзади застучали крючья.
Я оглянулся.
Два кромочника шли за нами. Один держал в пасти кусок синей ткани от формы охранника.
До трапа оставалось три метра.
— На борт! — заорал Горец сверху.
Он стоял в дверях с пожарным рукавом. Рядом Павел, которого я отправил в рубку.
Послушание продержалось недолго.
— Давление! — скомандовал Горец.
Павел открыл ствол.
Струя ударила первого кромочника в грудь. Его оторвало от земли и швырнуло под остатки ограждения. Второй прижался к асфальту, пропуская воду над собой, и пополз быстрее.
Люди уже карабкались по трапу.
Мальчик прошёл. Девушка за ним. Старик вцепился в перила. Водитель автобуса не успевал.
Кромочник прыгнул ему на спину.
Я ударил багром сбоку. Стальной крюк вошёл твари под челюсть, если это место можно было назвать челюстью. Рывок едва не вывернул мне руки. Кромочник развернулся, вертикальная пасть раскрылась возле моего лица.
Внутри не было языка. Только зубы и что-то чёрное, пульсирующее в глубине.
Я отпустил багор и ударил топором.
Лезвие скользнуло по голове, рассекло кожу. Тварь завизжала — тонко, почти по-детски.
Плоская ладонь врезалась мне в грудь.
Я отлетел к перилам. Спасательный жилет смягчил удар, но воздух из лёгких вышибло.
Кромочник рванулся следом.
Водитель автобуса, тот самый хромой мужик, схватил брошенный багор и дёрнул на себя.
Крючок глубже вошёл в горло твари. Она качнулась.
Я поднял топор обеими руками и ударил снова.

На этот раз попал в раскрытую пасть.

Лезвие застряло между зубами. Кромочник задёргался, хлестнул хвостом по ногам водителя и рухнул. Мы с мужиком навалились сверху. Он давил багром, я выворачивал топор, пока под лезвием что-то не хрустнуло.

Тварь обмякла.

Над телом вспыхнули строки.

КРОМОЧНИК УСТРАНЁН

ВКЛАД: 42%

РОЛЬ НЕ ОПРЕДЕЛЕНА

— Сорок два, — выдохнул я.

Водитель посмотрел на меня.

— Что?

— Неважно. На борт.

Из камышей выходили новые твари.

Пять. Семь. Больше.

Мы поднялись на трап. Павел и Горец снова дали струю. Вода сбивала кромочников, но не причиняла им вреда. Они цеплялись за обломки, ползли по стенам, ныряли под причал.

Последним шёл старик. Он двигался медленно, переставляя обе ноги на каждую ступеньку.

— Давай, отец! — Павел наклонился, протягивая руку.

Трап дёрнулся.

Оставшийся шарнир лопнул.

Конструкция просела на полметра. Старик упал на колени. Я успел схватить его за пояс. Горец поймал за ворот и втянул в дверь.

Сам я остался снаружи.

Трап окончательно ушёл вниз.

Между мной и дверью образовался разрыв метра в два. Под ним кипела чёрная вода.

— Прыгай! — крикнул Горец.

Я разбежался по наклонённому металлу.

Снизу вылетела серая рука. Крючья зацепили штанину и рванули назад.

Я прыгнул.

До порога не достал.

Грудью ударился о край палубы. Пальцы скользнули по мокрому металлу. Что-то тянуло за левую ногу вниз.

Горец лёг на живот и схватил меня за жилет.

— Павел, капитана держи!

Матрос вцепился второй рукой. Жилет задрался к подбородку и начал душить.

Кромочник рванул сильнее.

Штанина треснула. Крючья вошли в кожу над ботинком. Боль была резкая, горячая.

Я ударил свободной ногой вниз. Попал во что-то мягкое.

— Топор! — заорал я.

— Где?

Топор остался на причале.

Горец выругался, отпустил одну руку и выхватил нож. Перегнулся через край, полоснул по серым пальцам. Один крюк отлетел вместе с куском плоти.

Тварь разжала хватку.

Меня втащили на палубу.

— Дверь! — прохрипел я.

Павел захлопнул створку. Горец провернул фиксатор и навалился плечом.

Снаружи по металлу застучали крючья.

Я лежал на спине, глядя в потолок. Красный аварийный свет мигал. Грудь ходила ходунком. На разорванной штанине расплзлось тёмное пятно.

Анна появилась надо мной почти сразу, будто ждала за углом.

— Вернулись, — сказала она.

— Записывайте.

— Обязательно. «Капитан проявил редкую форму идиотизма».

Она разрежала штанину медицинскими ножницами. Пальцы коснулись раны.

— Четыре прокола. Глубокие. Павел, аптечку. Не ту, большую. И перчатки.

— Я могу идти.

— Все могут. Некоторые недолго.

— Кормовой конец.

— Ваш конец сейчас тоже под вопросом.

Горец хмыкнул. Я посмотрел на него.

— Что?

— Ничего, капитан. Живой человек радуется.

По двери ударили снаружи. Потом ещё раз.

Анна даже не обернулась. Промыла рану, наложила тугую повязку.

— Я не знаю, что у них на крючьях, — сказала она. — В медпункте есть антибиотики, но сначала вас надо туда доставить.

— Сначала судно.

— Вы сейчас встанете, упадёте и добавите мне работы.

— Тогда держите рядом.

Я сел. Голова поплыла, но быстро вернулась на место.

В коридор ворвалась Лена.

На виске у неё белела полоска пластыря. В руках — переносная рация и распечатанный список пассажиров.

— Двигатели готовы дать малый ход, — сказала она. — Но кормовой конец закусало в кнехте на дебаркадере. С борта не сбросить. Если начнём работать винтами, можем вырвать себе кормовую площадку.

— Людей сколько?

— Пока сто сорок восемь подтверждённых. В каютах ещё считают. Два тяжёлых, семь лёгких. Один член экипажа не отвечает — электрик Лапин. Последний раз был у носовой кладовой.

— Ищите внутри. Наружу никого.

— На берегу остались люди.

— Знаю.

Она посмотрела на мою ногу, потом на дверь, которую продолжали царапать снаружи.

— Трап упал.

— Тоже знаю.

Рация у неё в руке ожила.

— Рубка, машина, — донёсся голос Семёна. — У нас оба главных в готовности, но на правом скачет давление масла. И кто-то перекрыл забортную систему раньше меня. Я хочу знать, кто этот умный человек, чтобы сначала пожать руку, а потом оторвать.

Я взял рацию.

— Семён Ильич, не заводитесь. Забортную перекрыли по моему приказу.

— Тогда руку жать не буду. Правый главный можно держать на малом не больше десяти минут.

— Левый?

— Левый жив. Пока. Что у вас наверху?

По двери снова ударили. Металл прогнулся внутрь и вернулся.

— Пассажиры недовольны сервисом.

— Тогда всё штатно.

— Готовь левый на винт. Правый в резерве. Без команды не включать.

— Принял.

Лена забрала рацию.

— Капитан, если кормовой не снять, нас развернёт поперёк причала. Течение вернулось. Только теперь оно идёт вверх. Я прислушался. Под корпусом гудела вода.

Судно мелко дрожало. Не от генератора — слишком медленно. Нас тянуло кормой против обычного течения. Кормовой швартов принимал нагрузку, для которой не был рассчитан. Если лопнет, конец хлестнёт по палубе. Если выдержит — может вырвать кнехт вместе с куском борта.

— Нужен человек на дебаркадере, — сказала Лена.

— Нет.

— Тогда рубить конец с борта.

— Под нагрузкой он убьёт первого, кто подойдёт.

— Я знаю.

— Значит, найдём третий вариант.

Крамов появился в конце коридора. Теперь он был в спасательном жилете, застёгнутом поверх белой рубашки. За ним шёл Зорин в халате.

— Артём Сергеевич, — сказал Крамов, — пассажиры требуют эвакуации.

— Куда?

Он запнулся всего на секунду.

— На берег.

— Берег видели?

— Судно атакуют. Вы не контролируете ситуацию.

Зорин шагнул вперёд.

— Моя жена там. Я всё равно выйду.

— Через закрытую стальную дверь?

— Откройте её.

Я встал. Нога отозвалась болью, но выдержала.

— Слушайте внимательно. Эвакуация с судна проводится туда, где безопаснее, чем на судне. На берегу находятся неизвестные животные, дорога исчезла, причал разрушен. Штатный трап потерян. Поэтому эвакуации не будет.

Крамов скрестил руки.

— Вы берёте на себя ответственность?

Вопрос прозвучал слишком знакомо.

Семь лет назад другой человек спросил меня почти теми же словами. Только тогда за иллюминаторами был туман, а в папке лежал приказ выйти, несмотря на запрет диспетчера. Я тоже ответил. Потом молодой матрос лежал на мокром бетоне, а я подписывал бумагу, в которой виноватым оказался он.

Плечо заныло сильнее.

— Уже взял, — сказал я.

Белые строки вспыхнули перед глазами.

На этот раз их было больше.

ОСОЗНАННОЕ ДЕЙСТВИЕ ЗАФИКСИРОВАНО

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБЪЕКТ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА

ОБЪЕКТ «ГРОМОБОЙ» НЕ ИМЕЕТ ПРИЗНАННОГО ВЛАДЕЛЬЦА

Я замер. Лена смотрела в пустоту чуть левее меня. Значит, видела то же самое. Крамов побледнел. Строки сменились.

**ЗАПУЩЕНА ПРОЦЕДУРА ВКЛЮЧЕНИЯ В СВОБОДНЫЙ РЕСУРС
ДО ПОГЛОЩЕНИЯ ОБЪЕКТА: 00:12:00**

Цифры дрогнули.

00:11:59

ДЛЯ ОСТАНОВКИ ПРОЦЕДУРЫ ТРЕБУЕТСЯ ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО

Кромочники разом перестали бить в дверь. За переборкой наступила тишина. Та самая неправильная тишина, которую я заметил пять минут назад в рубке. Только теперь молчал не один «Громобой». Молчала вся река. А потом где-то глубоко под днищем что-то огромное провело когтем по корпусу.

Глава 2. Кто здесь капитан

Коготь прошёл под днищем от носа к середине корпуса, неторопливо, с нажимом. Так мог бы провести ножом по консервной банке человек, которому интересно, насколько та тонкая. Палуба отозвалась дрожью, в переборках посыпалась ржавая крошка, а дверь, за которой минуту назад бесновались кромочники, стояла тихо. Твари снаружи тоже слышали этот звук и, судя по всему, решили не мешать старшему.

Перед глазами продолжал идти отсчёт.

ДО ПОГЛОЩЕНИЯ ОБЪЕКТА: 00:11:43

Слово «поглощение» мне не нравилось. На флоте вообще хватает терминов, придуманных людьми, которые сами не собираются присутствовать при обозначенном процессе: затопление, потеря остойчивости, человеческий фактор. Звучит чисто, почти служебно, пока вода не доходит тебе до груди или ты не видишь ботинки человека, которого уже не вытащат. Но здесь хотя бы не притворялись, будто дело ограничится бухгалтерской проводкой. Что-то под «Громобоем» примерялось к обшивке, и второй проход когтя оказался ближе к левому борту.

Рация в руке Лены захрипела так, что мы все вздрогнули.

— Рубка, машина, — голос Семёна Ильича пробился через помехи. — Кто там снаружи решил днище отrixтовать?

Я забрал рацию. На разбитый экран капнула кровь с губы; только тогда понял, что снова её раскусил.

— Не наши. Где удар?

— По звуку — носовые танки, потом под вторым отсеком. Приборы пока не показывают течь, но я этим приборам теперь верю как гадалке у вокзала. Уровень в левом носовом танке прыгнул и вернулся. Давление на пожарной магистрали держится. Левый главный готов.

— Людей из-под ватерлинии навверх. В машинном оставить минимум.

— А двигатели вам кто держать будет, домовой?

— Вы, два моториста и больше никто. Остальные через правый трап на главную палубу. Нижние наружные входы закрыть и задрать.

Семён помолчал. За его спиной что-то лязгало, кто-то быстро и изобретательно матерился, перечисляя детали топливной системы и родственные связи их изготовителей.

— Правый кормовой уже закрыт, — сказал механик. — По левому грузовому нет ответа. Там Лапин рядом был.

Лена вскинула список. В нём уже стояла жирная черта напротив фамилии электрика.

— Ищем, — ответил я. — Двигатели без команды не трогать. Если давление в танке изменится ещё раз, докладывайте сразу.

— Если оно изменится третий раз, я, может, доложить уже не смогу.

— Тогда со второго не тяните.

Я вернул рацию Лене и оглядел коридор. Анна стояла рядом, всё ещё держа окровавленные ножницы. Горец подпирал плечом наружную створку, хотя фиксатор пока выдерживал. Павел разматывал второй пожарный рукав, помогая себе перебинтованной рукой и зубами. За внутренней стеклянной дверью толпились пассажиры, но ближе подходить уже не пытались. Кромочник оставил на стекле мутный след, похожий на отпечаток огромной ладони; всякий раз, когда человек в халате — Зорин — на него смотрел, лицо у него становилось ещё блее.

Крамов смотрел не на дверь и не на воду за ней. Он читал системные строки. Губы у него двигались без звука, словно перед ним лежал договор, в котором искали нужный подпункт.

— Ответственное лицо, — произнёс он наконец. — Формулировка однозначная.

— Поздравляю.

— Не ёрничайте, Артём Сергеевич. Судно принадлежит «Волга-Туру», я действую на основании доверенности и представляю собственника во всём, что касается имущества компании. Сейчас нужно подтвердить мои полномочия.

— Подтверждайте.

Он выпрямился, одёрнул спасательный жилет и заговорил в пустоту тем уверенным голосом, которым привык открывать совещания:

— Я, Константин Аркадьевич Крамов, региональный директор и полномочный представитель общества с ограниченной ответственностью «Волга-Тур», принимаю управление объектом «Громобой» от имени законного собственника.

Ничего не произошло. Секунды продолжили убывать.

Крамов добавил громче:

— Подтверждаю принятие ответственности за сохранность судна и находящегося на нём имущества.

Перед нами развернулась новая строка.

ЗАЯВКА ЗАРЕГИСТРИРОВАНА

**ОБЪЁМ ПРИНЯТОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ
ЖИВЫЕ НА ОБЪЕКТЕ: НЕ ВКЛЮЧЕНЫ**

ЗАЯВКА НЕДОСТАТОЧНА

Горец коротко хохотнул, но сразу перестал: по двери снаружи прошёл скребущий звук. Не удар, просто кто-то проверил крючьями металл и удалился.

— Вы забыли пассажиров, — сказала Анна.

Крамов повернул к ней голову. Он не покраснел, не начал оправдываться; надо отдать ему должное, собрался он быстро.

— Я использовал юридически точную формулировку. Ответственность перевозчика за пассажиров является частью эксплуатации судна.

— Этой штуке не понравилась точность.

— Потому что она не знает нашего права.

— Река тоже обычно не знает, — сказал я. — Однако правила плавания писали с оглядкой на неё, а не наоборот.

Отсчёт показал десять минут пятьдесят одну секунду. Мы потратили почти минуту на доказательство того, что прежний собственник больше не мог прикрыть нас папкой с печатью. На обычном совещании это считалось бы потрясающей эффективностью, но царапавшая днище дрянь явно не разделяла корпоративных стандартов.

Из внутреннего коридора донёсся пронзительный писк. Сначала я принял его за женский крик, потом узнал сигнал пожарного извещателя — короткие импульсы, один за другим. На стеновой панели вспыхнул красный светодиод нижнего грузового вестибюля.

Горец оттолкнулся от двери.

— Вот и Лапин нашёлся.

— Это автоматика, — сказала Лена.

— Тогда нашёлся тот, кто её напугал.

Снизу ударило железом о железо. Гул прокатился по лестничной шахте, и почти сразу из глубины теплохода донёсся человеческий вопль:

— Закрывай! Закрывай дверь!

По внутреннему трапу вылетел моторист в замасленной майке. Он поднимался через две ступеньки, левой рукой прижимая к боку каску, правой таща молодого камбузного рабочего. У того была рассечена бровь, по лицу текла кровь. Следом показался ещё один моторист и захлопнул за собой тяжёлую противопожарную дверь, но повернуть рукоять не успел. С той стороны в металл врезалось что-то тяжёлое. Дверь распахнулась на ладонь, моториста отбросило на перила.

В щели появилась серая кисть с чёрными крючьями.

Горец сбегал вниз быстрее, чем я успел его окликнуть. Топор он держал не над головой — в тесном проходе так только лампы снимать, — а низко, вдоль бедра. Первый удар пришёлся по пальцам, второй по тому, что полезло следом. Кромочник завизжал за дверью, крючья заскребли по металлу.

— Павел, рукав вниз! — приказал я. — Лена, в рубку. Закрывать все наружные двери, которые ещё закрываются, и проверить вентиляцию по отсекам. Марина!

Она уже пробиралась к нам сквозь людей, расталкивая мужчин связкой ключей, как кастетом.

— Всех в ресторан и конференц-зал, по каютам пока не разводить. По спискам считать заново: кто пришёл с берега, кто из экипажа, дети отдельно. Нужны фамилия, каюта и травмы. Не надо выяснять, кто оплатил круиз, а кто забежал без билета.

— А кормить?

Вопрос показался диким только Крамову. Я видел, почему она спросила. В коридоре уже стоял тот особый запах человеческой толпы, когда страх смешивается с потом, лекарствами и чужим дыханием. Через полчаса кто-нибудь обязательно полез бы искать воду, через час родители начали бы требовать еду детям, а ещё через два люди решили бы, что от них что-то скрывают. Марина думала о катастрофе не хуже нас, просто её катастрофа начиналась не с пробоины.

— Вода каждому. Детям что-нибудь простое. Горячее не готовить, пока механик не проверит кухню.

— Уже проверяет мой повар. Если взорвёмся, суп будет последней проблемой.

Она повернулась к толпе и, не повышая голоса до визга, каким-то образом перекрыла пожарную сигнализацию:

— Все слышали капитана. В ресторан идём по правой стороне, левую не занимаем. Кто умеет оказывать первую помощь — руку подняли и не опускаем, пока я вас не увижу. Чемоданы бросили. Мужчина в халате, если вы ещё раз толкнёте моего официанта, халат останется здесь, а вы пойдёте дальше в природном виде.

Зорин уставился на неё, но толкаться перестал.

Лена не ушла. Она стояла у трапа с рацией и списком, глядя на меня так, будто прикидывала, можно ли выполнить приказ после смерти отдавшего его человека.

— В рубку, — повторил я.

— Старшего там нет.

— Теперь есть.

— Я второй помощник.

— До четырёх семнадцати — да. Потом расписание испортилось. Принимай вахту.

У неё дёрнулась щека. Карандаша за ухом не было, и без него Лена выглядела моложе, чем обычно, почти девчонкой, которой слишком рано дали чужие погоны. Но спорить она не стала; сунула список Крамову, а рацию оставила себе.

— Здесь предварительно сто сорок восемь. Сверьте с посадочной ведомостью, у вас была последняя версия. И не убегайте с ней: она мне нужна.

Крамов принял лист машинально.

— Вы не можете назначать людей на должности без приказа компании.

Лена уже шла к трапу на верхнюю палубу. Она обернулась через плечо.

— Можете написать служебную записку. Если бумага не закончилась.

Системный отсчёт опустился ниже десяти минут.

Я шагнул к нижней лестнице, но Анна схватила меня за локоть. Не за раненое плечо — она помнила, куда я ударился, хотя с того момента успела осмотреть двух тяжёлых и пятерых лёгких.

— Вы на этой ноге вниз не пойдёте.

— Уже иду.

— Артём Сергеевич, четыре прокола могли занести любую дрянь. У вас пульс сто двадцать, зрачки разного размера и плечо, которым вы зря изображаете здорового человека.

— Откуда знаете про пульс?

— Я держу вас за руку.

Её пальцы и правда лежали на запястье. Тёплые, сухие, уверенные. Никакой дрожи, хотя по палубе в который раз прошёл тяжёлый скрежет. На этот раз что-то под днищем задержалось у носа; металл простонал, и люди, ещё не успевшие уйти в ресторан, разом пригнулись.

— Если не закроем нижний вестибюль, — сказал я, — у вас будет много пациентов с одинаковым диагнозом.

— Смерть — не диагноз.

— Тем более.

Анна отпустила мою руку и сняла с шеи маленький фонарь.

— Тогда хотя бы это. И если начнёт тошнить, темнеть в глазах или захочется совершить ещё один подвиг, сообщите ближайшему взрослому.

— Кого рекомендуете?

Она посмотрела на Горца, который внизу матерился, наваливаясь на дверь вместе с мотористом.

— Выбор небогатый.

Я повесил фонарь на шею и начал спускаться. Нога держала, пока я ставил её прямо; стоило повернуть стопу, под повязкой вспыхивало так, будто крючья всё ещё сидели в мясе. Отсчёт плыл перед глазами, накладываясь на ступени.

00:09:27

Внизу Горец и моторист прижали створку почти до рамы. Серые пальцы исчезли, но между дверью и косяком застряла ножка тележки для грязного белья. Колесо вдавило в щель, погнуло крепление, и теперь дверь не закрывалась на последние три сантиметра. С той стороны кромочник бился о металл короткими рывками. Каждый толчок раздвигал щель, Горец с мотористом возвращали её обратно.

Павел тащил рукав по ступеням, зацепляя соединительными головками перила.

— Почему не в рубке? — спросил я.

Он не ответил, только сильнее дёрнул шланг. Лицо у него блестело от пота, слишком новая форма была разорвана на колене, а вокруг запястья проступила кровь. Потом всё-таки выдал:

— Сафина сказала, что на посыльного я гожусь и без неё. А здесь людей не хватает.

— Она приказала?

— Не совсем.

— Значит, сам решил.

Павел замер, ожидая разноса.

— Рукав к стене, чтобы проход не перекрыл, — сказал я. — И больше не таскай его раненой рукой. Если её оторвёт, новую тебе компания не выдаст.

— Уже не компания, похоже.

— Не наглей. Это моя работа.

Он кивнул и перехватил рукав под мышку. Шутка вышла слабая, но перестал он дрожать хотя бы на время.

Я присел у двери. Тележку снаружи не было видно, только хромированную трубку, раздавленную створкой. Чтобы выдернуть её, пришлось бы дать двери раскрыться на полметра. Кромочник ждал именно этого. В щель просунулась узкая морда, вертикальный рот раскрылся и с хлопком сомкнулся на воздухе в десяти сантиметрах от Горцевой руки.

Боцман отшатнулся, затем ударил обухом по серой коже.

— Один там? — спросил я у моториста.

— Видел троих. Может, больше. Они через грузовую полезли, створку внутрь вмяли. Лапин был у носовой кладовой, я его не видел. Думал, вышел другим трапом.

— Второй выход из коридора?

— Через машинное, но противопожарная у мастерской закрылась автоматически. С нашей стороны не открыть, питание на приводе пропало.

— Ручной привод?

— Внутри мастерской.

Судно строили люди с твёрдой верой, что авария будет происходить строго по инструкции и обязательно с той стороны двери, где находится рукоять. За сорок лет вера не оправдалась ни разу, но чертежи пережили всех.

Я осветил сквозь щель. Луч выхватил мокрый пол, опрокинутую тележку и полосу воды, бегущую к трапу. Вода уже доходила до порога. Если грузовую дверь вмяло ниже ватерлинии, очень скоро нам стало бы не до кромочников.

— Семёну, — сказал я Павлу. — Узнай уровень воды в левом грузовом коридоре и можно ли закрыть его от машинного. Потом пусть найдёт схему дверей, клапанов и вентиляции. Не вспоминает наизусть — пусть смотрит чертёж.

Павел потянулся к рации на поясе, но та зашипела раньше.

— Капитан, рубка, — голос Лены звучал слишком близко, будто она стояла рядом. — По камерам вижу нижний левый коридор. Четыре существа. Одно у пожарной двери, два возле грузового вестибюля, ещё одно... подождите... четвёртое на потолке над кладовой. Там есть человек, дверь изнутри закрыта. Он стучит фонарём.

— Лапин?

— Лица не вижу. Он показывает три коротких, три длинных. Думаю, даже ваша компания поймёт намёк.

За дверью снова ударили. Горец с мотористом удержали створку, но ножка тележки согнулась ещё сильнее. До момента, когда она выскочит или переломится, оставалось несколько толчков.

Перед глазами висели другие цифры.

00:08:11

— Лена, найди управление местной сигнализацией в грузовом вестибюле. Сирена, звонок подъёмника, что угодно, что можно включить отдельно. Семён даст схему. Марина пусть приготовит два огнетушителя с пеной и ещё один рукав у правого трапа.

— Что хотите сделать?

— Сначала проверить, слышат ли они лучше, чем думают.

— А если думают они лучше нас?

— Тогда проверка будет короткой.

Я поднялся и посмотрел на Крамова. Он спустился следом, держа в одной руке список пассажиров, в другой — свой телефон. Часы на его запястье показывали всё те же четыре семнадцать. Телефон, судя по лицу, тоже не помогал.

— Артём Сергеевич, времени почти нет. Вы обязаны подтвердить передачу управления мне. Исправленную формулировку я дам.

— Людей включили?

— Разумеется. Я принимаю ответственность за пассажиров и экипаж в объёме обязательств перевозчика.

— А за тех, кто пришёл с берега без билета?

Крамов на секунду опустил глаза к списку.

— Они находятся на имуществе компании незаконно, но в чрезвычайной ситуации мы обеспечим им временное размещение.

— Вы сейчас не номер в гостинице распределяете. Если этот отсчёт дойдёт до нуля, что будет с ними?

— Мы этого не знаем.

— А отвечать собираетесь в объёме договора, которого у них нет.

Он сжал телефон. Кромочник снова толкнул дверь, и Крамов невольно отступил на ступеньку, однако не побежал наверх и голос не повысил.

— Я пытаюсь сохранить управляемость, — сказал он. — Вы ранены, старшего помощника нет, половина экипажа не на борту. В ресторане полторы сотни людей, которым никто ничего не объяснил. Вас сейчас убьют в коридоре, и после этого вся ваша ответственность сведётся к красивой фразе. Дайте мне полномочия, пока ещё можете.

В других обстоятельствах я бы послал его сразу. Хуже всего было то, что в одном он не ошибался: если я свалюсь здесь, некому даже будет сказать пассажирам, кто принимает решения. Лена умела вести судно и знала реку, Горец удерживал людей, Семён — машины, Марина — быт, Анна — жизнь там, где она ещё цеплялась. Но они пока были отдельными постами, между которыми ходили команды по трещащей рации. Старпом мог бы собрать их, только старпом в четыре утра застрял где-то в прежнем Нижнем Новгороде, если тот вообще продолжал существовать.

— Список сверили? — спросил я.

— Не полностью. В посадочной ведомости сто пятьдесят семь, включая экипаж, фактически отметили сто пятьдесят восемь. Двое записаны дважды, семеро пришли с берега, один ребёнок не был внесён в бронь. Ещё Лапин.

Он говорил без бумажки, быстро и точно. Крамов умел обращаться с цифрами; именно поэтому его опасно было считать простым кабинетным идиотом.

— Закончите пересчёт, — сказал я. — И помогите Марине держать людей в ресторане.

— Это ваш ответ?

— Пока да.

— Тогда вы рискуете не только собой.

— Наконец-то вы заметили.

Крамов хотел сказать ещё что-то, но из динамика под потолком ударил звонок грузового подъёмника. Резкий, старый, раздражающий звук разнёсся по нижнему коридору.

Кромочник у двери перестал давить.

Серая морда исчезла из щели.

Мы слышали, как крючья быстро зацокали по полу, удаляясь к грузовому вестибюлю. Второй набор когтей двинулся следом, потом третий. Четвёртый остался на потолке у кладовой — Лена считала вслух по рации, и от её спокойных цифр становилось не легче.

— Слышат, — прошептал Павел.

— Все слышат, — ответил Горец. — Не все понимают.

Горец упёр сапог в тележечную ножку, моторист взялся за створку, я зацепил трубу багром. Мы собирались выдернуть помеху под звон подъёмника и сразу закрыться. На счёте оставалось шесть минут сорок девять секунд.

Звонок оборвался раньше, чем я сказал «три». Лена выругалась в рацию: сгорел предохранитель. Кромочники развернулись, первый ударил в дверь с разбега. Ножку тележки выбило, створка распахнулась, Горца с мотористом швырнуло к стене.

Павел дал воду одной рукой и сначала попал мне в бок. Давление отбросило его на ступени, но я перехватил ствол и направил струю в проём. Первую тварь отбросило обратно; вторая вцепилась над Горцевой головой. Боцман рубанул снизу, моторист поскользнулся под

хлестнувшим хвостом и ударился лбом о ступеньку. Павел заорал — просто от страха, без слов, — подхватил рукав уже обеими руками и сбил кромочника с косяка.

Мы втроём дожали створку. Серая рука осталась в щели, Горец переломал крючья обухом, металл сомкнулся с хрустом. Когда фиксатор наконец вошёл в паз, Павла трясло так, что головка рукава стучала о перила.

— Я всё испортил.

— Рукав удержал?

— Удержал.

— Значит, остальное позже.

Моторист застонал и попытался отпихнуть Горца, проверявшего пульс. Звонок за дверью ожил неровными очередями; крючья заскребли от нас. На отсчёте оставалось пять минут восемнадцать секунд. Дверь мы выиграли, судно продолжало проигрывать время.

Лена вызвала меня сама. Я ещё не успел подняться; сидел у переборки, затягивал расползшуюся повязку поверх мокрой штанины и смотрел, как вода из пожарного рукава уходит по ступеням. Насос гнал её из запасной цистерны, то есть каждой минутой обороны мы уменьшали запас, который потом пришлось бы пить. В прежней жизни за такую мысль меня сочли бы мелочным. В прежней жизни вода за дверью не пыталась войти на судно собственными руками.

— Артём Сергеевич, в ресторане начинается бардак, — сказала Лена. — Люди видят отсчёт. Кто-то решил, что «поглощение» означает взрыв, кто-то — что судно утонет. Крамов объясняет, что вы отказались передать ему управление.

Я поднял глаза. Крамова на лестнице уже не было. Ушёл тихо, пока мы держали дверь, и унёс с собой список.

— Марина где?

— Там же. Пытается перекричать всех, но у неё один голос, а идиотов больше. Зорин требует открыть дверь и выпустить его к жене. Ещё двое поддерживают.

— Общесудовую связь мне.

— Она работает из рубки и с поста у ресторана. До ближайшей панели вам один пролёт наверх.

Горец услышал и подхватил моториста под плечи.

— Идите, капитан. Тут дверь теперь хрен откроешь даже с нашей стороны. Я дождусь Анну и решу, как Лапина вытаскивать.

— Не решишь. Подготовишь варианты.

— Как скажете. Подготовлю один хороший и два ваших.

Я встал, опираясь на перила. Павел двинулся было следом, но я кивнул на раненого.

— Останешься с Горцем.

— Но вы же...

— Я дойду. Если не дойду, поднимете позже.

Доверия в его лице не прибавилось, зато спорить он больше не стал. Уже прогресс, хотя и не тот, за который выдают уровень.

До панели у ресторана оказалось двадцать семь ступеней. На четырнадцатой стало темнеть по краям зрения. На двадцатой пришлось остановиться, притворившись, что слушаю корпус. Корпус и правда шумел: гудела пожарная магистраль, под палубой работал генератор, снаружи плескалась пошедшая вспять река. Скрежета под днищем больше не было. Возможно, тварь решила, что банка откроется сама, и ждала.

Отсчёт показывал четыре минуты сорок две секунды.

У ресторана пахло кофе, йодом и рвотой. На полу лежали салфетки, детский рюкзак в форме жёлтой утки и чьи-то очки с треснувшей дужкой. Марина поставила двух официантов в дверях и впускала людей только после того, как они называли фамилию. Тех, кого уже отметили, вводили к окнам, новых оставляли ближе к сцене. Порядок выглядел странно, но работал.

Крамов стоял на маленьком подиуме, где вечером должен был петь приглашённый шансонье. В руках у директора был беспроводной микрофон. Обычно этот микрофон выдерживал максимум три куплета про любовь и просьбу сделать музыку погромче; теперь через него предлагали сменить власть.

— Нам необходимо действовать законно и согласованно, — говорил Крамов. — Я не призываю к конфликту с экипажем. Напротив, компания обеспечит сохранение существующей структуры управления, снабжения и ответственности перед каждым пассажиром.

— Компания где? — крикнул кто-то из глубины зала.

— Связь будет восстановлена.

— А до этого нас сожрут?

Крамов не повысил голос. Он умел держать зал, пусть зал и состоял из босых людей в спасательных жилетах.

— Именно поэтому сейчас нельзя допустить, чтобы один раненый человек принимал необратимые решения от имени всех.

Люди заговорили разом. Одни требовали дать слово капитану, другие — немедленно подтвердить Крамова, третьи спрашивали про шлюпки. Зорин стоял у сцены, сжимая пояс халата так, что побелели пальцы.

— Моя жена в терминале! — крикнул он, увидев меня. — Вы нас тут считаете, а она там! Скажите им, что откроете выход!

Я взял второй микрофон у стойки. Динамики отозвались гулом.

— Выход не открою.

Над залом стало чуть тише. Зорин шагнул ко мне.

— Тогда какое вы имеете право называть себя ответственным за меня?

Хороший вопрос. Крамов повернул голову, ожидая ответа. Марина у дверей перестала звенеть ключами. Даже дети, кажется, замолчали — хотя дети чаще взрослых понимали, когда от слов ничего хорошего не будет.

— Никакого, если речь о вашей жизни вообще, — сказал я. — На моём судне во время аварии — имею. Пока снаружи твари, двери останутся закрыты. Я не обещаю, что найду вашу жену. Не знаю, жива ли она. Совру — легче вам не станет.

Зорин смотрел на меня несколько секунд. Потом отвернулся, резко, всем телом. Рядом с ним женщина с девочкой лет семи потянулась было коснуться его руки, но передумала.

Перед глазами вспыхнули цифры.

00:03:51

— Мы можем спорить ещё три минуты, — сказал Крамов в свой микрофон. — Потом, судя по всему, будет поздно. Я готов принять ответственность за каждого находящегося на борту вне зависимости от его статуса и наличия билета. Прошу капитана подтвердить передачу управления.

Он произнёс это хорошо. Без юридических оговорок, без «в объёме обязательств», и люди вокруг закивали. Крамов быстро учился, особенно когда прежняя формулировка не срабатывала.

— Подтверждаете? — спросил он меня.

Система никак не отреагировала на его слова. Ей требовалось то ли моё согласие, то ли что-то ещё, чего мы не понимали. Я посмотрел на часы Крамова. Стрелки так и стояли на четырёх семнадцати. Мои механические шли, но отставали от системного счёта на семь секунд; обычно эти семь секунд я бы записал в погрешность, сейчас они казались личным запасом.

— Нет, — сказал я.

Зал взорвался. Несколько человек поднялись со стульев. Крамов не пытался их успокоить; он смотрел только на меня.

— Почему?

— Потому что вы всё ещё принимаете людей вместе с судном, как имущество по акту. Первым делом вы называли корпус. О живых вспомнили после отказа.

— А вы вспомнили? Вы оставили охранника на причале.

Микрофон донёс его голос до каждого угла. Кто-то рядом тихо спросил, какого охранника. В голове снова возникла рука на мокром асфальте, пальцы, скребущие крошку, и синие часы на запястье. Я мог соврать. Достаточно было сказать, что человек погиб раньше, что к нему нельзя было пробиться, что у меня за спиной были семеро. Всё это было правдой, только не той частью, которая не давала мне покоя.

— Оставил, — ответил я. — Если бы пошёл за ним, твари отрезали бы остальных от трапа. Я выбрал тех, кого мог довести до борта.

Женщина у сцены закрыла девочке уши, будто признание могло ранить сильнее крика.

— И после этого считаете себя лучше меня? — спросил Крамов.

— Нет.

Наверное, он ждал другого ответа. Его микрофон чуть опустился.

В радиации на моём поясе затрещал голос Лены:

— Капитан, вода в левом грузовом коридоре поднялась на семь сантиметров. Грузовая дверь открыта, но уровень дальше не растёт. Твари все там. Человек в кладовой отвечает. Семён нашёл путь через мастерскую, только дверь надо открыть вручную с его стороны.

В ресторане слышали каждое слово. Люди снова заговорили. Крамов поднял руку, требуя тишины, и зал удивительным образом послушался.

— Передайте полномочия, — сказал он. — Потом идите спасать кого хотите. Я не стану вам мешать.

— В том и разница, Константин Аркадьевич. Вы уже разделили эти дела.

Отсчёт дошёл до трёх минут.

Я нажал кнопку общесудовой трансляции на панели. Звук из ресторанных колонок изменился, к нему добавилось эхо коридоров, рубки, машинного отделения и кают, где, возможно, ещё лежал кто-то неучтённый.

— Говорит капитан. Всем оставаться на местах и выполнять команды экипажа. Слушайте внимательно, повторять не буду. Связи с берегом нет. Нижний левый вход повреждён, на борту четыре твари. Дверь к пассажирским палубам закрыта. Двигатели исправны частично. Кормовой швартов держит судно, но надолго его не хватит. Спасательных мест на всех достаточно, безопасного места для высадки нет.

Я замолчал. Система не отзывалась. Люди ждали продолжения, а я внезапно вспомнил, как семь лет назад читал по общесудовой связи приказ о выходе. Голос тогда был такой же ровный, факты — такие же правильные, и нигде не прозвучало, что я согласился рискнуть чужой шеей ради чужого графика. Потом мне долго казалось: беда не в том, что я ошибся, а в том, что ошибку заставили звучать как обычную работу. Это тоже была удобная мысль. Команду отдал я.

— На борту есть пассажиры, экипаж и люди, которых мы забрали с причала, — продолжил я. — Для аварии разницы между вами нет. Пока вы на «Громобое», вы все моя команда. Это не делает вас моей собственностью и не заставляет соглашаться со мной. Но отвечать за судно и каждого живого на нём буду я. Ответственное лицо — капитан Ладожин Артём Сергеевич.

Белые строки заслонили лица.

ЗАЯВКА ЗАРЕГИСТРИРОВАНА

ОБЪЕКТ: «ГРОМОБОЙ»

ПРИНЯТАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: СУДНО, ЭКИПАЖ, НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ ЖИВЫЕ

ОСНОВАНИЕ: ФАКТИЧЕСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ / ОТКАЗ ОТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СПАСЕНИЯ / СОХРАНЕНИЕ БОРТА

Отсчёт остановился на двух минутах тринадцати секундах.

В ресторане кто-то засмеялся от облегчения. Смех тут же перешёл в плач. Марина села рядом с пожилой женщиной, обхватила её за плечи, но глаз с системных строк не сводила.

Крамов первым заметил, что всё ещё не закончилось.

— Там продолжение, — сказал он.

ОПРЕДЕЛЕНА СОВМЕСТИМАЯ РОЛЬ

РЕДКИЙ КЛАСС: КАПИТАН ПУТИ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗАКРЕПЛЯЕТСЯ ЗА НАЗНАЧЕННЫМ БОРТОМ

СНЯТИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОПУСТИМО ТОЛЬКО ПОСЛЕ ПРИЗНАННОЙ ПЕРЕДАЧИ

ПРИНЯТЬ КЛАСС?

ДА / НЕТ

Отсчёт снова пошёл.

00:02:12

Крамов прыгнул с подиума. Для человека в дорогих туфлях и спасательном жилете он двигался быстро.

— Не подтверждайте. Вы не знаете условий.

— Знаю главное.

— Вы навсегда привяжете себя к этому судну. Возможно, нас всех. Система сформулирована так, что мы даже не понимаем значения слова «передача».

— Поэтому вам и не передаю.

— Я серьёзно, Ладожин! — впервые за всё утро он сорвался на фамилию без отчества. — Сейчас вы принимаете решение в состоянии шока и после травмы головы. Это можно оспорить в любой нормальной процедуре.

— Найдёте нормальную — зовите.

— А люди? Вы только что назначили их своей командой, не спросив ни одного.

Анна стояла у дверей ресторана. Я не заметил, когда она пришла. На халате прибавилось крови, волосы выбились из узла, в руке она держала систему для капельницы. Посмотрела на Крамова, затем на меня.

— Он в этом прав, — сказала она.

По залу прошёл шум. Крамов повернулся к ней, почти благодарный.

— Не целиком, — добавила Анна. — Никто не обязан считать себя вашей командой после того, как закончится непосредственная угроза. Но если сейчас выбирать между человеком, который уже отдаёт приказы и отвечает на неприятные вопросы, и человеком, который первым делом принял имущество, я предпочту капитана. Как врач. Не как собственность перевозчика.

— Мне не нужно голосование, — сказал я.

— Вот поэтому я и высказалась.

Отсчёт показывал минуту сорок.

Зорин вышел вперёд. На секунду мне показалось, что он попытается отнять микрофон, но он остановился в двух шагах.

— Если примете, вы откроете дверь за моей женой?

— Когда будет способ выйти и вернуться, не отдав тварям остальных.

— Это опять не ответ.

— Другого нет.

Он судорожно провёл ладонью по мокрым волосам.

— Тогда я не ваша команда.

— Хорошо.

Система не возразила. Никакой красной метки над Зориным не появилось, разум у него не затуманился, колени сами не согнулись. Он остался злым человеком в гостиничном халате, который не признавал меня и всё равно находился на судне, за которое я собирался отвечать. Как ни странно, именно это убедило меня сильнее системных надписей. Если бы класс требовал послушных кукол, я нажал бы «нет». Я слишком хорошо знал цену удобному экипажу, который кивает до первой могилы.

— Принимаю, — сказал я.

Отсчёт исчез.

Удар пришёл снизу. Не когтем — всем днищем разом. «Громобой» подбросило у причала, люстры в ресторане качнулись, посуда посыпалась с незафиксированной стойки бара. Я успел схватиться за стену. Крамов удержался за спинку кресла, Анна закрыла собой капельницу и лежавшего на диване мальчика. В нескольких местах погас свет.

За окнами река вспухла тёмным валом. Из воды поднялся длинный чёрный гребень, прошёл вдоль левого борта и растворился возле кормы. Существо под днищем уходило, словно вдруг потеряло право на добычу.

**ПРОЦЕДУРА ВКЛЮЧЕНИЯ В СВОБОДНЫЙ РЕСУРС ОСТАНОВЛЕНА
ОБЪЕКТ ЗАКРЕПЛЁН ЗА ОТВЕТСТВЕННЫМ ЛИЦОМ
СТАТУС ОБЪЕКТА: РАНГ 0 / ПРИПИСКА НЕ ВЫПОЛНЕНА**

Строки сменились, и я впервые увидел то, что обычно ждут от Системы люди, выросшие на играх, а не на судовых инструкциях.

АРТЁМ ЛАДОЖИН

КЛАСС: КАПИТАН ПУТИ, УРОВЕНЬ 1

КОРПУС: 7

ХОД: 6

ГЛАЗ: 9

ВОЛЯ: 10

РЕМЕСЛО: 11

КЛАССОВЫЙ НАВЫК: «МОЙ БОРТ»

Цифры ничего мне не сказали. Если семь единиц Корпуса означали способность сидеть на мокром полу с дырками в ноге, то достоинство сомнительное. Спросить было не у кого. Система уже свернула таблицу и развернула описание навыка.

«МОЙ БОРТ»

**ДОСТУПНО: ГРУБОЕ СОСТОЯНИЕ НАЗНАЧЕННОГО СУДНА; ПРИСУТ-
СТВИЕ НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ СУЩЕСТВ В ПРЕДЕЛАХ КОРПУСА**

**НАВЫК НЕ ЗАМЕНЯЕТ ДИАГНОСТИКУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ДЕЙ-
СТВИЯ**

— Хотя здесь честно написали, — пробормотал я.

— Что? — спросила Анна.

— Что капитан не механик, не врач и не господь бог.

— Последнее особенно полезно.

Я подумал о «Громобое».

Навык не включился светящейся картой, и голос в голове не начал докладывать повреждения. На меня просто навалилась чужая тяжесть. Девяносто шесть метров корпуса разом обрели вес, будто раньше теплоход существовал только глазами и ногами, а теперь оказался продолжением позвоночника. В носу ныло. Слева тянуло холодом через распахнутую рану грузового входа. Машинное отделение отзывалось горячей пульсацией, неровной, но живой. Кормовой швартов чувствовался натянутой жилой, которая вот-вот лопнет.

И ещё внутри были чужие.

Пять.

Я не видел их и не мог бы указать пальцем на палубу, но знал: пять вещей находились в пределах корпуса и не принадлежали ни людям, ни судну. Четыре шевелились близко друг к другу внизу слева. Пятое ощущалось где-то впереди, глубже. Большое или далёкое — навык этого не объяснял.

Лена говорила о четырёх кромочниках. Значит, камера не увидела одного.

Я поднял рацию.

— Горец, дверь не открывать. Тварей на борту пять.

— Откуда пятая?

— Не знаю. Теперь чувствую.

Молчание длилось недолго.

— Поздравляю с повышением, — сказал боцман. — А полезное что-нибудь чувствуете? Например, как их вышвырнуть?

— Нет.

— Тогда повышение штатное.

Крамов уже перестал выглядеть растерянным. Он увидел новый механизм власти и принялся искать к нему инструкцию. Потребовал передать управление теперь, когда секундомер исчез, а после отказа сказал тихо, без микрофона: «Вы назвали людей командой без их согласия. Это не капитанство, Ладожин. Это присвоение». Ответа я не нашёл. Правда, произнесённая неприятным человеком, не превращается в ложь.

Я отключил общесудовую связь, велел Марине продолжать пересчёт и отдал Крамову ведомости: в цифрах он не путался. Анна тем временем затянула поверх промокшей повязки новый бинт. Вокруг плакали дети, официанты разносили воду в кофейных чашках, кому-то было плохо в пакет, у сцены ругались из-за зарядки для телефона, хотя сеть исчезла вместе с половиной берега. Никакой красивой минуты объединения не получилось. Так и выглядела моя команда — люди, занятые каждый своим страхом, и несколько человек, которым некогда было бояться целиком.

Рация снова ожила голосом Горца:

— Капитан, Семёныч нашёл проход к мастерской. Можем вывести Лапина через машинное, если он сам откроет ручную задвижку. Только до него надо докричаться. Звонок тварей держит у грузовой, но долго цепь не проживёт.

Я опёрся ладонью о стену. Пять чужих присутствий остались на месте. Четыре дёргались у внешнего входа. Пятое лежало глубже, почти неподвижно.

— Иду вниз, — сказал я.

Анна забрала у помощницы аптечку и пошла рядом, напомнив, что я сам объявил её частью команды, не спросив. Пришлось пользоваться последствиями.

Мы вышли из ресторана. За спиной Крамов называл фамилии, Марина отвечала «есть» или «не видела», Зорин молча стоял у окна и смотрел на исчезнувший терминал. Снаружи над чёрной водой занимался рассвет, но света от него не становилось больше.

План спасения электрика придумал Семён Ильич, а потому он начинался словами: «Только не трогайте ничего лишнего» и требовал трогать почти всё.

На схеме нижней палубы левый грузовой коридор шёл от вмятой наружной двери к носовой кладовой, затем упирался в мастерскую. За мастерской находился короткий служебный проход в машинное отделение. Автоматика закрыла противопожарную створку и обесточила привод. Ручное колесо располагалось со стороны мастерской; чтобы добраться до него, Лапину

требовалось выйти из кладовой, пройти метров двенадцать по коридору и открыть дверь, над которой висел четвёртый кромочник.

— Если включить звонок у подъёмника и дать гудок в машинном, — сказал Семён по рации, — твари, может, пойдут на звук. Лапин тогда пробежит к мастерской.

— «Может» — это расчёт? — спросил Горец.

— Нет, расчёт будет длиннее и с матом. Камера показывает, что три сидят у звонка. Четвёртый между кладовой и мастерской. Другого пути к электрику нет, если вы не научились проходить сквозь переборки.

— Капитан теперь волшебный.

— Капитан теперь чувствует, где проблемы, — сказал я. — Это не волшебство. Любая бухгалтерия умеет то же самое.

Я стоял у закрытой двери. С нашей стороны собрались Горец, Павел, пришедший в себя моторист и Анна. Павлу руку перебинтовали заново и всё-таки отобрали пожарный ствол; он держал рацию и длинный шест с крюком. Второй рукав протянули от правого трапа через поперечный коридор. За дверью продолжал трезвонить подъёмник, но интервалы между ударами становились всё длиннее.

Вода под порогом больше не текла. Семён проверил уровни и решил, что грузовой вестибюль затопило до ватерлинии, после чего давление сравнялось. Это было хорошей новостью только для людей, которым нравилось иметь на борту открытый вход в реку.

— Три у грузовой, один у кладовой, — повторила Лена из рубки. — Тот, что у кладовой, на потолке. Лапин видит его через решётку и дверь не открывает.

Я закрыл глаза. Четыре чужих пятна шевелились внутри корпуса, как занозы. Сосредоточился на ближайшем к носу. Границы расплывались, палубы накладывались друг на друга; я мог сказать лишь, что оно выше остальных на пару метров и чуть правее. Камера давала больше. Навык не превращал меня в человека, который знает всё, и это почему-то успокаивало.

— Лена, можешь говорить с Лапиным через местный динамик?

— Только если он слышит. Обратной связи нет.

— Скажи: после трёх гудков открыть дверь, не смотреть вверх, бежать к мастерской. Павел, когда увидим его, подаёшь команду. Горец откроет нашу створку на ширину плеч и встретит четвёртого. Я держу рукав. Анна ждёт за поворотом.

— Мне бы тоже что-нибудь выдать, — сказала она.

— Носилки.

— Всегда мечтала.

Горец осмотрел топор. На лезвии застрял чёрный обломок крючка.

— А трое у грузовой?

— Останутся на звонке. После Лапина выдавим их наружу двумя рукавами и закроем коридор у поперечной переборки.

— А дверь наружная открыта.

— Поэтому выдавим в правильную сторону.

— Я же говорил: один хороший план и два ваших.

Из машинного отделения донёсся первый гудок. Низкий звук прошёл через металл, от него завибрировали перила. Три присутствия у грузовой дёрнулись и остались на месте. Четвёртое медленно поползло к мастерской.

— Двигается, — сказала Лена. — Не туда. К мастерской.

— Лапину ждать, — приказал я.

Второй гудок оказался длиннее. Четвёртая тварь ускорилась. Она шла по потолку на звук, значит, напрямик к двери, через которую должен был выйти электрик. Если дать третий сигнал по плану, мы приведём её к нему вместо того, чтобы увести.

— Семён, отставить третий!

Гудок уже начался.

За дверью кладовой мелькнул свет. Лапин принял условный сигнал и открыл.

— Вышел! — крикнула Лена. — Тварь над ним!

Я не видел коридора, только чувствовал два присутствия, человеческое и чужое, которых навык отчего-то не разделял картинкой. Они сходились.

— Лапин, назад! — заорал Павел в рацию, хотя электрик его не мог услышать.

По ту сторону двери раздался выстрел.

Потом второй.

Кромочник завершал. Через смотровое окошко я увидел серое тело, сорвавшееся с потолка, и мужчину в синем комбинезоне. Лапин держал в вытянутой руке ракетницу. Красный огонь горел в плече твари, чадил жирным дымом. Электрик пятился к мастерской, прихрамывая, и пытался переломить ствол для нового заряда.

— Откуда у него ракетница? — спросил Павел.

— Носовая кладовая, — ответил Горец. — Значит, имущество списывать не придётся.

Кромочник бросился на Лапина.

— Открывай! — сказал я.

Горец крутанул рукоять. Дверь отошла от рамы на двадцать сантиметров. Мы вдвоём навалились, расширяя щель. Павел просунул шест и ударил им по переборке, привлекая внимание. Тварь остановилась на полпути к электрику. Рот повернулся к нам раньше головы.

— Сюда, мразь, — сказал Горец и ударил топором по косяку.

Кромочник прыгнул.

Мы успели раскрыть дверь на ширину плеч. Боцман встретил тварь топором, но та ударила в полёте. Крючья скользнули по спасательному жилету, распорили оранжевую ткань и выдрали кусок наполнителя. Горца развернуло. Кромочник врезался в створку и застрял поперёк проёма, царапая сразу пол, стену и потолок.

Я дал воду.

Струя ударила сбоку, прижала серое туловище к косяку. Горец поднялся, сплюнул кровь и рубанул в основание хвоста. Тварь выгнулась. Крючья царапнули мне по рукаву, не достав до кожи. Я сместил ствол к голове. Вода разорвала вертикальный рот, но кромочник упрямо лез внутрь, дёргая хвостом по затопленному коридору.

Лапин добрался до мастерской. Он бросил ракетницу, обеими руками схватился за ручное колесо и начал крутить. Колесо не поддавалось.

— Давай, Серёга! — Павел орал так, будто мог протолкнуть голос через металл.

Лапин навалился всем телом. Колесо сдвинулось на четверть оборота.

Кромочник в дверях резко обмяк. Горец попал топором ещё раз, туда, где узкое туловище соединялось с головой. Чёрная кровь смешалась с водой. Над тварью вспыхнуло:

КРОМОЧНИК УСТРАНЁН

ДЕЙСТВИЕ В РАМКАХ КЛАССА: ЗАЩИТА НАЗНАЧЕННОГО БОРТА

Уведомление мешало видеть. Я смахнул его взглядом, не зная, как именно это сделал.

— Тело наружу, дверь держать! Павел, помоги Лапину через связь с машинным. Анна, готовься принимать.

Мы вытолкнули кромочника обратно в коридор. Лапин докрутил колесо. Противопожарная дверь у мастерской медленно отошла в сторону, за ней показались Семён Ильич и двое мотористов. Механик схватил электрика за комбинезон и втащил в проход.

— Лапин в машинном, — доложила Лена. — Живой. Остались три у грузовой.

Четыре чужих присутствия внутри корпуса стали тремя.

Нет. Четыре.

Одно исчезло возле нас, три метались у внешней двери, а глубокое пятно впереди никуда не делось. Получалось пять изначально, как и сказал навык. Я всё ещё принимал пятое за ещё одного кромочника, забившегося между переборок.

— Закрываем нашу дверь, — сказал я. — Готовим два рукава. Дальше выталкиваем троих.

— Может, оставить их за створкой? — спросил Павел. — Они к пассажирам не пройдут.

— Пока не прогрызут вентиляцию или кабели. И грузовой вход открыт. Если придут ещё, у нас будет питомник.

Горец потёр распоротый жилет. Под ним на груди наливались четыре красные полосы, кожа осталась целой.

— Значит, чистим.

Дальше инструкция сводилась к двум рукавам, топору, багру и трём пенным огнетушителям из ресторана. Звонок отключили. Кромочники остались у вмятой наружной створки: один на полу, второй на стене, третий над камерой. Навык подтверждал только количество — три быстрых пятна у борта и одно тяжёлое впереди, — а потому шли по старинке, доверяя Лене, свету и собственным глазам.

Горец сунул Павлу багор, поправил ему локоть и велел не махать шестом, а цеплять тварь и тянуть задницу назад. Павел переставил руки без спора. Дрожь у него не прошла, но стала мельче.

Мы открыли створку. Я держал левый ствол, моторист — правый; Горец шёл между нами с топором, Павел замыкал. Вода по щиколотку подрагивала в такт обратному течению. За грузовым проёмом виднелись кусок перевёрнутого дебаркадера и чёрная река. Две твари впереди подняли гладкие морды, слушая шум в рукавах. Лена предупредила о третьей, но камера её не видела.

Под ботинком моториста хрустнул пластиковый поднос.

Третий кромочник упал с потолка между струями.

Он приземлился на руки, хвостом сбил Павла с ног и сразу рванул в сторону кладовой, обходя нас. Я развернул ствол, но рукав зацепился за мёртвое тело. Струя прошла по потолку. На нас обрушилась вода и ключья теплоизоляции.

— Назад идёт! — крикнула Лена в рацию.

Горец встретил тварь плечом. Не красиво, не по-боевому — просто врезался всем весом, не дав проскочить. Кромочник обхватил его за жилет. Чёрные крючья вошли в ткань, один пробил насквозь и царапнул бок. Боцман ударил рукоятью топора в раскрывающийся рот, но тварь тянула его к себе.

Павел лежал в воде. Багор отлетел к стене. Он посмотрел на кромочника, на свои пустые руки, и на секунду застыл. Потом ухватился за плоский хвост обеими руками.

— Я задницу держу! — заорал он.

— Тогда назад! — рявкнул Горец.

Павел упёрся ногами в порог кладовой и потянул. Кромочник качнулся. Я дёрнул рукав на себя, освободил из-под мёртвого тела и ударил струёй снизу. Вода попала твари под длинные руки, разорвала сцепление. Горец отлетел к переборке, Павел — в открытую кладовую, кромочника швырнуло между ними.

Моторист не ждал команды. Он повернул второй ствол и дал полное давление. Две струи сошлись на сером туловище. Тварь понесло по коридору к внешнему проёму, к двум оставшимся.

Они бросились навстречу.

— Держим линию! — сказал я.

Первый кромочник прыгнул через своего собрата. Поток встретил его в воздухе, сбил на пол. Второй ушёл на стену и пополз вдоль труб, цепляясь выше воды. Горец поднял багор

вместо выпавшего топора, зацепил его за хвост и сорвал вниз. Крючья прошли по кожуху, высекли искры.

Давление в рукавах просело. Лена доложила, что насос хватает воздух: почти весь рабочий запас мы сами вылили в коридор. Переключить цистерну можно было только вручную, из машинного, а за две обещанные минуты твари успевали добраться до нас несколько раз. Система честно не предложила волшебной пушки; профессионалы тоже иногда оказывались с пустой водой.

— Огнетушители!

Павел сорвал чеку. Жидкая белая пена ударила кромочнику в морду и растеклась по палубе. Состав тварей не пугал, зато крючья перестали держать скользкий металл. Моторист перекрыл свой рукав, остаток давления пришёл ко мне; Горец вылил ещё два баллона под серые руки. Я направил струю низко. Кромочников сдвинуло сначала на полметра, затем понесло к наружной двери.

Из реки навстречу показались новые крючья. Один кромочник полез внутрь, другой держался ниже, под водой. Пришлось поднять струю и сбить первого; те, кого мы выталкивали, успели развернуться. Горец нашёл топор и шагнул между ними, задерживая ближайшего короткими ударами, пока Павел заливал пеной оставшихся.

Одну тварь потоком пронесло через проём. Вторая зацепилась за согнутую створку. Павел подскочил сбоку и бил металлическим раструбом по пальцам, пока один крюк не сломался, а другой не вылетел из железа. Кромочник повернул к нему пасть, но парень не отступил — только выругался так грязно, что Горец мог бы гордиться. Я направил последнюю воду твари в бок. Она сорвалась, мелькнула над рекой раскрытым ртом и исчезла без всплеска.

Кромочник у Горца ещё дёргался. Боцман сидел на нём верхом, удерживая коленом туловище, и бил обухом, потому что лезвие топора погнулось. Павел бросился помогать. Моторист схватил обломок багра. Я перекрыл воду и прислонился к переборке, чтобы не упасть.

Чужих присутствий стало два.

Одно было под Горцем. Второе — глубокое, впереди.

Боцман нанёс последний удар. Серая тварь обмякла.

Осталось одно.

— Всё, — выдохнул Павел.

— Не всё, — сказал я.

Он поднял голову. На лице была белая пена, в волосах застрял кусок теплоизоляции.

— Опять чувствуете?

— Одно на борту.

Горец медленно встал. По разорванному боку жилета текла кровь, немного, но Анне хватило бы повода.

— Где?

Я попытался сосредоточиться. Глубокое присутствие не двигалось. Оно находилось впереди и ниже нас, внутри той части судна, куда из пассажирских коридоров не войти. Между ним и нами лежали сталь, трубы и вода.

— Не здесь. Нос, ниже ватерлинии.

— Потом, — сказал Горец. — Сначала закроем эту дыру, пока родственники не приехали.

Наружная створка закрываться не собиралась. Её нижний край загнуло внутрь, петли вырывало из рамы. Мы отступили к поперечной переборке, вытащили тела кромочников за грузовой порог и закрыли тяжёлую дверь, отсекая весь затопленный вестибюль. Моторист принёс цепную таль из мастерской. Горец обмотал цепь вокруг рукояти, выбрал слабинку и затянул так, что металл заскрипел. Потом добавил страховочный трос, потому что одной системе он с утра уже доверился и больше не хотел.

— Левый нижний вход изолирован, — доложил я в рубку. — Остальные?

— Правый грузовой задраен, оба кормовых закрыты, — ответила Лена. — Третий пассажирский держится, но стекло треснуло. Поставили мебель изнутри и людей с багами. Кромочники снаружи ушли от борта минуту назад.

— Кормовой швартов?

— Нагрузка снизилась. Обратное течение ослабло, нас пока не разворачивает. Ещё одно: спутников нет совсем, электронная карта показывает нас посреди суши. Радар рисует берег там, где воды километра два.

— Записывай всё. В бумажный журнал тоже.

— Уже. Который час ставить?

Я посмотрел на свои часы. Они показывали четыре сорок девять. По ощущениям прошло несколько суток, из них двое я провёл под пожарным рукавом.

— Судовое время. Четыре сорок девять. Системное, если появится, отдельной строкой.

— Приняла. Крамов спрашивает, на каком основании я веду журнал как старший навигационный офицер.

— Скажи: на основании зелёного карандаша.

В рации повисла пауза.

— Он сломался.

— Тогда полномочия чрезвычайные.

Лена фыркнула и отключилась. Без пожарного насоса стало слышно, как Павла тошнит в сливной лоток. Горец отвернулся и велел мотористу тоже не смотреть. Когда парень отдышался, спросил, бывало ли такое у боцмана.

— Нет, я родился с топором и сразу убил медведя.

— Серьёзно.

— Было. Только после человека. Разницы желудок не понял.

Этого хватило лучше любой речи. Павел прополоскал рот и больше не прятал глаза.

Анна обработала Горцу царапины, забраковала пробитый жилет, потом занялась моей ногой. Пока промывала покрасневшие проколы и вводила антибиотик, доложила: два тяжёлых, восемь человек с ушибами и порезами, света и стерильной воды мало. Затем сообщила, что Крамов ходит по ресторану и спрашивает, кто согласен считать меня капитаном.

— Пусть спрашивает. Запретить — значит признать его правоту.

— А если большинство выберет его?

Ограничение класса висело в памяти чётче цифр: снять ответственность можно только через признанную передачу. Уйти, списаться на берег, попросить нового капитана уже не получится; кто-то должен взять «Громобой» из рук в руки вместе со всеми, кто в нём находится.

— Появится человек, которому смогу передать судно и людей, — передам.

— Это не ответ про большинство.

— Другого нет.

Анна узнала собственную фразу и затянула бинт сильнее, чем требовалось.

Над телом последнего кромочника развернулось системное уведомление. Видели его, судя по лицам, все находившиеся в коридоре.

**ПЕРВИЧНАЯ ОБОРОНА НАЗНАЧЕННОГО БОРТА ЗАВЕРШЕНА
ПРОНИКШИЕ УГРОЗЫ: 4**

УСТРАНЕНО: 2

ВЫТЕСНЕНО ЗА ПРЕДЕЛЫ БОРТА: 2

ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ ЖИВЫЕ НА БОРТУ: 159

Ни опыта, ни уровня, ни золотой рамки. Только сухая запись. Мне она понравилась больше награды. Сто пятьдесят девять живых — число, которое хотя бы можно было защищать.

— Значит, всех нашли, — сказал Павел.

- Система нашла, — поправила Анна. — Мы ещё проверим сами.
- Там написано сто пятьдесят девять.
- А в вашей ведомости сколько было?
- Сто пятьдесят восемь и Лапин.
- Именно поэтому проверим.

Она поднялась и ушла к машинному, где Семён уже ругался на электрика за использование ракетницы в закрытом помещении. Павел посмотрел ей вслед.

- Она всегда такая?
 - Когда спокойная, — сказал я.
 - А когда злится?
- Горец надел поверх перевязки запасной жилет.
- Увидишь, если ещё раз возьмёшь рукав больной рукой.
- Павел спрятал запястье за спину.

Я снова подумал о судне. Четыре кромочника исчезли из ощущения, и теперь единственное чужое присутствие стало заметнее. Оно не находилось в грузовом коридоре, не пряталось на нижней палубе и не двигалось к людям. Лежало в носовой части, ниже наших ног, вытянутое вдоль корпуса. От него шёл не холод и не боль — скорее давление, как от закрытой двери, за которой кто-то стоит вплотную и ждёт, когда повернут ручку.

- Где Лапин? — спросил я.

— Семёныч его в мастерскую утащил, — ответил моторист. — Нога подвернута, рукав комбинезона прожгло. В остальном цел.

Я пошёл туда.

Через сорок минут «Громобой» снова издавал почти правильные звуки.

Работал один генератор, вентиляторы гоняли воздух по закрытому контуру, на камбузе кипятили воду. В рубке Лена пыталась совместить бумажную карту с радаром, который видел новый каменный берег посреди старого русла. Марина закончила третий пересчёт и пришла к тем же ста пятидесяти девяти, хотя двоих пассажиров пришлось искать в запертой каюте, где они решили переждать конец света под одеялом. Крамов помог сверить фамилии, нашёл обе двойные записи и составил отдельный список людей с причала. Потом попросил копию судового журнала. Лена отказала так вежливо, что он не сразу понял.

Кормовой швартов держал. Левый двигатель был готов дать ход, правый Семён приказал не трогать, пока не поймёт причину скачка давления масла. Связи по-прежнему не было, кроме внутренней радиации. Берег за окнами медленно менялся: чёрный камыш отступал, открывая куски асфальта, но там, где прежде начиналась дорога, оставалась отвесная каменная гряда. Тела у портовой машины исчезли. Я не знал, утащили их твари или река, и не был уверен, что хочу знать.

Сергей Лапин сидел в мастерской на верстаке, обняв кружку с горячей водой. Ему было тридцать шесть, выглядел он сейчас на пятьдесят: лицо серое от копоти, редкие волосы прилипли ко лбу, правую штанину разрезали до колена. Голеностоп распух, но перелома Анна не нашла. Рядом на столе лежала ракетница, и Семён Ильич время от времени смотрел на неё с выражением владельца квартиры, в которой гость выстрелил в потолок.

— Ещё раз пальнёшь сигнальной в моём отсеке, — говорил механик, — я тебя сам через грузовую дверь выкину. Без сигнала.

- Оно на потолке было.
- Потолок мой. Я его сорок лет берег.
- Тридцать восемь, — поправил Лапин. — Судно восемьдесят шестого года.

— Вот поэтому электрики и погибают первыми. Не умеют вовремя заткнуться.

Увидев меня, Лапин попытался встать. Нога не выдержала, он сел обратно и расплескал воду.

— Сиди, — сказал я. — Докладывай, что делал у кладовой.

Он поставил кружку. Пальцы у него дрожали, и Лапин спрятал их между коленями.

— После первого удара свет пропал. Я пошёл проверить аварийную шину на носу, потому что автоматика показала землю на корпус. Потом свет вернулся, а датчик уровня левого носового танка дал полный. На секунду, может, на две. Я решил, контакт залило.

Семён перестал смотреть на ракетницу.

— Полный? Он пустой был.

— Знаю. Я проверил журнал перед рейсом. Оба носовых почти пустые, только остаток после промывки. Потом стрелка вернулась на ноль. И внутри танка стукнуло.

— Внутри или по обшивке снаружи?

Лапин провёл ладонью по лицу. Копоть размазалась от виска к подбородку.

— Сначала тоже подумал, что снаружи. Потом ещё раз. Переборка дрогнула в сторону коридора. Изнутри, Семён Ильич. Я пошёл за вами, тут грузовую дверь вмяло, и эти полезли. Пришлось в кладовую.

Механик снял очки, протёр их краем майки, оставив жирную полосу на стекле.

— Не могло там ничего стукнуть. Горловина закрыта, крышка опломбирована. Приёмный клапан перекрыт.

— Я не говорил, что могло. Я говорю, что стукнуло.

— Вы осматривали танк после скачка? — спросил я.

Оба посмотрели на меня. Семён надел очки.

— Чтобы его осмотреть, надо лезть через горловину. Она под настилом в носовом техническом коридоре. Сначала газоанализ, вентиляция, наблюдающий снаружи. Это замкнутое пространство, капитан, туда даже до конца света головой не ныряли.

— Пломба цела?

— По журналу — да. Фактически ещё не проверял. У меня двигатели, насосы и трое мотористов, которые внезапно решили, что умеют умирать без наряда-допуска.

Он говорил сердито, но уже тянулся за связкой технических ключей.

— Оставайтесь здесь, — сказал я. — Сначала скажите, где танк на схеме.

Семён развернул потрёпанный план корпуса, прижал края гайками. Носовая часть была разбита на отсеки, цистерны и пустоты, обозначенные цифрами. Механик ткнул ногтем в длинный узкий прямоугольник у левого борта.

— Вот. Левый носовой балластный. От шпангоута двенадцать до двадцать первого. Горловина здесь. Приём отсюда, клапан ручной, обратный стоит после фильтра. Если каким-то чудом пошла забортная вода, больше пяти тонн набрать не успело бы.

Я положил ладонь на схему. Бумага была тёплой от верстака.

«Мой борт» отозвался сразу.

Чужое присутствие лежало точно под прямоугольником. До этого я воспринимал его пятном, теперь границы вытянулись вдоль танка. Существо занимало почти всю его длину, свёрнутое или сплющенное между внутренними переборками. Оно не походило на кромочника. Те ощущались мелкими занозами, быстрыми и голодными. Это было тяжёлым, сытым и настолько плотным, что на мгновение мне показалось: перед глазами потемнело не от раны, а потому, что оно заметило моё внимание.

В глубине корпуса что-то шевельнулось.

На верстаке подпрыгнула гайка.

Семён медленно посмотрел вниз. Лапин сжал кружку обеими руками.

— Вот так, — сказал он. — Только раньше тише было.

Над схемой возникла белая надпись.

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОЕ СУЩЕСТВО В ПРЕДЕЛАХ БОРТА

ЛОКАЛИЗАЦИЯ: ЛЕВЫЙ НОСОВОЙ БАЛЛАСТНЫЙ ТАНК

СОСТОЯНИЕ: ОПРЕДЕЛИТЬ НЕВОЗМОЖНО

Снаружи горловина была заперта, опломбирована и не открывалась с прошлой проверки.

Изнутри в крышку медленно постучали.

Глава 3. Судовой журнал

В крышку постучали ещё дважды, уже не пробуя привлечь внимание, а будто проверяя толщину. Между ударами проходило ровно столько времени, чтобы подпрыгнувшая на верстаке гайка успела лечь набок. Семён Ильич проводил её взглядом, снял очки и снова принялся протирать, хотя стекло после первого раза чище не стало.

— В журнал запишем, что пустой танк проявил инициативу, — сказал он. — А сейчас все от схемы отошли. Если переборку выдавит, бумага нас не прикроет.

Лапин спустил здоровую ногу с верстака, но я положил ладонь ему на плечо. Электрик дёрнулся сильнее, чем требовалось, горячая вода плеснула из кружки на комбинезон.

— Сидишь здесь и вспоминаешь всё, что видел до удара. Семён Ильич, можно посмотреть внутрь, не открывая горловину?

— Можно посмотреть в замочную скважину и решить, что знаешь квартиру, — проворчал механик, однако уже перебирал ключи от шкафов. — У танка есть воздушная труба и замерная. Через замерную попробуем сунуть камеру, если эта дрянь её не сожрёт. Сначала газоанализ у горловины, потом проверка арматуры. И людей с носа убрать.

Я вызвал рубку. Лена ответила сразу, на заднем плане у неё пищал радар и кто-то листал бумажную карту.

— Освободить носовые каюты главной и нижней палуб, людей перевести в ресторан и к корме. Без паники и без объяснений про десятиметровую тварь в танке, пока мы сами не понимаем, что там. Марина пусть считает при переходе в обе стороны.

— В обе стороны одновременно не получится, — заметила Лена и на секунду замолчала, очевидно записывая приказ. — Крамов требует обсудить любые перемещения пассажиров с ним. Говорит, вы используете чрезвычайные полномочия после окончания непосредственной угрозы.

— Передай ему ведомость носовых кают. Хочет участвовать — пусть проверяет, чтобы никого не забыли. И в журнал: пять двадцать девять, незарегистрированное существо в левом носовом балластном танке, объявлена частичная эвакуация носа.

— Причину писать как «угроза повреждения корпуса» или как «капитану что-то почудилось»? — Лена перевернула страницу журнала, и бумага сухо хрустнула возле микрофона.

— Второе. Подпись поставишь своей кровью.

— Тогда первое, — решила она. — Приняла.

Семён открыл металлический шкаф, вытащил переносной газоанализатор, бухту тонкого кабеля и промышленный эндоскоп в потёртом жёлтом футляре. Прибор пережил две модернизации, пожар на камбузе и молодого практиканта, который однажды попытался проверить камерой работающий вентилятор. После практиканта пришлось менять головку, после конца света — только батарейки.

— Лапин, последний замер танков когда делал? — спросил механик, протягивая ему журнал балластировки. Электрик ответил, что в половине третьего; оба носовых были почти пустыми, крен нулевой, осадка штатная. Семён заставил повторить показания по памяти, сверил с записью и только потом кивнул: словам он доверял меньше цифр, даже если слова произносил сам.

Мы прошли в носовой технический коридор. Настил здесь лежал ниже пассажирских кают; трубы шли вдоль переборок, под потолком висели связки кабелей, на каждом втором вентиле краской было написано, что его нельзя трогать без старшего механика. Сейчас старший механик шёл первым и трогал всё подряд: ладонью проверял нагрев, отвёрткой — крепёж, ухом — металл. Я чувствовал паразита под ногами как длинную тяжёлую полосу. «Мой борт»

не сообщил, где у него голова, чем оно дышит и собирается ли проломить танк. Навык умел только портить неизвестность точным адресом.

Горец встретил нас у снятой секции настила. Новый спасательный жилет сидел поверх перевязки криво; рядом Павел держал багор и большой фонарь. Оба обещали Анне не напрягаться, поэтому боцман притащил лом, а матрос — два огнетушителя.

— Носовые каюты выводят, — доложил Горец. — Крамов ходит с ведомостью и считает быстрее официантов. Один дед отказывается, говорит, в его возрасте перемещаться вреднее, чем быть съеденным.

— Перенесите вместе с креслом. Где врач?

— С тяжёлыми. Обещала прийти, когда узнает, зачем вы опять полезли вниз.

Семён поднял квадратную крышку настила. Под ней находились две горловины с болтами по кругу; левая была опечатана проволокой и старой свинцовой пломбой. Пломба висела целая. Металл вокруг выглядел сухим, только из узкой замерной трубы выступала чёрная слизь, тонкая, блестящая. Она медленно набухала на краю и втягивалась обратно в такт чужому движению под палубой.

— Не трогать, — сказал механик, когда Павел наклонил фонарь ближе. — И светом в упор не грей. Может, оно на тепло идёт.

Он включил газоанализатор, поднёс датчик к воздушной трубе. Прибор пискнул, показал обычный кислород, затем цифры поплыли. Семён нахмурился и повторил замер. На третий раз кислород упал почти до нуля, а через секунду вернулся.

— Дышит, — сказал Лапин из-за нашего плеча. Анна всё-таки не удержала его на верстаке; электрик стоял, опираясь на швабру вместо костыля. — Когда оно втягивает, воздух в трубе меняется.

— Ты почему здесь? — спросил я.

— Хотел доложить всё, что вспомнил. — Лапин перехватил швабру поудобнее, будто это превращало её в штатное средство передвижения.

— Для этого не обязательно приносить повреждённую ногу. Сядешь у двери и дальше не пойдёшь.

— Она сама пришла. Я только сверху.

Семён не стал тратить время на воспитание. Оттёр слизь с края трубы ветошью, не касаясь руками, и протолкнул внутрь камеру. На маленьком экране сначала шли рыжие стенки трубы, капли воды, царапины. Потом канал расширился, изображение задрожало, и светодиоды выхватили полупрозрачную поверхность, прижатую к металлу.

Существо лежало в танке слоями. Сквозь молочно-серую ткань проходили тёмные сосуды толщиной с палец; они сокращались по очереди, проталкивая чёрную жидкость вдоль тела. Там, где камера достала до дна, ткань сужалась и уходила в приёмную трубу, плотно облекая её изнутри. Ни головы, ни глаз я не увидел. Только мягкое мясо, приспособленное стать любой формы, если за этой формой есть вода.

Белая надпись развернулась поверх экрана. Семён выругался: системные строки закрыли ему изображение так же, как мне.

ГЛУБИННЫЙ ПАРАЗИТ

УРОВЕНЬ 3

СТАДИЯ: ЗАКРЕПЛЕНИЕ

ПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: ЗАБОРТНАЯ ВОДА / МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРИМЕСИ

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ЦИКЛ: РОСТ / РАЗРЫВ НОСИТЕЛЯ / ВЫБРОС ЛИЧИН

Павел прочитал последнюю строку вслух и замолчал. Горец переставил лом в другую руку, словно вес у инструмента внезапно изменился.

— Носитель — танк? — спросил Лапин.

— Судно, — ответил я. Навык не объяснял, но в носу «Громобоя» уже тянуло тупой болью; чужое тело давило на переборки и медленно становилось плотнее.

Семён вытянул камеру. На головке блестела слизь. Он бросил её вместе с кабелем в металлическое ведро и приказал Павлу принести крышку, после чего сел на корточки у клапана приёмной линии. Рукоять стояла в положении «закрыто», пломба на ней тоже была цела. Механик снял защитный колпачок, провернул шток ключом и тихо, очень непрофессионально сказал: «Сука».

— Диск сорван, — пояснил он, когда мы посмотрели. — Рукоять закрытая, шток ходит, а внизу пусто. Волной ударило по приёму, обратный клапан не удержал, заслонку выломало. Эта кишка вошла через магистраль, пока была тонкая, потом раздулась в танке. Мы забор перекрыли, а её уже кормили тем, что осталось внутри.

— Сколько до разрыва? — спросил я. Семён ответил, что не гадалка, но верхний лист танка уже играет, а значит, ждать полдня он бы не стал. «Мой борт» выдавал ту же оценку без слов: носовая боль усиливалась после каждого сокращения паразита.

В коридор вошла Анна. Она переоделась в тёмно-синюю рабочую куртку поверх халата, волосы убрала заново; за ней шла Марина с пустым пищевым контейнером и выражением человека, который заранее не одобряет его новое назначение.

— Каюты двенадцать — двадцать восемь освобождены, — сказала Марина. — Семьдесят два человека переведены к корме. Один дед едет вместе с креслом и недоволен погрузкой. Крамов закончил список, потерял двух пассажиров, потом нашёл их в туалете. Что положить в коробку?

Семён указал на ведро с камерой. Марина поставила контейнер рядом, заглянула в экран с последним замершим кадром и поморщилась.

— Это в морозильник не понесу. У меня там продукты и без того пережили достаточно.

— И правильно, — сказала Анна. — Сначала образец.

Она натянула две пары перчаток, сняла слизь с камеры тампоном и капнула на тестовую салфетку. Та почернела по краям. Анна убрала образец в пробирку, но капля попала на наружную перчатку; резина сразу стала мягкой, будто её подержали в растворителе.

— Контакт разъедает полимеры, — сказала она и посмотрела на Горца. — Ваш жилет, страховочный линь и дыхательная маска сделаны из материалов, которые мы проверять на прочность человеком не будем.

— А кто собирался? — спросил боцман, слишком невинно для взрослого мужчины с ломом.

Я ответил за него. Времени на тонкость не было.

— Открываем горловину на цепи, газоанализ, потом Горец в дыхательном аппарате спускается по грудь и рубит то, что держится за приёмную трубу. Снаружи трое на страховке. После отсечения выкачиваем остаток.

Семён не сказал «нет». Он посмотрел на горловину, прикинул ширину, затем на плечи Горца и на дыхательный аппарат, который ещё не принесли. Молчание механика означало, что план плохой, но другого у него пока нет.

Анна сняла повреждённую перчатку. Под ней кожа осталась целой, только кончики пальцев побелели.

— Нет, — сказала она. — В эту горловину человек в аппарате пройдёт боком, если снимет баллон. Внутри он не сможет развернуться и поднять топор. Если слизь разъедает линь или костюм, мы его не вытащим.

— Не слизь опасна, а паразит, который разорвёт танк. Чем дольше спорим, тем меньше металла остаётся между ним и людьми.

— Оба опасны. Поэтому выбирают способ, а не добровольца.

Горец перестал улыбаться. Он хотел вмешаться, но Анна подняла ладонь и продолжила уже тише, обращаясь только ко мне:

— У вас сотрясение, кровопотеря и температура начала расти. Это не делает любой быстрый приказ неправильным, но заставляет проверить, не выдаёте ли вы спешку за необходимость. Скажите вслух: сколько минут выиграет человек в танке и как мы достанем его без сознания.

Я посмотрел на горловину. Четыреста с небольшим миллиметров, болты по кругу, узкая лестница вниз. Горец действительно пролез бы, оставив баллон снаружи и подключившись шлангом, только размахнуться внутри не смог бы. Паразит занимал почти весь объём. Если тварь прижмёт его к переборке, трое сверху будут тянуть не человека, а то, что от него осталось.

Семь лет назад другой план тоже выглядел коротким. Там были туман, сорванный график и матрос, которому требовалось на две минуты выйти на мокрый бак. Я назвал риск допустимым, потому что умеющий командовать человек всегда найдёт слово, после которого чужая жизнь помещается в строку приказа.

— Горловину не открываем, — сказал я. Горец шумно выдохнул через нос, но спорить не стал; Анна тоже не победила лицом, только сняла вторую пару перчаток.

— Спасибо скажете позже, — произнесла она. — Сейчас у меня белеют пальцы, и я хочу понять почему.

Семён поднялся с корточек, стукнул ключом по приёмной трубе и прислушался к ответу из танка. Паразит сократился; слизь показалась в замерной трубке и снова ушла.

— Вошло через трубу, через трубу и выйдет, — сказал механик. — Мягкое, костей нет. Основную магистраль оно заткнуло собой, но у танка после модернизации осталась зачистная линия на другом конце. Если подать воду туда, оторвём от стенки и продавим назад через сломанный клапан в реку.

— Пожарная цистерна почти пустая, — напомнил Павел. Он посмотрел на рукава в коридоре так, словно лично отвечал за каждый вылитый литр.

— Пожарную не трогаем. Балластный насос возьмёт воду через правый кингстон, подадим в зачистную линию. Не постоянным потоком — импульсами, иначе разопрём танк раньше этой колбасы. Лапин, схему арматуры помнишь?

Электрик признался, что помнит только после вчерашней проверки, а сегодня она могла отрастить зубы. Семён одобрительно кивнул: наконец-то человек сказал разумную вещь.

План требовал открыть забор воды с другого борта, запустить балластный насос и собрать временную перемычку к тонкой зачистной линии. Если паразит оторвётся, давление вытолкнет его через главный приём и сломанную заслонку наружу. Если не оторвётся, верх танка мог вспучиться или шов разойтись прямо под каютами. Семён обещал видеть давление на манометре. Я — чувствовать, когда существо начнёт двигаться. Ни один из нас не обещал, что этого хватит.

— Сколько времени на сборку? — спросил я. Механик назвал двадцать минут, если детали окажутся там, где лежали до Сшивки, и сорок, если Павел будет помогать. Матрос обиделся, но побежал за переходниками первым.

Марина уже записывала, что нужно убрать из носового коридора. Я приказал перевести оставшихся людей за середину судна, закрыть двери в носовые отсеки и приготовить спасательные жилеты. Крамов появился как раз на последних словах, с ведомостью в руках и влажным пятном на белой рубашке там, где к ней прижимался жилет.

— Частичная эвакуация завершена, — доложил он, затем посмотрел на снятый настил и ведро под крышкой. — Теперь я хотел бы понимать, почему семьдесят два человека размещены в ресторане без доступа к каютам.

— Потому что под их кроватями растёт паразит третьего уровня. Объяснять это каждому отдельно у нас времени нет.

Крамов закрыл глаза на секунду, будто переносил эту фразу в таблицу, где для неё не было колонки. Потом раскрыл и спросил без прежней уверенности:

— Каков риск для судна? Мне нужно понимать, что говорить людям, если они увидят повреждения.

— Неизвестен. Если продавим тварь наружу, повредим часть балластной системы. Если оставим — она разорвёт танк и выбросит личинок.

— Вы собираетесь предпринимать операцию, не зная вероятности успеха? — Крамов разгладил край ведомости большим пальцем. — Даже приблизительно?

— Вероятность Семён посчитает, когда появится учебник по паразитам. Пока у вас другая задача: вместе с Мариной держите людей в кормовой половине и подготовьте список тех, кто способен помочь переносить тяжёлых. Носовую дверь никому не открывать.

— Я не член вашего экипажа, — напомнил Крамов. Он говорил ровно, но ведомость уже сложил и убрал за пазуху, освобождая руки.

— Знаю. Поэтому прошу человека, который умеет считать и которого пассажиры слушают. Откажетесь — найду другого.

Он посмотрел на Анну. Белизна с её пальцев медленно сходила; врач сгибала их по одному, проверяя чувствительность. Потом Крамов кивнул.

— Я помогу пассажирам. Это не означает признания ваших полномочий.

— Переживу. До этого удавалось.

— Постарайтесь, — сказал он и ушёл вслед за Мариной. Ведомость он достал ещё на ходу.

Сборка заняла семнадцать минут. За это время паразит ударил по танку одиннадцать раз, причём последние три — почти без пауз. Металл над горловиной выгнулся едва заметной дугой. «Мой борт» ощущал её сильнее глаз: носовая боль стала острой, отдавала в зубы, хотя это были не мои зубы и не моя боль. Я начал понимать главное ограничение навыка. Он сообщал, что судно страдает, с точностью человека, которому прижали руку дверью, но не называл ни сломанную кость, ни нужный ключ. Если рядом нет Семёна, Лены или Анны, капитан остаётся хорошо осведомлённым беспомощным человеком.

Механики протянули армированный рукав от балластного коллектора к зачистной линии и стянули соединения двумя хомутами каждое. Лапин сидел на ящике, держал схему и командовал теми, кто мог ходить. Павел с Горцем закрепили крышку горловины двумя цепями крест-накрест, чтобы её не вырвало, если танк даст обратное давление. Анна поставила у выхода ведро с чистой водой, растворы для промывания и двух помощников в очках и плотных перчатках.

— Все, кто не нужен, за дверь, — распорядился Семён. — Лапин тоже. Не спорь, я знаю, что ты полезный. На сегодня лимит исчерпан.

Электрик отдал схему Павлу и, ворча, упрыгал на швабре в коридор. Мы остались вчетвером: Семён у клапанов, Горец у цепей, Павел с рацией и я возле настила. Анна не ушла, но встала за герметичной дверью; через стекло было видно её лицо.

— Рубка, готовность? — спросил я. Лена доложила, что люди смещены к корме, крен полградуса на правый борт, осадка носом почти не изменилась. Левый двигатель оставался готов, правый — в резерве, кормовой швартов держал.

Семён запустил балластный насос. По трубам пошла дрожь, манометр поднялся до двух атмосфер. Паразит внизу сжался, но не сдвинулся.

— Первый импульс, — сказал механик и открыл зачистную линию. Вторую руку он не убрал с отсежного клапана.

Вода ударила в дальний конец танка. Крышка под цепями приподнялась на миллиметр, слизь фонтаном вылетела из замерной трубы и попала Горцу на рукав. Боцман отшатнулся, Павел захлопнул защитный колпачок. Анна уже стучала по стеклу и показывала Горцу выйти, но он стряхнул куртку, оставил её на полу и остался в футболке.

— Не прилипло, — сказал он. — Потом помоем.

— Анна вас тоже потом помоем, — ответил я. — Семён?

Механик перекрыл клапан и постучал пальцем по манометру. Давление упало, паразит вернулся на прежнее место.

— Держится за приём. Ещё два импульса могу дать безопасно. Третий будет уже не про безопасность, а про удачу.

— Второй готовить. Выше безопасного не поднимай, пока не скажу.

Павел передал в рубку команду, одновременно вытирая слизь с колпачка длинной ветошью. Ткань почернела и стала расползаться. Матрос бросил её в контейнер, надел новые перчатки. Одно движение сменяло другое без суеты; после кромочников он всё ещё был бледным, но руки больше не ждали, пока страх разрешит им работать.

Семён поднял давление выше. Я закрыл глаза и сосредоточился на чужом теле. Навык не рисовал картинку, однако каждое сокращение паразита проходило по носу судна глухим толчком. Оно чувствовало поток и стягивалось к сломанному приёму, удерживаясь там, как язык в горлышке бутылки.

— Давай, — сказал я. Семён перевёл взгляд с меня на манометр и резко открыл линию.

Второй импульс оказался сильнее. Верх танка выгнулся, цепи звякнули, воздух в коридоре наполнился низким стоном. Паразит пополз. Не быстро — на ладонь, ещё на одну. Сквозь палубу донёсся влажный скрип, словно по трубе протаскивали мешок сырого мяса.

— Идёт! — сказал я. — Не закрывай!

— Давление растёт! — Семён держал руку на клапане, глядя на манометр. Стрелка прошла красную отметку. — Оно встало поперёк магистрали.

В носу что-то лопнуло. Не лист танка — звук был тоньше. Из соединения временного рукава ударила струйка чёрной воды. Павел попятился, поскользнулся, но Горец успел поймать его за ворот. Семён перекрыл подачу; паразит замер, наполовину вытянутый из танка в трубу.

Если снять давление, он мог втянуться обратно. Если добавить — разорвало бы либо его, либо магистраль вместе с танком. «Мой борт» знал только, что чужое существо ещё внутри. На вопрос, сколько выдержит металл, навык ответил болью.

— Третий? — спросил я.

Семён снял очки, протёр их грязным пальцем и надел обратно. На стекле остался чёрный след.

— Одним коротким гидроударом. Закрою отсечной на насосе, разгоню давление и открою сразу. Если труба выдержит, вытолкнем. Если нет, носовой танк нам больше не понадобится, потому что носа не будет.

Горец прижал ладонь к цепи. Павел ждал у радики, глядя не на меня, а на механика. Анна за стеклом качнула головой. Она не слышала слов, но видела манометр и чёрную воду на палубе.

— Другой способ? — спросил я.

— Есть. Ждать, пока оно вернётся, и снова обсуждать топор.

Я посмотрел на Семёна. Не на цифры, которые не понимал, и не на навык, который не умел выбирать. Механик знал свою систему, видел цену и не обещал лишнего.

— Делай, — сказал я. Семён закрыл подачу на зачистную линию и открыл байпас. Насос загудел выше, рукав между коллектором и танком напрягся, как живая мышца. Стрелка манометра поползла вправо, дошла до красного сектора и продолжила движение; механик считал про себя, шевеля губами, затем положил обе руки на рычаг быстрого клапана.

— По моей команде насос сразу стоп, — сказал он Павлу. — Не раньше, даже если потечёт. Если я упаду, сначала закрываешь отсечной, потом поднимаешь меня. В обратном порядке получишь мокрого старика и затопленный нос.

Павел повторил команду в рацию. Из машинного ответили, что готовы, а Лена предупредила: по камерам у левого борта снова появились кромочники. Они держались в воде, не поднимались на обшивку и будто ждали того же, что мы.

— Давление четыре и шесть, — произнёс Семён. — Четыре и восемь. Пять. Держите цепи.

Он рванул рычаг. Гидроудар прошёл по трубе так, что пол подбросило. Временная перемычка выгнулась дугой, хомут на дальнем соединении лопнул и со звоном ушёл в потолок. Горец повис на цепях всем весом, Павел ударился плечом о переборку, но рацию не выпустил. Манометр дёрнулся за предел шкалы.

Паразит сорвался. Я понял это не по прибору: тяжёлая полоса в носу вдруг сжалась и рванула назад, к борту. Чужое тело протащило через магистраль; «Громобой» содрогался от каждого сокращения, словно глотал слишком крупный кусок и не мог решить, в какую сторону его выплюнуть. Из замерной трубы ударила чёрная пена, защитный колпачок подпрыгнул, цепи удержали крышку горловины.

— Идёт! — крикнул я. — Держи подачу!

Семён уже видел это по падающему давлению. Он приоткрыл клапан ещё на деление, компенсируя утечку из лопнувшего соединения. Чёрная вода била на палубу, быстро собиралась у порога. Горец ногой подтащил ведро, хотя ведро в этой ситуации было жестом, а не решением.

Павел прижал рацию к уху. Лена говорила слишком быстро, голос срывался на помехах:

— У левого борта вода вспучилась. Что-то выходит из-под носа... Господи, оно длинное. Кромочники на нём. Оно цепляется за обшивку!

Чужое присутствие наполовину покинуло корпус и застряло. В носу теплохода остался толстый пульсирующий конец, снаружи паразит, видимо, расправился и теперь не проходил через сломанный клапан. Верх танка опустился, зато приёмная труба натужно гудела. Я чувствовал, как существо сокращается, пытаюсь втянуть себя обратно в безопасную тесноту.

— Стоп насос? — спросил Павел. Семён рывком «нет» и обеими руками удержал рычаг. По его виску текла чёрная вода или пот, разобрать было невозможно.

— Оно держится снаружи за корпус, — сказал я. — Если сбросим давление, вернётся.

— Тогда пусть корпус ему поможет. Рубка, левый главный на самый малый вперёд, винт только проверить!

Лена не стала спрашивать меня. Она повторила приказ в машинное, но Семён посмотрел поверх очков, ожидая подтверждения. Работа винта у причала могла натянуть кормовой швартов, развернуть судно или затянуть в струю то, что находилось у борта. Я проверил ощущение линии: чужое тело висело у носового приёма, далеко от кормы; течение почти умерло, конец держал.

— Малый на пять секунд, — подтвердил я. — Руль прямо. Швартов контролировать.

Левый двигатель отозвался низким ударом. По корпусу пошла знакомая дрожь, гребной вал провернулся, вода у кормы ожила. На мгновение паразит в трубе замер, потом весь «Громобой» качнуло влево. Снаружи что-то огромное ударило по борту, скользнуло вдоль обшивки и сорвалось.

Чужое присутствие исчезло, и я приказал остановить двигатель и насос. Павел передал обе команды одним дыханием, Семён закрыл отсечной клапан. Манометр упал к нулю, временный рукав обмяк, чёрная струя из соединения превратилась в тонкую течь.

За стеклом Анна уже дёрнула рукоять герметичной двери. Горец снял цепи с горловины, проверил крышку; та осталась на месте, хотя дуга над танком никуда не делась. Семён опустился прямо на настил и прислонился спиной к переборке.

— Вышло? — спросил он. Голос у него был хриплым, но рука всё ещё тянулась к вентилям, проверяя, закрыты ли они.

— С борта ушло, — ответил я. — Где оно теперь, навык не показывает.

Лена подтвердила по рации: в воде у причала мелькнуло полупрозрачное тело длинной почти с автобус, облепленное кромочниками. Течение подхватило его, протащило под остатками дебаркадера и унесло к чёрному камышу. На борту незарегистрированных существ больше не ощущалось.

Анна вошла, перешагнула через разлив и первым делом схватила Горца за руку. Чёрная слизь пропитала его рукав до локтя; кожа под тканью побелела и потеряла чувствительность. Врач разрежала рукав, заставила боцмана держать руку в чистой воде, затем повернулась к Павлу. У того распухало плечо после удара, но пальцы двигались.

— Вы двое ко мне. Семён Ильич тоже, у него давление сейчас или высокое, или уже обиделось и ушло. Капитан — последний, потому что всё равно попытается сбежать.

— Я здесь нужен, — сказал Семён, поднимаясь с настила. — Сломан хомут, течёт перемычка, заслонки в левом приёме нет, зачистную линию мы только что проверили на прочность способом, за который проектировщик убил бы меня чертежом.

— Десять минут без вас железо переживёт. Если не переживёт, капитан почувствует и испугается.

— Уже, — признался я. Нос «Громобоя» больше не болел, но ощущался онемевшим, как рука Горца. Левый танк набрал несколько тонн воды, часть трубопровода была повреждена, балластный насос перегрелся. Победа ничего не починила.

Над горловиной возникли строки. Они не сопровождались музыкой и не осыпали нас золотом.

**УГРОЗА НАЗНАЧЕННОМУ БОРТУ УСТРАНЕНА
ГЛУБИННЫЙ ПАРАЗИТ ВЫТЕСНЕН В ИСХОДНУЮ СРЕДУ
ДЕЙСТВИЕ КЛАССА: СОХРАНЕНИЕ СУДНА / КООРДИНАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ**

Семён прочитал последнюю строку и хмыкнул:

— Координация, значит. Насос я координировал, Лена двигатель, Горец цепи, а вам досталось существительное.

— Могу отдать. Мне оно тоже велико.

— Не надо. Куда я его поставлю?

Система закончила не сразу. Следующее окно развернулось шире прежних, будто реке понадобилось место.

**ДОСТУПНА МАРШРУТНАЯ ЗАДАЧА
«ОТКРЫТЬ НИЖНИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ»
УСЛОВИЯ:
— ДОСТАВИТЬ К ВОЛГОГРАДСКОМУ ОПОРНОМУ УЗЛУ НЕ МЕНЕЕ 180 ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ЖИВЫХ
— АКТИВИРОВАТЬ 4 КЛЮЧА-МАЯКА
— ПРОВЕСТИ ПО МАРШРУТУ СУДНО НЕ НИЖЕ III РАНГА
— ОПРЕДЕЛИТЬ РЕЖИМ НОВОГО ФАРВАТЕРА
ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ: 159 / 180; 0 / 4; РАНГ СУДНА 0
ОБНАРУЖЕН СЛАБЫЙ СИГНАЛ ОПОРНОГО УЗЛА: ВОЛГОГРАДСКИЙ СУХОЙ ДОК**

Павел дважды перечитал первую цифру и спросил, где нам взять ещё двадцать одного человека. Горец ответил, что после утреннего сервиса желающих наверняка будет очередь. Семён ничего не сказал; он смотрел на условие о III ранге так, как механики смотрят на чужое обещание бесплатно улучшить старое судно.

— Это не приказ идти, — произнесла Анна. Она стояла рядом с тазом, удерживая Горцеву руку под водой. — Написано «задача», а не «плывите или умрёте».

— Знаю. Сначала приведём в порядок то, что уже сломали.

— И вас, — добавила она. — Вы в списке после насоса, хотя пользы от ремонта меньше. Я хотел ответить, но система свернула окно, и с потолка донёлся голос Лены:

— Капитан, рубка. Соня поймала сигнал. Очень слабый, но там повторяют слово «Волгоград».

До рубки я добрался через двадцать минут, после того как Анна измерила температуру, сменила повязку и пригрозила привязать меня к койке тем самым линём, который слизь не успела разьесть. Тридцать семь и восемь она назвала началом воспаления, я — нормальной реакцией на рабочее утро. В медицинской дискуссии победил антибиотик: пришлось проглотить ещё две таблетки и пообещать не лезть в замкнутые пространства хотя бы до обеда.

По дороге наверх я прошёл через ресторан. Семьдесят два переселённых пассажира заняли проходы, диваны и пол у кормовых окон; кто-то уже спал, положив голову на спасательный жилет, кто-то тихо ругался из-за тесноты. Марина раздавала чай из большой кастрюли и одновременно объясняла двум официантам, как вести список воды. Крамов стоял рядом с листами ведомости, принимал фамилии тех, кто мог переносить раненых, и не пытался превратить полезную работу в речь. Увидев меня, он спросил только, устранена ли угроза. Я ответил, что паразит выброшен, балластная система повреждена, носовые каюты пока закрыты; Крамов записал каждое слово и заметил, что семнадцать человек уже согласны требовать общего обсуждения капитанских полномочий. Я попросил назначить время после того, как перестанем тонуть. Он сказал, что это моя обычная переговорная позиция, но чай разливать не прекратил.

Лена встретила меня у штурманского стола с раскрытым бумажным журналом. Зелёный карандаш она заменила простым строительным, найденным у Горца, и уже исписала четыре страницы: Сшивка, удар волны, потеря трапа, проникновение кромочников, принятие мной ответственности, повреждение грузового входа. Почерк к концу становился мельче, но факты не прятались за словами «внештатная ситуация».

— Запись про танк оставила вам, — сказала она и подвинула журнал. — Формулировка «капитан решил проверить, что будет, если ударить судно водой изнутри» мне нравится, но механик угрожает забрать карандаш.

Я сел в кресло у стола. Кожа на ладони прилипла к обложке, хотя в рубке было прохладно. Семь лет назад передо мной лежал другой журнал, и я потратил сорок минут, подбирая слова, после которых погибший матрос становился виноватым в собственной смерти. Теперь времени было меньше, а лгать никто не заставлял. От этого рука всё равно не слушалась.

Запись получилась длинной: обнаружен глубоководный паразит в левом носовом танке; горловина не вскрывалась; принято решение о вытеснении через повреждённую балластную магистраль; исполнители — старший механик Круглов, второй помощник Сафина, боцман Минаев, матрос Рябинин, электрик Лапин; команду на третий импульс и кратковременную работу левого двигателя отдал капитан Ладожин. В конце я добавил повреждения: сорвана заслонка, негерметична временная перемычка, танк требует осмотра, балластный насос перегрет.

— Про Анну не написали, — заметила Лена, прочитав через плечо. Она удержала страницу ладонью, не давая закрыть журнал.

— Она остановила способ, а не выполняла операцию. В списке исполнителей её поэтому нет.

— Поэтому и не написали? — Карандаш завис над полем. — Или потому, что она отменила ваш приказ?

Я дописал: «От вскрытия горловины и входа человека в танк отказались по требованию судового врача Беловой ввиду неприемлемого риска». Лена прочитала ещё раз, кивнула и поставила судовое время — 06:36.

— Теперь подпись, — сказала она. — Только свою, не компании.

Я расписался. Чернила легли неровно: то ли от температуры, то ли от того, что стол всё ещё слегка дрожал после работы двигателя.

Радиорубкой на «Громобое» называли закуток за ходовой, где помещались стойка аппаратуры, два кресла и человек с очень скромными требованиями к личному пространству. Соня Мельникова сидела на полу между снятыми панелями. Ей было двадцать семь, на трёх пальцах намотана синяя изолента, а волосы она удерживала канцелярским зажимом. До Сшивки Соня отвечала за связь и бортовую сеть; последние два часа пыталась убедить радиостанцию, что мир снаружи ещё существует.

— Обычный эфир мёртвый, — сказала она вместо приветствия. — УКВ даёт шум, средние волны тоже. А этот канал появился после системного сообщения. Частота плавает вместе с настройкой, будто не мы ищем передачу, а передача подстраивается под приёмник.

— Человеческий голос? — Я присел возле стойки, чтобы не заслонять ей индикаторы.

— Запись. Повтор каждые сорок семь секунд, но начало каждый раз чуть другое. Я сняла три цикла.

Соня нажала клавишу. Из динамика пошёл треск, похожий на ледоход вдалеке, затем сквозь него проступил мужской голос. Говорил он без выражения, отдельные слова тонули в помехах:

— ...Волгоградский опорный узел... сухой док... защищённая стоянка для судов... пресная вода, ремонт, медицинский сектор... приём зарегистрированных живых... следуйте по Нижнему Волжскому пути...

Запись оборвалась. Лена наклонилась к индикатору уровня, Соня поправила настройку. Через сорок семь секунд голос вернулся, на этот раз чище. Сухой док обещал убежище, работающие мастерские и устойчивый берег. Ни слова о том, кто держит узел и чем придётся платить. Крамов назвал бы это коммерческим предложением без существенных условий; я называл приманкой, пока не доказано обратное.

— Направление определить можешь? — спросил я. Соня ответила, что у сигнала нет нормального пеленга: он одинаково приходил на основную антенну и на кусок провода, брошенный по столу. По её словам, физика либо сломалась, либо временно работала в другом отделе.

На четвёртом повторе треск исчез почти полностью. Динамик выдал стандартное сообщение, замолчал на две секунды, а потом запись продолжилась новым фрагментом.

— Персональная идентификация ответственного лица подтверждена. Капитан Ладожин Артём Сергеевич. Назначенный борт — теплоход «Громобой».

Соня медленно убрала руку с регулятора. Лена перестала писать.

— Оно раньше называло фамилию? — спросил я.

— Нет. Три раза слушала от начала до конца.

Голос в динамике продолжил так же ровно:

— Для сверки полномочий загружена архивная запись: Балахнинский рейд, происшествие семилетней давности, акт ВТ-семнадцать-Б. Погибший — матрос Михаил Корнеев. Установленная причина: самовольное нарушение требований безопасности. Документ подписан капитаном Ладожиним. Волгоградский сухой док подтверждает готовность приёма.

Ни Соня, ни Лена не произнесли ни слова. Они не знали Мишу Корнеева, не видели мокрый бетон у причальной стенки и не сидели потом напротив юриста «Волга-Тура», который объяснял, как одна подпись спасёт лицензию, семью погибшего от суда, а компанию от проверки.

Запись пошла на новый круг. Фраза была знакомой. Семь лет назад я поставил под ней подпись.

Глава 4. Отдать швартовы

Запись дошла до слов «самовольное нарушение требований безопасности» и пошла на новый круг. Соня потянулась к регулятору, но я остановил её: если неизвестный на юге тратил эфир на мою фамилию, следовало услышать всё, что он хотел сказать. Во второй раз голос звучал чище. Михаила Корнеева он назвал без помех, номер акта — по слогам, а в конце снова сообщил, что Волгоградский сухой док готов принять назначенный борт.

— Запись сохранила на основном и резервном, — сказала Соня. Она смотрела не на приборы, а на меня, при этом пальцы продолжали сами подстраивать частоту. — Хотите, вырежу последнюю часть из копии для общего журнала? Технически помехи. Никто не докажет, что там вообще была речь.

— Оставь целиком. И время приёма запиши, — ответил я, после чего повернулся к Лене. Зелёного карандаша у неё больше не было, строительный лежал поперёк страницы, но она не брала его в руку. — Подпись моя. Причина в акте — нет.

Лена подождала продолжения. Когда его не последовало, она закрыла журнал ладонью, не давая странице перевернуться от сквозняка, и спросила, сколько человек знали настоящую причину. Я успел ответить, что как минимум один уже умер, а второй сейчас сидит на нашем борту, когда за окнами взывала сирена портового буксира.

Звук оборвался посередине. Не стих — именно оборвался, будто вместе с воздухом перерезали кабель. Соня дёрнула на себя камеру западного сектора, Лена метнулась к левому крылу мостика, и мы увидели, как край грузового пирса сложился в чёрную воду.

Сначала исчезла дальняя тумба с намотанным жёлтым канатом. Бетон под ней стал плоским, серым, затем проступил сквозь самого себя, как мокрая бумага на стекле. В следующую секунду на его месте уже колыхался чёрный камыш; стебли прошли сквозь ограждение и кабельную колонку, не ломая их, а заменяя. По пирсу к берегу медленно ползла ровная граница шириной в ладонь. Перед ней лежал Нижний Новгород, за ней начиналось место, которому название города было безразлично.

— За восемь минут двадцать метров, — сказала Лена. Она приложила к стеклу растопыренные пальцы, прикидывая расстояние до нашей кормы. — Но это по дальнему пирсу. У нас может идти быстрее или стоять на месте. Карта такого слоя не видит.

Крамов вошёл в рубку без стука, держа под мышкой ведомость переселённых пассажиров. Он успел услышать конец передачи: это было видно по тому, как взгляд задержался на выключенном динамике, потом на открытом журнале. Спрашивать про Корнеева региональный директор не стал. Он подошёл к окну и произнёс, что исчезновение одного пустого причала ещё не делает реку безопаснее порта.

— А восемнадцать человек требуют обсудить отход до того, как вы отдадите команду, — добавил он. — Семнадцать подписались сразу. Восемнадцатый — Зорин, он только что увидел людей на набережной и теперь хочет остаться по другой причине. У вас повреждён танк, один двигатель под вопросом, наружной связи нет. Порт — последняя известная точка с генераторами, складами и бетонным укрытием. На реке у вас даже берега не совпадают с картой.

— Дальний пирс тоже был известной точкой, — сказала Лена. Крамов посмотрел на неё с вежливостью человека, которому не нравился ответ, но нравилось, что его вообще пришлось дать.

— Поэтому я предлагаю не спорить в рубке. В ресторане находятся люди, которых вы собираетесь увезти. Уделите им десять минут, капитан. Если причал действительно поглощает, вы получите согласие без приказа. Если не поглощает — услышите тех, кто не хочет становиться частью вашей маршрутной задачи.

Он говорил разумно. Это раздражало сильнее, чем если бы он снова потребовал вернуть ему теплоход по доверенности, просроченной вместе с прежним миром. Я посмотрел на дальний пирс: граница дошла до корпуса старого толкача, стоявшего на береговых клетках. Нос судна ещё блестел белой краской, корму уже заменил камыш. Через несколько секунд толкач опрокинулся в сторону отсутствующей половины и исчез с грохотом, который пришёл к нам позже изображения.

— Лена, подготовка к отходу. Без запуска, пока не скажет Семён. Соня, продолжай слушать юг и найди портовые частоты. Я дам Крамову его десять минут, но часы возьму свои, — распорядился я и направился к выходу. Региональный директор посторонился, а когда мы остались на полшага позади Лены, тихо спросил, действительно ли речь шла о Балахнинском рейде.

— Вы знаете номер акта, — сказал я, не оборачиваясь. Крамов ответил, что региональный архив «Волга-Тура» содержал много вещей, которые капитаны предпочитали считать утонувшими, и дальше мы пошли молча.

В коридоре пахло мокрыми жилетами, хлоркой и чаем. Каждая дверь, прежде чем открыться, требовала чужого плеча: пассажиры заполнили проходы сумками, креслами и собственными телами. Кто-то уже успел приклеить на переборку бумажку «носовые каюты», стрелка под ней вела к корме, будто теплоход за полчаса обзавёлся внутренней географией беженского лагеря.

Анна перехватила меня у лестницы. На ней был халат под рабочей курткой, на рукаве — бурое пятно, которое я не помнил, и выражение человека, заранее не согласного с ближайшими тремя моими решениями. Она сообщила, что официанта с повреждённым тазом закрепили на щите, женщине с раздробленной ногой дали обезболивающее, Горец снова чувствует пальцы, а Павел врёт про плечо недостаточно убедительно.

— Через десять минут отходим, — сказал я. Анна остановилась так резко, что санитар за её спиной едва не въехал носилками в стену.

— Нет. Через десять минут вы можете запустить двигатель, если механик не против. Отойти сможете, когда я закреплю двоих тяжёлых, переложу кислородные баллоны и убегу людей с пола у кормового выхода. Мне нужно двенадцать минут с момента объявления, а не с момента вашей красивой мысли.

Она говорила громко. Ближайшие пассажиры перестали делать вид, что не слушают, Крамов остановился в трёх шагах и ничего не подсказал. Ещё вчера я бы отвёл врача в сторону, объяснил срочность и вернулся с тем же приказом, только обложенным правильными словами. После танка такой способ выглядел не командованием, а привычкой прятать сомнение за дверью.

— Медицинская готовность на вас. Двенадцать минут, потом доклад в рубку, — ответил я. — Если сектор дойдёт раньше, двинемся и будем крепить на ходу.

— Если дойдёт раньше, я сама приду и скажу «двинемся». Не присваивайте себе даже мою плохую работу, Артём Сергеевич, вам своей хватает. — Анна протянула санитару ремень, проверила пряжку и уже тише добавила: — Температуру через час. Это не просьба.

В ресторане Крамова ждали. Восемнадцать человек не образовали отдельную группу; они стояли у окон, сидели на подлокотниках, держали кружки вместе со всеми. Поэтому спор не походил на собрание заговорщиков. Он походил на то, чем был на самом деле: люди пытались решить, где вероятность смерти кажется менее личной.

Марина освободила край стойки и поставила передо мной чашку. Чай в ней был настолько крепким, что мог заменить часть медикаментов, но пить я не успел. Крамов положил ведомость рядом, представился тем, кто ещё не знал его должность, и без вступления перечислил то, что порт оставлял нам: два дизель-генератора в ремонтном корпусе, склад муки и консервов, пожарную часть на возвышении, цистерны с топливом и бетонные стены терминала.

— Теплоход в настоящий момент не готов к рейсу, — закончил он. — На нём сто пятьдесят девять человек, двое тяжёлых раненых, повреждена балластная система. Волгоградский сигнал не только не подтверждён, но и демонстрирует доступ к закрытым данным компании. Отход сейчас — выбор неизвестности вместо укрепления доступной позиции.

— А доступная позиция исчезает с дальнего края, — произнёс я. За окнами в этот момент звывла автомобильная сигнализация, хотя машин на нашем уровне видно не было. — Причалы поглощает новый сектор. Скорость неизвестна. Если граница дойдёт до борта, теплоход может исчезнуть вместе с причалом или оказаться в камыше без воды под килем.

— «Может», — повторил мужчина у окна. Его звали Нестеров; имя я запомнил по ведомости, а профессию нет. — На реке нас точно могут съесть. Мы уже видели.

— Видели и здесь. Я не обещаю безопасного места. Обещаю только не выдавать неизвестность за стену, которой у нас нет, — сказал я. Длинной речи не получилось, да и не требовалось. За стеклом терминала по фасаду прошла тонкая чёрная трещина, и спор получил наглядный материал без моей помощи.

Зорин стоял ближе всех к выходу, с чужим биноклем на груди. За прошедший час он постарел сильнее, чем некоторые люди за год: кожа под глазами посерела, губы потрескались. Он протиснулся к стойке и развернул ко мне экран телефона. На увеличенном кадре виднелась набережная выше по течению, кусок белой лестницы и люди на бетонной площадке.

— Там десять, — сказал он. — Соня посчитала по камере. Одна женщина в светлой куртке похожа на Лиду. Я не говорю, что это она, но вы не можете уйти, не проверив.

Крамов наклонился к экрану и спросил расстояние. Я оценил по знакомому изгибу набережной: метров триста пятьдесят до старого гидростоа, между нами обломки дебаркадера и вода, в которой после паразита оставались крошечники. Штатный трап был потерян, левый грузовой вход затоплен, а люди на площадке не имели лодки.

— Вот почему порт нужно удерживать, — сказал Зорин. Он не кричал; от этого просьба звучала хуже. — На берегу могут быть сотни. Моя жена могла выйти из терминала позже. Если мы сейчас уйдём, я никогда не узнаю.

— Если останемся и сектор накроет причал, не узнает никто, — ответил Крамов раньше меня. Зорин повернулся к нему, будто получил удар, но тот не отвёл глаз. — Я предлагаю оборонять высокую часть порта, а не привязать судно к исчезающему бетону. Этих десятих можно попытаться снять, если капитан даст катер. После этого люди должны выбрать.

Так Крамов за одну фразу поддержал спасение и снова поставил голосование между мной и двигателем. Он умел строить разговоры не хуже, чем Семён — трубопроводы: каждое ответвление всё равно возвращало поток туда, куда ему требовалось.

С потолка затрещала трансляция. Лена сообщила, что граница пересекла третий грузовой пирс и движется к нашей стоянке под углом. По её оценке, до кормовой тумбы оставалось от двадцати пяти до сорока минут; точнее она не обещала. Следом включилась Соня: на шестом портовом канале появился слабый вызов с гидростоа.

— «Громобой», если вы слышите, на площадке десять живых, один ранен, — голос женщины тонул в шуме и возвращался кусками. — Рабочий катер забрали... ниже драка у пожарного судна... вода у лестницы чёрная... повторяю, нас десять...

Я посмотрел на Крамова. Он уже посчитал не только людей, но и расстояние, время спуска шлюпки, риск для экипажа и то, что системной задаче не хватало двадцати одного. По лицу это было видно почти так же ясно, как цифры в воздухе.

— Если мы берём их ради вашего условия, это плохая причина рисковать остальными, — произнёс он. — Десять человек не превращают сто шестьдесят девять в сто восемьдесят.

— Если бы их было девять, пошли бы всё равно. Марина, убрать людей с кормового прохода. Горец готовит правую шлюпку, Павел — к нему, если врач разрешит. Зорин остаётся

у связи и смотрит на площадку. — Я подвинул чашку обратно к Марине. — Выбор места проведём после отхода. Здесь голосование скоро останется без участка земли.

Нестеров спросил, что будет с теми, кто захочет сойти. Я ответил честно: сейчас сойти некуда. На ближайшем устойчивом берегу или узле человек сможет покинуть борт, если переход не убьёт его раньше. Это не было свободой, которой хотелось хвастаться, но другого выхода я не нашёл.

Крамов собрал ведомость, ровно совместил края листов и сказал, что считает решение опасным. Потом повернулся к стоявшим рядом пассажирам и попросил четверых освободить кормовой лестничный пролёт, а ещё двоих — помочь Марине закрепить посудные шкафы. От признания моих полномочий он отказался; от полезной работы — нет.

Пока люди расходились, чёрная граница добралась до стоянки портового толкача. Там уже дрались за судно. Десятка два человек теснили экипаж к рубке, кто-то размахивал монтировкой, мужчина в форменной куртке удерживал дверь багром. Двигатель толкача ревел, винты молотили воду, но носовой канат оставался на тумбе. Потом на бак забралась женщина с ребёнком, и драка на несколько секунд распалась: ей дали пройти. Судно обрубил канат, отвалило от берега и пошло вверх, перегруженное так, что вода лизала низкую палубу.

Следом сорвался пожарный катер. На нём людей оказалось меньше, зато двое на пирсе стреляли в воздух из сигнальных пистолетов, отгоняя тех, кто пытался прыгнуть на корму. Крамов стоял рядом со мной у окна и смотрел без комментариев. Его порт уже не был укреплённой позицией, но от этого река не стала безопасной.

Правую шлюпку спускали вручную. Электрический привод отозвался на кнопку, поднял нос на ладонь и заклинил; после Сшивки любой исправный механизм считал своим долгом сначала дать надежду. Горец с двумя матросами перешёл на ручные рукояти, Павел страховал кормовые тали одной рукой, вторую Анна примотала к телу эластичным бинтом.

— В лодке он будет у румпеля, не у троса, — сказала она мне, когда я вышел на кормовую площадку. Ветер вырывал слова и нёс к чёрному камышу, поэтому врач почти кричала. — Если попытается работать плечом, я его сниму вместе с рукой. Горец пока чувствует пальцы, но сила может уйти без предупреждения.

— Услышал, — ответил боцман и тут же проверил карабин на лопаре той самой побелевшей рукой. Анна ударила его по запястью, заставила заменить хват и ушла к тяжёлым, оставив после себя ощущение проведённой проверки судна.

Семён вызвал меня в машинное по рации, но спускаться я не стал: до отхода капитану требовались окна, радар и люди, а не возможность лично мешать механику. Его голос шёл с густым фоном дизеля. Левый главный держал обороты на холостом, температура была в норме; правый Семён запретил запускать. Клапан регулировки масла заедал, причину он ещё не нашёл, а фраза «может, отпустило» в машинном отделении считалась разновидностью предсмертной записки.

— На одном левом от причала отойдём, если корма свободна, — сказал механик. — Но нос тяжелее на семь-восемь тонн, левый танк не откачать: насос горячий, перемычка течёт. Крен небольшой, управляемость на малом ходу будет хуже. И кормовой швартов у вас не выбирается. Лебёдка тянет, а он сидит под рогом кнехта мёртво.

Я посмотрел вниз. После волны единственный уцелевший канат прошёл под погнутом рогом кормового кнехта, прижался к палубе и врезался в металл. На береговой тумбе лежал огон; сбросить его было некому. Если дать слабину, канат всё равно не выйдет из-под загиба. Если тянуть двигателем, первым мог сдаться не швартов, а кусок палубы вместе с кнехтом.

— Резать? — спросил я. Горец услышал и посмотрел на бухту так, будто я предложил отрубить член экипажа.

— Семьдесят метров нового двенадцатипрядного. Резать будем, когда он начнёт резать нас. Сначала заведём цепной стопор, снимем нагрузку лебёдкой и выбьем рог кувалдой. Там сварка после зимнего ремонта, она и в прежнем мире держалась на краске.

Крамов появился на корме в спасательном жилете поверх белой рубашки. Дорогие часы он всё ещё носил, хотя стрелки застыли на четырёх семнадцати; теперь рядом с ними висела рукавица из камбуза. Он сообщил, что проход очищен, пассажиры закреплены, но трое отказались уходить от окон и потребовали наблюдать за спасением.

— Пусть смотрят из ресторана. Здесь наблюдатели быстро становятся грузом, — ответил Горец и сунул Крамову конец цепного стопора. — Это держать обеими. Отпустите без команды — лебёдка заберёт пальцы и часы отдельно.

Региональный директор оценил цепь, грязную палубу и боцмана. Потом надел рукавицу, взялся обеими руками и попросил объяснить команду без метафор. Горец показал положение ног и больше не тратил на него слов.

Шлюпка коснулась воды в 07:04. Павел сел к румпелю, Горец — на нос с багром и топориком, двое матросов взялись за вёсла, чтобы не зависеть от мотора у самого борта. Старенький подвесной двигатель завёлся со второго рывка; синеватый дым лёг на воду и сразу потянулся к набережной.

— До площадки триста двадцать, течение к нам, — доложила Лена из рубки. — Между опорами дебаркадера чисто по камере, но ниже плавают крыша павильона. Павел, держи ближе к стенке, потом обходи снаружи. Не режь угол.

— Принял, ближе, потом снаружи, — повторил он. Голос звучал взрослым, пока на втором слове не сорвался от боли. Горец обернулся, увидел его лицо и молча переставил собственную ногу так, чтобы принимать удары лодки о волну.

Я вернулся в рубку, потому что шлюпка уже была отдельным судном, а «Громобой» оставался моим. «Мой борт» ощущал левый танк тяжёлым, кормовую палубу — натянутой струной, двигатель — глухим устойчивым жаром. Навык не сообщал, выдержит ли линия и насколько быстро исчезает причал; он был честным в своей бесполезности.

Соня вывела портовую камеру на центральный экран. Десять человек на гидропосту сбились у металлической будки, двое размахивали оранжевыми жилетами. Ни светлой куртки, ни лица на таком расстоянии разобрать было нельзя. Зорин стоял рядом с экраном, сжимая бинокль за ремень, и каждые несколько секунд спрашивал сам себя, Лида это или нет.

— Говорите им по одному спускаться к нижней ступени, — приказал я. — Сначала раненый и те, кто не умеет плавать. Сумки оставить, документы в карманы.

Женщина на частоте повторила команду группе. Мужчина в сером плаще поднял над головой жёлтую непромокаемую папку и спросил, считается ли она документом. Соня посмотрела на меня; я ответил, что если папка мешает держаться двумя руками, она остаётся на берегу.

— Передаёт: «В папке показания гидропостов от Городца до Работок за двадцать лет, и ваши карты уже врут», — сказала Соня. — Ему шестьдесят четыре. Представился Львом Иволгиным, гидрологом на пенсии.

— Тогда папку в зубы, — решил я. Зорин впервые за несколько минут оторвался от экрана и нервно рассмеялся, будто только смех позволял не разбить что-нибудь тяжёлое.

Шлюпка прошла половину расстояния, когда вода вокруг неё покрылась мелкими белыми штрихами. Сначала я принял их за пену от течения. Потом один штрих согнулся пополам, выскочил наружу и ударил крючьями по борту. За ним поднялись ещё три кромочника — молодые, не больше собаки, полупрозрачные и быстрые.

— Контакт справа! — крикнула Лена в рацию. Павел переложил румпель раньше, чем она закончила; лодка качнулась, первый кромочник промахнулся и ушёл под винт. Мотор взвыл, вода окрасилась серым. Второй повис на планшире, Горец встретил его багром и не стал вытаскивать: прижал к борту, пока матрос с веслом не сбил тварь обратно.

Третий прыгнул с обломка крыши. Он прошёл над носом, ударил Горца по спасательному жилету и зацепился крючьями за ремни. Боцман отшатнулся, побелевшая рука не ударила топорик. Павел отпустил румпель, схватил сигнальный пистолет и выстрелил почти в упор; красная ракета вошла твари под брюхо, вспорола полупрозрачное тело и ушла над водой, оставляя дымный след.

Лодка развернулась бортом к течению. Один матрос упал на колено, второй потерял весло, Горец вместе с горящим кромочником повалился на нос. Павел снова поймал румпель здоровой рукой, но мотор уже тянул их к сваям дебаркадера.

— Малый газ, румпель от себя! — Лена выговаривала слова так, будто держала его кисть собственной. — Не борись с течением, пропусти корму. Горец, вес справа в корму!

Боцман сбросил мёртвую тварь, перекатился на нужный борт и всем телом прижал лодку. Павел дал корме пройти, затем выровнял курс. Оставшиеся кромочники держались позади, но нападать не спешили: красная ракета догорела на воде, и запах горелой слизи, видимо, сообщал им больше, чем хотелось бы знать.

— Плечо? — спросил я. Павел ответил не сразу; в камере было видно, как он прижал локоть к боку.

— На месте. Кажется. Румпель держу.

— Держишь до площадки. Обратно поведёт второй матрос, — сказал я. Горец хотел вмешаться, но посмотрел на руку, которой минуту назад не удержал топор, и промолчал.

На набережной граница сектора ускорилась. Она прошла через парковку, оставляя за собой не ровный камыш, а чёрную воду с островками рыжей травы. Пожарный катер успел выйти, его корму уже разворачивало к середине реки. За ним люди бежали до самого края бетона; двое прыгнули в воду, остальные остановились. Я не видел, что с ними стало, потому что камера моргнула и участок набережной исчез из сигнала.

Шлюпка подошла к нижней ступени гидропоста. Раненого спустили на двери, снятой с будки, двое в лодке приняли её поперёк банок. Потом полезли остальные: четверо портовых рабочих, две женщины из билетных касс, брат с сестрой лет шестнадцати, Иволгин с папкой под курткой и охранник с перевязанным бедром. Я считал каждого вслух. На десятом Соня передала женщине у рации, что группа на борту и площадку нужно покидать, хотя покидать её больше было некому.

Зорин приблизил изображение так, что лица рассыпались на квадраты. Светлая куртка оказалась серой кофтой одной из кассирш. Он всматривался до тех пор, пока шлюпка не отошла, затем положил бинокль на стол и спросил, можно ли продолжать слушать портовую частоту после отхода.

— Можно, — ответила Соня вместо меня. Она не утешала и не обещала, что Лида выйдет на связь. Просто освободила ему второй наушник и показала регулятор громкости.

Обратный путь занял дольше. За румпелем сидел второй матрос, Павел держал повреждённую руку у груди; лодка сидела низко, раненый стонал при каждом ударе, Иволгин удерживал дверь-носилки ногами, а жёлтую папку — под подбородком. Кромочники сопровождали их на расстоянии. Они шли под водой белыми теньями и не приближались, будто ждали, когда мы сделаем что-нибудь хуже за них.

В 07:16 граница дошла до береговой тумбы с нашим швартовом. Бетон под огоном стал прозрачным, канат провис на полметра, затем снова натянулся: тумба не исчезла, а начала уходить вниз вместе с куском пирса. Корму «Громобоя» дёрнуло к берегу. «Мой борт» отозвался резкой болью под правой лопаткой — там, где канат тянул палубу через погнутый кнехт.

— Стопор держать! Лебёдкой выбирай! — заорал Горец по общей связи, хотя находился ещё в шлюпке. На корме матрос включил привод. Цепь натянулась в руках Крамова и Зорина; тот прибежал вниз сразу после отхода лодки от площадки. Погнутый рог кнехта заскрипел, но швартов не вышел.

— Шлюпка в створе кормы, до борта сорок метров, — доложила Лена. — Если дадим ход, накроем их струёй. Капитан?

— Двигатель холостой. Сначала поднимаем людей. Кормовой команде — готовить нож, если палуба пойдёт, режем без ожидания. — Я положил ладонь на консоль и почувствовал новый рывок. Металл вокруг кнехта ещё держал, зато участок причала уже уходил под чёрную воду.

Семён выругался из машинного и сообщил, что натяжение разворачивает корму, а левый винт слишком близко к плавающему мусору. Правый двигатель оставался холодным. Мы могли потерять вал, линию или шлюпку, и все три варианта зависели от нескольких метров воды, которых не видел ни один прибор.

Лодку подвели к борту на фалине. Поднимать её с четырнадцатью людьми было нельзя: сначала приняли раненого, затем подростков и женщин. С трапа им помогали Марина, Анна и пассажиры, которые пять минут назад требовали не отходить от порта. Никто не спрашивал, входят ли спасённые в маршрутные сто восемьдесят.

Иволгин поднялся последним из десяти спасённых. Он зацепился плащом за скобу, папка выпала и повисла на ремне. Горец снизу толкнул гидролога так, что тот оказался на палубе вместе с двадцатью годами уровней воды. Следом ушли оба матроса, затем подняли Павла. Он попытался отказаться, но Анна увидела серое лицо, схватила за здоровую руку и сообщила, что второй раз разрешение на подвиг не выдаётся. Горец заглушил подвесной мотор, закрепил его и выбрался последним.

Пустую шлюпку взяли на тали. Поднять до штатного места уже не успевали, поэтому подтянули выше ватерлинии и прижали к борту двумя концами. Она билась о кранцы, мотор оставался в воде, но люди были на судне.

— Режем! — крикнул Семён. Палуба у кнехта дрогнула ещё раз, сварной шов открылся тёмной щелью.

Горец не слушал. Он передал топор матросу, сам схватил кувалду и ударил по погнутому рогу. Первый удар только сбил краску. Второй заставил металл отогнуться на толщину пальца. Крамов и Зорин держали стопор, цепь ходила между ними, как живая; у Крамова лопнул ремешок часов, и мёртвый циферблат скользнул по палубе к шпигату.

— Ещё! — сказал региональный директор. Горец ударил в третий раз, сварка треснула, рог кнехта лёг набок. Швартов вырвался из-под него, но не освободился: огонь на береговой тумбе ушёл под воду вместе с бетоном и тащил канат вниз.

— Слабину на лебёдке, потом полный выбор! — распорядился боцман. Матрос на секунду отпустил привод, утонувшая тумба провалилась глубже, петля соскочила с бетона. Лебёдка взяла канат. Мокрый швартов пошёл на барабан, волоча за собой водоросли, чёрную слизь и одного маленького кромочника.

Тварь вылетела на палубу, раскрыла крючья и бросилась к ногам Крамова. Тот отступил, зацепился за цепь и упал бы, если бы Зорин не удержал его за жилет. Горец встретил кромочника кувалдой. Удар пришёлся по краю тела, тварь перевернуло, матрос накрыл её бухтой каната и сбросил за борт вместе с двумя витками.

— Корма свободна! — доложил Горец. Он поднял с палубы часы Крамова, посмотрел на остановившиеся стрелки и вложил циферблат ему в карман. — Время всё равно капитанское. Ваши можно списать.

Крамов тяжело дышал, на белой рубашке проступила ржавая полоса от цепи. Он ответил, что имущество компании списывается только актом, и потребовал свидетелей. Зорин сказал, что подпишет, если его не заставят указывать виновного кромочника.

Шутка получилась плохой, но люди засмеялись. Смех оборвался, когда дальняя часть пирса ушла под воду и на корму хлынула волна. Канат выбрали не до конца; последние метров пятнадцать легли поперёк палубы спутанной грудой. Горец приказал оставить и закрепить, после чего все бросились к дверям.

— Малый вперёд левым, руль право двадцать, — приказал я. Лена повторила команду в машинное, рулевой переложил штурвал. Двигатель набрал обороты, но судно сначала не двинулось: ил и мусор держали корму у разрушенного причала, а тяжёлый нос медленно тянуло к исчезающей кромке сектора.

Левый винт ударил воду. «Громобой» вздрогнул, корма пошла вперёд на полметра, нос нехотя отвернулся от берега. Руль на такой скорости почти не работал; поворот создавал один вал, смещённый от середины корпуса. Я дал ещё оборотов, следя одновременно за шлюпкой на таях и за остатками пирса.

— Нос чисто пятнадцать метров, корма восемь, — считала Лена. — Пять градусов от берега. Семь. Держать.

Из чёрного камыша полезли кромочники. Сначала десятков, затем столько, что отдельные тела перестали различаться. Они бежали по воде короткими рывками, цеплялись за обломки, прыгали на уходящий борт. Горец с кормовой командой встретил их баграми. Пожарную магистраль не запускали: рабочего запаса после первой обороны хватило бы на несколько секунд, а восстановить его мы ещё не успели.

Один кромочник допрыгнул до подвешенной шлюпки и зацепился за носовой лопарь. Лодку повело вниз, тали застонали. Павел, уже лежавший на носилках у двери, увидел это, вывернулся из рук санитара и пнул стопор здоровой ногой. Лопарь подтянулся, тварь ударилась о борт. Горец достал её багром и сбросил под корму.

— Рябинин, я вас сейчас вылечу до увольнения, — сказала Анна. Она прижала его обратно к носилкам коленом, но не закрыла обзор: Павел продолжал смотреть, держит ли шлюпка.

На мостике запахло перегретой изоляцией. Соня сообщила, что кормовая камера погасла, затем пропал третий портовый канал. Терминал за окнами распадался участками: лестница ещё стояла, кассовый зал уже отражался в чёрной воде, где секунду назад был первый этаж. Люди на верхней площадке бежали к автомобильной эстакаде. Помочь им с нашего борта было нечем.

— Корма двенадцать метров, нос двадцать два, — сказала Лена. — Можно выравнивать. Руль прямо, обороты держать.

Я дал команду. «Громобой» медленно вышел из кармана стоянки, развернулся вдоль прежнего фарватера и набрал три узла. Этого хватило, чтобы кромочники начали отставать. Несколько ещё висели на борту, палубная команда снимала их по одному; двоих затянуло под воду струёй винта.

Крамов поднялся в рубку через пять минут. Он переодеться не успел: рубашка была мокрой, рукавица торчала из кармана, остановившиеся часы он держал в ладони. Региональный директор встал у окна, посмотрел на удаляющийся порт и признал, что оставаться у нашего причала больше нельзя.

— Это не означает, что выбранный вами курс стал правильным, — добавил он. — Вы спасли десятерых и вывели судно на одном двигателе. Одновременно оставили неизвестное количество людей на берегу и не дали пассажирам решить, хотят ли они идти по сигналу, который знает о вашем прошлом больше экипажа.

— Не дал. На исчезающем причале решение оставалось только по времени смерти, — ответил я. — Обсуждение будет, когда Лена найдёт место, где нас не прижмёт к берегу, а Семён скажет, что двигатель переживёт холостой спор.

— И акт Корнеева тоже обсудим? — Лена не повернулась от стекла, Соня замерла над наушниками. Я посмотрел на Крамова и сказал, что акт никуда не исчез. Его это не удовлетворило, но спор продолжить он не успел: в наушниках Сони раздался тройной чистый тон.

Помехи исчезли сразу, словно кто-то накрыл реку стеклянным колпаком. На центральной частоте прозвучали позывные Чебоксарского судопропускного узла, затем женский голос назвал номер верхней камеры, сообщил о повреждении ворот и попросил все суда держаться старого правого берега. Передача длилась семь секунд. После неё вернулся обычный шорох эфира.

— Это не запись, — сказала Соня. Она прокрутила буфер, сравнила начало и конец, затем показала частотный график. — Живой оператор, задержка плавает. И сигнал не лезет внутрь приёмника, как волгоградский. Пришёл с направления юго-восток, насколько теперь вообще существует юго-восток.

Второй импульс оказался ещё короче: «Чебоксарский узел удерживается. Верхние ворота закрыты. Нужны механики и капитанский класс». На фоне кто-то кричал про людей за воротами, потом связь оборвалась.

Лена положила на новую карту линейку. Старая электронная предлагала вывести нас на середину Волги, где радар видел вытянутый остров; бумажная честно ничего не знала о чёрном камыше. Штурман провела от нашей точки линию вниз по прежнему руслу и сказала, что до первого решения нам всё равно придётся пройти сектор у Кстова. Чебоксары находились дальше, чем хватало уверенности, но ближе, чем Волгоград и его архив.

— Курс на старый фарватер, скорость пока пять узлов, — распорядился я. — Соня отвечает Чебоксарам нашим позывным, без фамилий и списка людей. Лена ищет место для проверки корпуса и правого двигателя. Порт слушать до потери сигнала.

Крамов спросил, почему я доверяю Чебоксарам больше. Я ответил, что их сообщение просило механиков, а не подтверждало мою личность. Семён вклинился по внутренней связи и сообщил, что механиков у нас мало, зато капитанский класс имеется в избытке и мешает ему измерять масло.

Спасённых собрали в кормовом салоне. Анна приняла охранника с ранением бедра, Марина записала имена и раздала воду. Лев Иволгин отказался ложиться, пока не увидел карту. Он оказался сухим стариком с тяжёлыми веками и руками человека, который всю жизнь держал карандаш на ветру. Жёлтую папку он положил на штурманский стол бережнее, чем некоторые кладут ребёнка.

— У вас течение неправильное, — сообщил он вместо благодарности. — До Сшивки вода у гидропоста шла вниз восемь десятых метра в секунду, после волны два часа стояла, теперь поверхностный слой снова вниз, а глубинный возвращается к городу. Я опускал вертушку, пока эти молодые люди не объяснили, что прибору больно.

— Молодые люди были с крючьями? — уточнила Лена. Иволгин кивнул и достал из папки исписанную таблицу, на полях которой появилась сегодняшняя дата.

— Они возражали против методики. Но глубинный ход есть. Что-то тянет воду обратно под поверхность. Ваш большой теплоход почувствует это раньше моего поплавка, особенно с такой осадкой.

Я спросил, может ли он читать изменившееся русло. Гидролог ответил, что читать можно текст, написанный по правилам, а река пока царапает на бумаге бессвязные ругательства. Затем попросил дать ему час, эхолот и все замеры, которые Лена успела сделать. Она выдала ему карандаш, но журнал убрала под локоть.

Система зарегистрировала новых людей без поздравлений. Число живых на назначенном борту стало сто шестьдесят девять, маршрутная строка изменилась на «169 / 180». Я увидел цифры краем глаза и сразу свернул окно. Иволгин, кассирши, раненый охранник и подростки не были недостающими единицами; если начать так считать, до метода Ратникова оставалось меньше пути, чем до Чебоксар.

Мы отошли от Нижнего Новгорода на четыре километра, когда «Мой борт» впервые подал ощущение, которого раньше не было. Это не походило на боль от танка, нагрев двигателя или натяжение швартова. Под килем возник холодный круг, ровный и чужой, будто кто-то обвёл «Громобой» на воде и оставил знак.

Перед глазами развернулись три строки. На этот раз Система не предлагала выбора.

НАЗНАЧЕННОМУ БОРТУ ПРИСВОЕНА МЕТКА ДОБЫЧИ

ИСТОЧНИК МЕТКИ: НЕ ОПРЕДЕЛЁН

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ ВОШЁЛ В ФАРВАТЕР

— Сбросить ход до четырёх, — сказала Лена почти одновременно. Она смотрела на экран эхолота. — Впереди глубина пляшет, надо проверить.

— Не сбрасывай, — произнёс Иволгин. Старик стоял у кормового окна с листом замеров и не отрывал глаз от воды. — Поверхностный след за нами распрямляется слишком быстро. Такое бывает, когда под ним идёт второй корпус.

Я оставил пять узлов и приказал промерять глубину с носа ручным лотом. Если Иволгин ошибся, мель впереди накажет нас быстрее, чем неизвестный преследователь; если был прав, четыре узла мы ему уже почти подарили.

Соня переключила кормовую камеру. На экране лежала пустая серая вода, наш кильватер и далёкая полоска чёрного камыша. Потом в двухстах метрах за кормой река поднялась широким горбом. Он не вспенился и не опал; двигался по фарватеру, сохраняя расстояние.

Эхолот потерял дно. Через секунду вернул глубину, ещё через две показал под килем отметку, которой не могло быть у неподвижного грунта. Контакт тянулся за нами длиннее корпуса «Громобоя».

На следующей развёртке он оказался ближе на сорок метров. Скорость мы не меняли.

Глава 5. Первый фарватер

Ещё через десять секунд контакт сократил расстояние на тридцать метров. На кормовой камере по-прежнему была только вода: широкий горб шёл под поверхность, не показывая ни спины, ни плавника, ни другого удобного места, куда можно было бы ткнуть багром и почувствовать себя полезным. Эхолот то находил дно на двенадцати метрах, то рисовал под килем движущуюся площадку размером с привокзальную площадь.

— Левому семьдесят процентов, скорость семь узлов, — приказал я. — Ручной лот не убирать. Кормовую шлюпку подтянуть до штатного, мотор поднять из воды. Всем с открытых палуб внутрь, кроме постов.

Лена передала в машинное, рулевой удержал прежний курс. «Громобой» набирал ход медленно: тяжёлый нос поднимал короткую волну, подвешенная шлюпка забила по кранцам сильнее, из левого танка через повреждённую перемычку отозвалась тупая дрожь. Семён выслушал обороты и сообщил, что семьдесят процентов даст, но на одном валу мы не побежим — только громче предупредим реку, где находимся.

— Правый когда? — спросил я. Механик ответил не сразу. В рации звякнул инструмент, кто-то рядом выругался тонким молодым голосом.

— Когда вы перестанете измерять ремонт минутами. Клапан сняли, золотник закушен чёрной окалиной. Если зеркало целое, промоем и соберём. Если задрано — поставлю вместо него вашу надежду, она как раз ничем не занята. Двадцать минут не звонить.

Соня держала контакт сразу на трёх экранах. На радаре за кормой ничего не было, камера показывала горб, эхолот — подвижное дно. Метка добычи висела не перед глазами, а где-то в ощущении борта: холодный обруч под килем не исчезал, и я знал, что существо следует не за шумом двигателя. Оно шло за знаком.

— До горба сто двадцать, — сказала Соня. — Нет, сто десять. Частота Чебоксар есть, но под этой штукой сигнал проседает каждый раз, когда она подходит ближе.

Иволгин стоял у кормового окна, упирая жёлтую папку в колено. Он опустил за борт поплавков на тонком шнуре, посмотрел, под каким углом тот ушёл, и заявил, что глубинный поток разгоняется быстрее поверхностного. По его мнению, преследователь не просто плыл за нами — он ложился в обратное течение и тратил на погоню меньше сил, чем наш дизель.

— Значит, увеличиваем скорость, — сказал Крамов. Он остался в рубке после отхода и теперь стоял у штурманского стола в мокрой рубашке. Остановившиеся часы исчезли в кармане, на запястье осталась светлая полоса. — Зачем нам обсуждать воду, если объект сокращает дистанцию?

— Потому что впереди глубина меняется, — ответила Лена. — Дадим больше — посадим нос на мель и подождём его с выключенным двигателем. Очень удобно, только мне не нравится обслуживание.

Она развернула бумажную карту. Старый судовой ход тянулся вниз по Волге между привычными отметками, однако радар уже показывал впереди два острова там, где раньше лежала глубокая вода, а правый берег отступал и возвращался, как плохо совмещённые листы. От Чебоксар пришёл ещё один короткий импульс, но вместо голоса в нём осталось три тона и обрывок слова «ворота».

Горец вызвал с кормы. Электропривод шлюпочных талей окончательно сдох; лодку поднимали ручными рукоятями. Ему помогали два матроса, которые ходили к гидропосту. Одного звали Олег Шестаков, второго — Вадим Белов. До этого утра я различал их по вахтенному расписанию и по тому, что Шестаков всегда носил форменную кепку даже в машинном коридоре. Кепку смыло при спасении, и без неё Олег выглядел моложе своих тридцати четырёх.

— Мотор подняли, нос на месте, кормовые тали идут рывками, — доложил Горец. — Если эта подводная задница даст волну, лодку вырвет вместе со шлюпбалкой. Нужна остановка хотя бы на пять минут.

— Остановки не будет. Снимайте подвесной, лодку прижимайте дополнительными концами. Не успеете поднять — оставим снаружи, но винт она закрывать не должна.

Шестаков услышал разговор и спросил, можно ли списать потерянное в рейсе весло без объяснительной. Горец ответил, что сначала спишет его самого за разговоры на рабочей палубе. Голоса были обычными — усталыми, раздражёнными, живыми. Потом корму приподняло широкой волной, шлюпка ударила о борт, и связь заполнил металлический грохот.

— Все целы, — сообщил Шестаков раньше боцмана. — Весло тоже. То, которое не потеряли.

Лодку всё-таки дотянули выше ватерлинии. На кормовой камере я видел, как Олег, стоя одной ногой на планшире, протаскивает дополнительный конец под лавкой, а Вадим крутит ручную рукоять до тех пор, пока та не начинает отнимать плечо. Горец дважды заставил Шестакова спуститься, и оба раза тот находил причину снова полезть наверх: то найтов лёг на острый угол, то мокрый линь мог попасть под винт. Работал он без показного геройства, с той раздражающей привычкой хорошего матроса доводить мелкую вещь до конца, хотя вокруг давно началась большая беда. Я знал из личного дела, что до пассажирского флота Олег два сезона ходил на земснаряде и умел читать грунт по ручному лоту. Самого его за четыре года спросил об этом, кажется, один раз — при приёме на работу.

Анна вошла в рубку с термометром и стаканом воды. Я попытался сказать, что сейчас не время, но она посмотрела на горб за кормой и согласилась: позже лечить тело, поднятое из желудка, действительно неудобно. Поэтому измеряла на месте, сунув прибор мне под язык, пока я смотрел на карту.

— Тридцать восемь и один. Ещё выше, и вы перестанете отличать капитанское предчувствие от озноба, — сказала она, забирая термометр. — Таблетку сейчас. Через четыре часа антибиотик. Если начнёте путать команды, Лена снимает вас с вахты, а не ждёт разрешения.

Лена подняла бровь, но спорить не стала. Крамов спросил, оформлено ли это решение в судовом журнале. Анна ответила, что медицинское состояние капитана будет оформлено, когда региональный директор перестанет использовать бумагу как средство первой помощи. Он принял выпад без улыбки и всё же записал время.

Я проглотил таблетку. Вода пахла металлом: Марина уже сэкономила бутилированную для раненых, остальным кипятили судовой запас. Пока я пил, холодный обруч под килем дёрнулся вперёд, будто существо попробовало метку на прочность. «Громобой» качнуло, контакт на эхолоте поднялся до шести метров и снова ушёл вниз.

— Оно может ударить? — спросила Анна. Соня ответила, что приборы не умеют определять намерения, а я — что пока нас только догоняют. Врач посмотрела на меня так, словно обе формулировки были одной разновидностью мужского идиотизма, и ушла к пациентам.

Через несколько минут впереди открылась развилка, которой не существовало ни на одной карте. Волга разошлась вокруг серой полосы, похожей на отмель, если бы отмели умели двигаться против течения. Гребень поднимался из воды, катил перед собой песок, обломки бакенов и целые кусты, затем снова опускался. Слева оставался широкий тёмный проход, справа — светлая вода над прежней Кстовской мелью.

Вместе с развилкой пришло новое ощущение. Два направления отделились от остальной реки так ясно, будто кто-то провёл от рубки невидимые линии. Левое отзывалось жаром под рёбрами и обещало глубину, правое — холодом в зубах и тишиной. Ни надписи, ни названия навыка не появилось. Я просто знал: пройти можно там или там, и оба варианта заранее требовали цену.

— Левый рукав глубокий, — сказал я раньше Лены. — Правый опаснее по грунту, но там нет... — Я не нашёл слова. Присутствие стаи ещё не ощущалось как существа на борту, «Мой борт» молчал. — Нет движения в воде.

Соня увеличила радарную развёртку левого прохода. Сначала экран показал дождь из мелких отметок, затем они собрались в длинное полукольцо. Камера различала лишь белые спины, появлявшиеся и исчезающие в тёмной воде. Их было не меньше сорока, и они не охотились друг на друга. Все головы поворачивались к «Громобою».

— Метка зовёт, — произнесла Лена. — Левый проход через стаю. Правый над старой мелью, но глубину там надо мерить, карта обещала два и восемь до Сшивки. У нас осадка два и четыре, с тяжёлым носом и просадкой на ходу запас смешной.

— Зато большой преследователь туда не войдёт, — заметил Крамов. — Если сядем не намертво, мелководье защитит судно лучше багров.

Иволгин подошёл к правому окну и долго смотрел на серый гребень. Потом взял у Лены карандаш, отметил положение вершины, дождался следующего подъёма и поставил вторую точку. Расстояние между ними оказалось больше ширины нашего корпуса.

— Это не мель в обычном смысле, — сказал он. — Грядовый песок катится вверх по глубинному течению. Верхний слой идёт вниз, основание ползёт навстречу. Сядете — она не остановится под вами. Снимет судно с грунта вместе с краской и частью днища.

Правое направление по-прежнему ощущалось допустимым. Не безопасным — Система или класс таких слов не давали, — но существующим. Я проверил его мысленно ещё раз и понял неприятную вещь: предчувствие считало проходом любой путь, после которого капитан ещё способен сделать выбор. Что останется от судна, оно не уточняло.

— Левый? — спросил Крамов. Он не давил; ему тоже не нравились белые спины, однако там была видимая угроза, которую можно считать, а не песок, нарушающий физику.

— Ни один, — сказала Лена. Она склонилась над картой вместе с Иволгиным. — Нам нужно пять минут без советов собственника и капитанских озарений. Соня, старые промеры Кстова на экран. Лев Фёдорович, покажите, куда уходит глубинный поток после гребня.

Я уступил им стол. Невидимые линии продолжали тянуть влево и вправо; середина оставалась пустой, будто воды там не было вовсе. Класс предлагал мне два решения, и оба нравились тем, что не требовали доверять кому-то ещё. Наверное, поэтому они были такими убедительными.

Контакт за кормой приблизился до семидесяти метров. Горб стал виден без камеры: вода поднималась ровной спиной поперёк половины фарватера, вокруг неё всплывали оглушённые рыбины. Стая в левом рукаве сдвинулась нам навстречу, сохраняя полукольцо.

— Времени четыре минуты, не пять, — сказала Соня. — Потом оно окажется у винтов.

Семён вышел на связь ровно в этот момент. Чёрная окалина зажала золотник, зеркало клапана уцелело. Механики промыли канал, собрали узел и были готовы провернуть правый двигатель без нагрузки. Он предупредил, что давление нужно смотреть под оборотами, а не верить ему на слово.

— Запускай. До восьмисот, без резкого реверса дольше пяти секунд, — распорядился я. Семён ответил, что ограничения устанавливает он, и назвал те же цифры в другом порядке.

Правый двигатель провернулся. Первый удар прошёл по корпусу неровно, второй выровнялся, затем из машинного сообщили давление: низкое, но устойчивое. Два вала не делали нас быстрыми. Они возвращали возможность поворачивать тяжёлый теплоход там, где рулю не хватало воды.

Лена и Иволгин нашли третий проход за минуту до того, как существо дошло до кормы. На старой ведомственной схеме у правого берега тянулся узкий технический ковш водозабора, закрытый от судового хода направляющей дамбой. Карта давала в нём метр девяносто — мало

даже пустому «Громобою». Однако глубинный поток теперь нырял под движущуюся грядку именно туда; песок выкатывался из ковша, а вода должна была вымыть в основании траншею.

Иволгин наложил на схему кальку со своими последними промерами, хотя после Сшивки ни одна отметка не обязана была оставаться на месте. Лена засекла три подъёма гребня: шестьдесят восемь секунд, семьдесят четыре, потом шестьдесят одна. Ритма не было, зато каждый раз в момент подъёма у головы дамбы появлялась полоса тёмной воды. Соня поймала её на камере и дала увеличение. В середине полосы не крутилась пена, значит, струя уходила вниз, а не била в бетон. Расчёт состоял из старой бумаги, трёх наблюдений и догадки человека, который двадцать лет записывал, как Волга ведёт себя перед тем, как обмануть очередную карту. Для нормального рейса этого не хватило бы даже на разрешение отдать швартовы. Для нашего хватало, чтобы выбрать между плохим и уже движущимся к корме.

— Вход появляется, когда гребень проходит мимо головы дамбы, — объяснила Лена, ведя карандашом. — Ширина от двадцати двух до двадцати восьми метров. Наш габарит четырнадцать с половиной. Развернуться негде, идти только вперёд. Глубина неизвестна.

— Два и семь у края по отражению, в середине может быть больше, — добавил Иволгин. — А может лежать кусок дамбы и ждать, когда я окончательно опозорюсь.

— Этот путь вы не чувствуете? — спросил Крамов. Я посмотрел в пустую середину между двумя невидимыми линиями и покачал головой.

— Для класса его нет, — ответил я. Крамов перевёл взгляд на схему, где карандашная стрелка Лены проходила через участок с глубиной метр девяносто, и уточнил, правильно ли понял выбор: системная подсказка против расчёта, сделанного за четыре минуты по схеме водозабора.

— За три, — поправила Лена. — Четвёртую вы разговаривали.

Крамов провёл ладонью по мокрой рубашке, словно разглаживал несуществующий галстук. Он сказал, что левый рукав даёт глубину и возможность применять оружие, правый — шанс встать на грунт, а третий — гарантированную тесноту при неизвестной глубине. Это была точная оценка, не попытка помешать.

— Стая ждёт метку, движущаяся гряда разберёт днище. Третий проход хотя бы посчитан людьми, которые знают реку, — ответил я. — Идём в ковш.

— Вы снова принимаете смертельный риск без обсуждения с пассажирами, — сказал Крамов. Я показал на таймер Сони: до входа оставалось сто восемьдесят секунд. Марина объявит ударную готовность и закрепит людей, а обсуждать сейчас можно только формулировку в журнале.

Крамов хотел ответить, но «Громобой» содрогнулся от удара снизу. Не сильно — преследователь будто попробовал корму лбом. На мгновение обороты левого вала просели, шлюпка на правом борту рванула крепления. Холодный обруч под килем сжался.

— Корма чиста, винты работают, — доложил Семён. — Второй такой удар можете оставить себе. Правый держит давление, но больше восьмисот не дам.

Я передал Марине команду. По трансляции она без паники попросила людей сесть на пол у внутренних переборок, убрать горячую воду и держать детей не на руках, а между взрослыми. Затем объяснила, что «держаться за ближайшего» — это инструкция, а не предложение возобновить семейные споры.

Горец закончил со шлюпкой. Подвесной мотор сняли, лодку подняли почти до места и прихватили двумя временными найтовыми; штатный кормовой стопор не закрывался. Для работы на баке он выбрал Шестакова и Белова — обоих, кто уже был мокрым и знал ручной лот. У Олега был земснаряд и привычка различать по дрожи линия песок, глину и камень, у Вадима — лучший из палубной команды глазомер и молодые колени. Они надели жилеты, пристегнули страховочные концы к продольному лееру и вынесли свинцовые грузы. Горец проверил карабины лично, дёрнул каждый конец всем весом, но продольный леер проверял ещё вчера

и теперь только провёл ладонью по стойке. Ржавчина сидела внутри сварного шва, снаружи металл казался целым.

— Носовая команда, глубину каждые десять секунд, вслух в рацию, — приказал я. — При двух и шести сразу доклад, при двух и пяти не ждёте ответа, отходите за волнолом. Горец отвечает за людей, не за красивый промер.

— Принял, — сказал боцман. Шестаков на заднем плане спросил, считается ли два пятьдесят пять красивым или уже тревожным. Горец пообещал объяснить ногой после манёвра.

Лена встала справа от рулевого. Она больше не пряталась за картой, но держала карандаш в кулаке так, что дерево могло лопнуть. Иволгин занял место у эхолота; Соня следила за кормой и стаей. Семён оставался в машинном. Моя работа сводилась к неприятному: принять их расчёт как общий и не начать командовать каждым винтом только потому, что подпись будет моей.

— Вход откроется после следующего гребня, — сказала Лена. — Подходим к правой кромке на семь узлов. За пятнадцать секунд до головы дамбы левый малый, правый назад на три секунды, руль право тридцать. Как только нос в створе — оба вперёд, четыре с половиной. В ковше руль почти не поможет, работаем машинами.

— Семён, слышал? — спросил я. Механик отозвался сразу: три секунды реверса переживёт, четвертую запишет на мой счёт.

Невидимые направления усилились. Слева жар дошёл до горла, справа холод свёл челюсть. Пустой промежуток, куда мы собирались идти, не обещал ничего. Я впервые понял, чем удобен будущий настоящий навык: он покажет варианты и позволит потом обвинить подсказку. Пока же обвинять было некого.

— Держим третий, — сказал я. — Лена, веди манёвр.

Она не стала отвечать, что капитан здесь я. Посмотрела на гребень, на секундомер и начала отсчёт.

Серая отмель ползла поперёк курса. На её вершине крутились брёвна, куски асфальта и красный бакен, вдавленный в песок до половины. Когда гребень прошёл мимо невидимой головы дамбы, вода справа провалилась, открывая узкий тёмный язык между двумя полосами пены.

— Правый назад! Левый малый! Руль право тридцать!

Команды ушли в машинное. Правый винт взбил воду в обратную сторону, левый продолжил толкать, и девяностошестиметровый корпус начал поворачиваться почти на месте. Подвешенная шлюпка ушла наружу, найтов натянулся. Горец с Шестаковым и Беловым легли на палубу, пропуская над собой волну.

— Три и два! — крикнул Шестаков. — Два и девять! Грунт мягкий!

— Правый стоп, оба вперёд, четыре с половиной! Руль прямо!

Нос вошёл в тёмный язык. По левому борту катился песчаный гребень, справа из воды выступала старая бетонная дамба, покрытая чёрными раковинами. Между обшивкой и бетоном оставалось четыре метра, иногда меньше. Радар потерял края, эхолот рисовал рваную линию, поэтому голос Шестакова с бака стал единственным прибором, которому можно было верить.

— Два восемь. Два семь. Два семь держится.

Преследователь ударил в голову движущейся гряды. Мы не видели тела, только весь серый вал на секунду поднялся выше рубки. Песок пошёл в ковш широкой мутной волной. Стая из левого рукава бросилась к месту удара; белые спины резали воду, часть существ выпрыгивала на гребень и исчезала в нём.

— Волна с кормы! — предупредила Соня. — Большая!

— Обороты держать, — сказал я. — Носовой команде не уходить, нужен промер ещё двадцать секунд.

Горец подтвердил. Шестаков ответил коротким «есть» и снова бросил лот. В следующую секунду волна вошла в ковш. Она подняла корму, развернула корпус на два градуса и швырнула правый борт к дамбе. Лена приказала правому вперёд, левому снизить; Семён выполнил без замечаний. Между шлюпкой и бетоном осталось меньше метра, деревянный кранец лопнул и ушёл назад щепками.

На баке вода прошла по колено. Белов удержался за леер, Шестаков успел отступить, но груз ручного лота зацепился за что-то под водой. Линь натянулся поперёк палубы. Олег дёрнул его на себя, не желая бросать последний точный промер, и в этот момент пришла вторая, отражённая волна.

Страховочный конец выдержал. Не выдержал леер, к которому он был пристёгнут. Стойку вырвало из палубы вместе с полосой ржавого металла; Шестаков перелетел через борт, ударился о воду и исчез в пене. Белов упал на живот и схватил его линь, но тот уже уходил за нос.

— Человек за бортом! — крикнул Горец. — Правый борт, Олег! Стоп машины!

Лена посмотрела на меня. До выхода из ковша оставалось около ста метров; справа шла бетонная дамба, слева в проход вкатывался песок. Остановить винты означало лечь бортом и перекрыть ковш собственным корпусом. Развернуться мы не могли. Сзади гребень ходил ходуном над чем-то огромным.

— Круг бросить. Ход держать, — приказал я.

Горец замолчал на полсекунды. Потом повторил команду палубной группе. Белов сорвал спасательный круг, метнул за борт; оранжевое пятно упало в пену, но Шестаков появился дальше, уже за кормой. Жилет держал его на поверхности. Он поднял руку, а «Громобой» продолжал идти.

— Можно правый назад и прижаться кормой! — сказал рулевой.

— Нельзя, — ответила Лена. Голос у неё стал хриплым. — Нас развернёт поперёк. Капитан, впереди два и шесть, потом глубже. Тридцать секунд.

Я видел Шестакова на кормовом экране. Он пытался плыть к кругу, но глубинный поток тянул его обратно к гребню. Горец стоял у борта с бросательным концом, который не доставал на тридцать метров. Белые спины стаи уже переваливали через песок.

— Обороты держать, — повторил я. — Носовой команде укрыться. Лена, выводы.

Холодный обруч под килем исчез на мгновение, затем вернулся с такой силой, что у меня подогнулись ноги. Метка члена экипажа, которую «Мой борт» до этого ощущал едва заметным тёплым пятном на баке, осталась за кормой. Её накрыл движущийся серый вал. Оранжевый жилет мелькнул ещё раз и пропал.

Перед глазами возникли строки. Они легли поверх кормового экрана и заслонили место, где только что исчез оранжевый жилет.

ПОДТВЕРЖДЁННЫЙ ЧЛЕН ЭКИПАЖА ПОГИБ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ КОМАНДЫ

ОТВЕТСТВЕННОЕ ЛИЦО: КАПИТАН ЛАДОЖИН

ШТРАФ КООРДИНАЦИИ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ МАНЁВРА

Мир сдвинулся на полшага. Я потянулся к консоли и промахнулся: рука прошла справа от рычага, хотя глаза видели его в другом месте. Я попытался отдать команду, но язык не успел за мыслью; слова слиплись во рту.

— Капитан выбыл, — сказала Лена. Она не спрашивала разрешения и не называла причину. — Управление у меня. Руль лево десять. Левый шестьсот, правый восемьсот. Боцман, людей с бака. Семён Ильич, давление?

— Правый держит. Капитана посадите, пока он не упал в управление.

Иволгин оттащил меня от консоли и усадил в кресло. Старик двигался без суеты, одной рукой держал папку, другой — моё плечо. За окнами бетонная дамба закончилась, ковш рас-

ширился, но песчаная волна шла за нами. Лена работала двигателями, не давая корме развернуться. Рулевой повторял каждую команду, Соня считала расстояние до выхода.

— Два и шесть, — сказал Белов с бака. Голос дрожал. — Два и восемь. Три один. Глубже. — Оба восемьсот. Курс по струе, руль прямо.

«Громобой» выскочил из технического ковша в широкую воду. За кормой серый гребень закрыл вход, ударился о бетонную дамбу и рассыпался на два потока. Огромный контакт остался с другой стороны; эхолот ещё несколько секунд показывал движущееся дно, затем вернул обычную глубину.

Штраф отпустил сразу. Рычаги встали на свои места, язык снова подчинился, но первой командой я не воспользовался. Лена вела судно, Семён держал правый двигатель, Горец снимал людей с бака. Моя подпись под этим манёвром уже никуда не девалась.

— Контакт удаляется, — сказала Соня. — Метка на борту осталась, но преследователь не прошёл гряды. Стая тоже за ней. Пока оторвались.

Крамов стоял у окна, вцепившись в спинку кресла. Он не произнёс ни слова про третий путь, систему или право принимать решения. Только спросил имя погибшего.

— Олег Андреевич Шестаков, — ответил Горец по рации. — Матрос. Тридцать четыре года.

Я повторил имя и приказал Лене держать управление, пока не закончим выход из сектора. Это была единственная команда, которую сейчас можно было отдать без желания спрятаться за ней.

Шестакова искали два часа. Не возвращались в ковш — проход закрыло, а метка добычи всё ещё лежала под килем, — шли вдоль нового берега, слушали аварийный канал, смотрели воду с обеих палуб. Соня вызывала его по переносной рации, хотя сам аппарат Горец нашёл на баке: при падении сорвало клипсу, и рация запуталась ремешком в остатках леера. В ответ, разумеется, приходил только треск. Горец попросил прекратить не сразу; аварийный канал был нужен живым, но произнести это вслух он смог только с третьего раза.

Спасательный круг нашли у чёрной песчаной косы. На линёвой петле осталась кровь, самого Олега не было. Горец поднял круг багром, вымыл и поставил на прежнее место. Он не сказал, зачем сохраняет вещь, которой не хватило тридцати метров.

Число живых на борту стало сто шестьдесят восемь. Система показала это один раз, потом цифры исчезли. Для пассажиров Марина составила сообщение без слов «допустимый риск» и «обстоятельства непреодолимой силы»: матрос Олег Шестаков погиб во время проводки судна, выполняя работу на баке. Поиск проведён, тело не найдено. Время и место записаны.

Белов пришёл в рубку перед тем, как я открыл журнал. Анна перевязала ему обе ладони, поэтому пальцы торчали из марли отдельно и выглядели чужими. Он остановился у двери, не решаясь наступить на резиновый коврик в грязных сапогах, хотя весь пол был в песке. Спросил, нужен ли последний промер Олега. Два и семь, мягкий грунт, потом груз зацепился. Я сказал, что нужен, и приготовился записать, но Вадим повторил другое число — два и шесть. Потом зажмурился и выругался: он слышал доклад в рации, стоял в двух шагах, а теперь не мог понять, какой из них сказал Олег и какой он сам уже после падения.

— Пиши оба, — велел Горец, появившийся за его спиной. Правую кисть он держал у живота; после слизи на гидropосту рука слушалась хуже, и багор с кругом он вытаскивал левой. — Отметь, что порядок не установили. Вадька, иди к врачу.

— Я лишь держал, — сказал Белов, не двигаясь. — Он в руке был. Я мог намотать на леер, а не просто хватать.

Горец развернул его за плечи и почти вытолкнул в коридор. Не сказал, что мокрый линь содрал бы кожу до кости или утанул следом; такими объяснениями человек обычно откупается от чужой вины, когда не умеет убрать свою. Уже на пороге Вадим спросил, почему Олег вообще оставался на баке после первого предупреждения о волне. В рубке стало тихо. Ответить должен был я, но Горец сделал это раньше: потому что капитану нужен был промер, а боцман подтвердил приказ.

— Я спросил капитана, — произнёс Белов. Он не повысил голоса, только перестал смотреть на Горца. Я ответил, что оставил их там ещё на двадцать секунд, потому что без глубины мы могли посадить нос и развернуться поперёк ковша. Остановиться после падения тоже не могли. Всё это было правильно, проверено манёвром и не возвращало человека, который в ту минуту делал именно то, что я приказал.

Вадим кивнул, будто получил глубину, которую требовалось занести в карту, и ушёл. Горец остался. Он снял со стола карандаш, покатал между пальцами слабой руки и спросил, сниму ли я его с должности за то, что страховка была заведена на прогнивший леер. Я сказал, что сначала пришлось бы снять себя: состояние лееров проходило по судовой части, а судно принимал я. Боцман усмехнулся без веселья и сообщил, что тогда очередь получится длинная. Завтра он вырежет стойку и принесёт мне ржавчину изнутри, если к завтрашнему дню у нас останется палуба. Потом положил на стол переносную рацию Олега. Она всё ещё шипела на шестнадцатом канале; вода попала под дисплей, но вызов работал.

— Его койку пока не трогать? — спросил Горец.

Я хотел ответить по уставу: опечатать личные вещи, составить опись в присутствии двух членов экипажа. Устав предполагал берег, полицию, родственников и тело, которое можно передать. Здесь ничего из этого не было, только пустая нижняя койка в четырёхместной каюте и запасные рабочие перчатки, заткнутые за трубу отопления. Я велел не трогать до утра. Горец сказал «понял», забрал рацию обратно и ушёл искать работу, которую ещё можно было закончить.

В судовом журнале я написал больше. Указал, что приказал носовой группе продолжать промеры после предупреждения о волне, затем после падения Шестакова приказал держать ход. Не «в связи с невозможностью манёвра», не «во избежание более тяжёлых последствий», хотя обе формулировки были правдой. Лена прочитала запись, добавила фактическую глубину выхода и подписалась как принявшая управление.

Крамов стоял у стола. Он мог напомнить про Корнеева, но не стал. Спросил только, почему я оставил слова о приказе на виду, если причина смерти очевидна из обстановки.

— Потому что через семь лет обстановка исчезает, а удобная строчка остаётся, — ответил я. Он посмотрел на старый журнал, потом на новый и заметил, что одна честная запись не отменяет прежнюю. Я согласился.

Анна нашла меня там же. Температура поднялась до тридцати восьми и четырёх; штраф координации закончился, озноб — нет. Она прочитала запись через моё плечо, ничего не спросила о Балахнинском акте и потребовала лечь хотя бы на два часа. Когда я отказался, врач поставила рядом стул и сказала, что тогда будет сидеть здесь, пока совесть не научится снижать температуру.

— Я приказал держать ход, — сказал я. Анна посмотрела на пустую строчку под подписью Лены.

— Да. И если бы остановились, сейчас могла бы сортировать сто шестьдесят трупов. Это не делает Олега менее мёртвым и вас менее ответственным. Обе вещи помещаются в одной голове, если не пытаться выбросить неудобную.

— Раньше не поместились, — сказал я. Анна не знала, о чём речь, но, судя по тому, как Крамов ходил вокруг журнала, собиралась узнать. Она протянула таблетки и велела рассказать

до того, как это сделает человек, которому правда нужна как рычаг. Или не рассказывать вовсе — но сначала проглотить лекарство.

Я проглотил. Анна осталась рядом, пока руки не перестали дрожать, затем ушла менять повязку Белову: на баке он порезал ладони о вырванный леер. Романтического в этом было меньше, чем в совместной чистке рыбы, зато я впервые за долгое время не хотел, чтобы человек поскорее закрыл дверь.

До вечера мы шли на двух двигателях, но правый Семён держал не выше восьмисот. Он разобрал клапан ещё раз, показал мне кусок чёрной окалины и запретил называть это ремонтом: мы удалили причину заклинивания, но не выяснили, откуда окалина взялась в чистом масляном канале. Балластный насос остыл, однако повреждённую перемычку не трогали на ходу. Левый танк оставался тяжёлым.

Новый фарватер после технического ковша повёл себя хуже пьяного лощмана. Береговые огни повторялись через каждые три километра, один и тот же затопленный элеватор мы прошли дважды с разных сторон, хотя не меняли курса. Судовые часы показывали правильное время, солнце двигалось рывками: десять минут висело над трубами Кстова, потом сразу окзалось у кормы.

Лена не доверяла ни одному источнику отдельно. Она сводила радар, бумажную карту, промеры Иволгина и маячные импульсы Сони. Иногда слабое классовое предчувствие возвращалось и предлагало две линии. Я сообщал о них, но больше не называл курсом, пока Лена не проверяла глубину. Третий путь, которого класс не видел, научил быстрее любого системного окна.

К полуночи «Громобой» прошёл участок, который старая карта оценивала в сто сорок километров, хотя лаг насчитал сорок два. За окнами несколько раз менялся берег: чёрный камыш уступал затопленному лесу, лес — знакомым дачным крышам, затем справа возникла высокая глиняная стена без единого растения. Метка добычи не исчезала, преследователь на приборах больше не появлялся.

Люди спали там, где удалось сесть. Носовые каюты оставались закрыты, поэтому в ресторане лежали между столами, в коридорах — вдоль переборок. Марина организовала ночные обходы, Крамов вместе с Зориным составлял список желающих обсудить маршрут на следующий день. Их стало двадцать три. Спасение десятерых убедило часть пассажиров, смерть Шестакова — других; общее мнение не выросло ни из того, ни из другого.

В 04:50 Соня поймала устойчивый чебоксарский сигнал. Он больше не приходил импульсами: женский голос каждые две минуты повторял позывной, номер камеры и требование не приближаться к верхним воротам без подтверждения. Лена разбудила меня на диване в штурманской, где я всё-таки уснул на сорок минут дольше обещанного.

Утро второго дня было серым и холодным. Впереди лежало водохранилище, но горизонт обрывался белой стеной тумана. По старой карте до шлюза оставалось семьдесят километров; радар показывал сооружения в шести. Иволгин посчитал время прохождения последних буёв и сказал, что спорить с расстоянием бессмысленно — оно всё равно не присутствует на обсуждении.

Соня ответила чебоксарскому оператору. После обмена позывными женщина представилась Ниной Петровной Крыловой, начальницей смены. Она спросила длину, осадку, число работающих двигателей и есть ли на борту капитанский класс. Ни слова про фамилию, компанию или старый акт.

— Длина девяносто шесть, ширина четырнадцать с половиной, осадка два и четыре с дифференлом на нос, оба двигателя, правый ограничен, — доложила Лена. — Класс есть. Людей сто шестьдесят восемь, двое тяжёлых. Запрашиваем подход и стоянку для осмотра.

Помеха съела часть ответа. В динамике несколько секунд тёрлись друг о друга металл и вода, потом голос Крыловой вернулся — спокойный, деловой, уже не оставлявший места для стоянки:

— Стоянки нет. Нижняя камера свободна, верхняя закрыта. Правая створка верхних ворот потеряла тягу, левая держится на аварийном приводе. За воротами люди и суда из верхнего бьефа. Если откроем без ремонта, створку вырвет, камера уйдёт вниз вместе со всеми. Если не откроем, уровень сверху продолжит расти.

— Сколько людей? — спросил я.

— Триста двенадцать подтверждённых на объектах узла, плюс два пассажирских судна за воротами. Точный счёт на судах не дают. У меня шестнадцать работников смены, трое раненых. И ещё кое-что, что вам лучше увидеть самим.

Белая стена тумана разошлась. Чебоксарский шлюз появился сразу целиком, будто расстояние между нами просто убрали. Нижние ворота стояли открытыми, камера была пуста; над верхними возвышалась перекошенная ферма, правая створка просела и держалась на искривлённой тяге. На крышах служебных зданий, лестницах и бетонных откосах теснились люди. За воротами виднелись носы двух судов, прижатых высокой водой.

Над верхней камерой бил белый столб. Он проходил сквозь туман, не отражался в воде и был виден только тем, кто получил Систему. Внутри света медленно вращался знак из четырёх расходящихся линий.

ОБНАРУЖЕН КЛЮЧ-МАЯК НИЖНЕГО ВОЛЖСКОГО ПУТИ

УЗЕЛ: ЧЕБОКСАРСКИЙ ШЛЮЗ

СОСТОЯНИЕ: НЕ АКТИВИРОВАН

ДОСТУП: ВЕРХНЯЯ КАМЕРА

Маршрутная задача на мгновение показала прежнее «0 / 4». Затем из динамика донёсся грохот, и правая створка ворот сдвинулась к нижней камере на полметра. Люди на откосах побежали вверх.

— Вот это вам и нужно было увидеть, — сказала Крылова. Она всё ещё говорила спокойно, только теперь между словами слышалось чужое тяжёлое дыхание. — Верхняя створка держится на двух временных тягах. Одна только что пошла. До второй у нас минут сорок, если течение не передумает.

За её спиной снова ударил металл, и белый столб первого маяка качнулся вместе с воротами. До входа в нижнюю камеру оставалось девятьсот метров.

Глава 6. Чебоксарский затвор

Девятьсот метров при трёх узлах — почти десять минут. Крылова обещала сорок до отказа второй временной тяги, и арифметика с самого начала получалась паршивая: десять минут на подход, ещё столько же на закрытие нижних ворот, а дальше можно было выбирать, в какой именно спешке совершить ошибку. Над перекошенной фермой снова ударил металл. Правая створка верхнего затвора дрогнула, люди на бетонном откосе пригнулись, хотя до них было метров двести.

— «Громобой», не держите середину, — сказала Крылова по радио. — В нижней голове обратная струя справа налево. Заходите ближе к правой стене, потом отработайте левым. Скорость не выше трёх. Если створка нижних ворот пойдёт сама, не геройствуйте и давайте назад.

Лена уже вела судно. После ковша она вернула мне вахту, но отнимать рукояти ради привычной картинки я не стал: штурман чувствовала оба винта и ещё помнила, как вытаскивала «Громобой», пока мои руки промахивались мимо управления. Я повторял её команды в машинное. Правый Семён держал на восьмистах, левый работал короткими толчками; тяжёлый нос тянуло к стене, в повреждённом танке перекачивалась вода.

Нижняя камера была шире технического ковша, однако спокойнее от этого не становилось. Вдоль стен висели оборванные концы, на лестницах стояли люди с баграми и строительными касками поверх шапок. Левая половина открытых ворот подрагивала от потока. Из свежей выбоины у ватерлинии сочилась вода, слишком густая и тёмная для обычной речной.

— Нос правее на два, — сказала Лена. Рулевой переложил, правый винт толкнул корму от стены, и между бортом и бетонным отбойником осталось метра три. — Оба малый. Приготовить швартовые.

На баке вместо троих работали пятеро. Горец плохо сжимал правую кисть, Павлу Анна запретила тянуть повреждённым плечом, Белов сидел в медпункте с забинтованными ладонями, а место Олега нельзя было закрыть первой фамилией в расписании. Крамов прислал двух портовых рабочих из спасённой десятки; они знали тяжёлый канат и слушали Горца. Марина держала у внутреннего трапа ещё четверых пассажиров, но на палубу их не выпускали.

— Передний на берег! — крикнул Горец. Лево́й рукой он бросал хуже обычного; лёгость ушла вместе с чувствительностью, поэтому проводник не долетел до лестницы и шлёпнулся в воду. Один из шлюзовиков лёг животом на бетон, зацепил конец багром и вытянул. Второй проводник приняли с кормы. «Громобой» прижался к правой стене мягче, чем я ожидал, только лопнувшего вчера кранца не хватило именно там, где борт прошёл над выступом. Металл протяжно скрипнул.

— Стоим, — сказала Лена и оставила оба двигателя на холостом. — Носовой, кормовой закреплены. Средний не подавали.

— Среднего у них нет, — отозвался Горец. — У них плавающий рым закусало на нижней отметке. Держимся на двух.

Крылова приказала закрывать нижние ворота. Сирена на стене прохрипела половину положенного сигнала и умолкла, створки поползли из ниш. В нормальном шлюзе это движение почти не замечаешь, пока между судном и рекой не остаётся мокрая металлическая стена. Здесь каждые полметра сопровождался ударом в приводе. Люди на стенах смотрели не на «Громобой», а вверх, туда, где над второй камерой раскачивался белый маяк.

— До верхней тяги тридцать три минуты, — сообщила Крылова. — Это оценка, не гарантия. Закроем нижнюю голову — поднимайтесь по правому трапу. Я встречаю.

Анна поймала меня у двери рубки. Поверх халата она надела спасательный жилет, в руках держала медицинскую сумку и мой термометр. Я сказал, что измерять некогда; она попросила

открыть рот не ради беседы. Получилось тридцать восемь ровно — больше, чем требовалось человеку, собравшемуся лазить по шлюзу.

— Вы на конструкцию не пойдёте, — сказала Анна, убирая прибор. — Нога воспалена, плечо вы бережёте через раз. Командовать можно снизу. Я ответил, что решу на месте, и она сразу запретила превращать наречие «рядом» в медицинское заключение. На борту уже были двое тяжёлых, Белов без рабочих ладоней и Павел с плечом; если шлюз добавит раненых, придётся освобождать ресторан. Крылову следовало спросить не только про ворота.

Нижние створки сошлись. Вода за кормой исчезла из окон, вместо неё поднялась стена, испещрённая белыми потёками. Насосы шлюза включились с запозданием. Сначала из-под днища пришёл гул, затем вода в камере начала подниматься, не быстро и неравномерно: нос прибавлял высоту раньше кормы, натягивая передний швартов. Горец стравливал конец вручную и ругался на плавающий рым, который должен был двигаться вместе с уровнем, но остался внизу.

— Если рым не пойдёт, носовой придётся переносить по лестнице или резать, — сказала Лена. Я напомнил, что канат только спасли; она предложила попросить его ценить заботу и ползти вверх самостоятельно.

Я передал Горцу готовить второй конец выше первого. Одного портового рабочего он поставил на кнехт, другого отправил по лестнице. Павел дёрнулся следом, но получил рацию и приказ остаться. Спорить он не стал; повесил аппарат на здоровое плечо и повторял уровень и натяжение так коротко, будто за ночь из него вычеркнули половину лишних слов.

Верх нижней камеры оказался рядом с ходовой рубкой через шесть минут. Крылова ждала на площадке в жёлтой аварийной куртке, застёгнутой не на те кнопки. Седые волосы она собрала в короткий хвост, под мышкой держала свёрнутую схему, а свободной рукой прижимала к боку переносной пульт. Ни приветствия, ни проверки документов не последовало. Она посмотрела на дифферент, на грязную полосу у левого борта и спросила, сколько тяги может дать наша носовая брашпильная машина без рывка.

— Меньше, чем написано в паспорте, — ответил я. — Семён скажет точно. Для чего?

— Верхнюю правую створку сейчас держат одна временная тяга и кормовой конец «РТ-двести семнадцатого». Буксир в верхней камере, пробит под машинным, насосы пока справляются. Когда поднимем уровень, его потащит в ворота. Мне нужно заменить его конец вашим, открыть аварийный водовод, сравнять уровни и один раз развести створки. Второго раза, скорее всего, не будет.

С площадки узел выглядел схемой, которую смяли до начала экзамена. За промежуточными воротами тянулась верхняя камера. У дальней стены красно-чёрный буксир навалился бортом на бетон; корма сидела низко, из машинного таскали вёдра, хотя рядом работала помпа. На крыше и короткой палубе теснилось больше людей, чем полагалось его экипажу.

За буксиром возвышались повреждённые верхние ворота. Правая створка просела и вывернулась в нашу сторону примерно на метр, левая удерживала створ, но её шток изгибался при каждом ударе воды сверху. Через неплотный стык хлестела струя. Над ней висела узкая обслуживающая ферма — металлический мост шириной в плечи человека. По мосту к створке тянулась цепь временной тяги, закреплённая за лебёдку в боковой галерее. Вторая цепь лежала на площадке оборванной змеёй.

— Сколько на буксире? — спросил я.

— Пять экипажа и тринадцать наших. Сняли людей с нижнего щита, когда затопило служебную площадку. Двое неходячих, один с открытым переломом. На стену их не поднять, пока буксир болтает. В крайнем случае перегрузим к вам, конец срежем и дадим ему лечь в нишу.

Анна, пришедшая следом, посмотрела на расстояние от палубы буксира до вертикальной лестницы и ничего не сказала. Её молчание означало, что «в крайнем случае» уже можно вычёркивать.

Крылова развернула схему на парапете. Правый водовод заклинило ночью; бригада вернулась из галереи без одного человека и с ранами от крючьев. Левый можно было открыть с фермы, если снять стопор над створкой. Давление на ворота упадёт, аварийный привод разведёт левую половину, правую вытянет наш канат. Проход получится от шестнадцати до восемнадцати метров. «Громобой» требовалось четырнадцать с половиной.

— Почему не открыть левый водовод сейчас? — спросил Семён в рации. Я держал связь на громкой, и механик слышал объяснение снизу.

— Потому что стопор находится над правой створкой, а ферма качается вместе с ней. И потому что из галереи на неё кто-то лезет, — ответила Крылова. — Вчера это были четверо. Сейчас не знаю.

Горец посмотрел на узкий мост. Правую кисть он сжал, дождался, пока пальцы послушаются, и тихо выругался. Крылова заметила движение и спросила, есть ли на борту человек с двумя рабочими руками и опытом высоты. Боцман ответил, что человек был, но остался у Кстова; сейчас имеются один с опытом, один с руками и капитан, который попробует посчитать их как двоих.

— На ферму пойдут мои, ваши нужны на канате и в приводе, — сказала Крылова. Я напомнил, что её люди уже ходили в галерею; она ответила, что поэтому знают дорогу. Вызова в голосе не было. Она ставила туда, где больше всего шансов умереть, тех, кого успела подготовить, и этот способ командования был мне слишком знаком, чтобы спорить с ним из благородства.

Семён попросил показать крепление тяги. Рядом с ручной лебёдкой находился коллектор аварийного привода; механику требовались двое его людей, шлюзовой слесарь и десять минут, чтобы подать масло в обход разорванного штока. Створка сдвинется один раз, потом смесь уплотнений, грязи и веры в завод-изготовитель окажется на полу. Крылова сказала, что одного раза хватит. Семён заметил: всем так кажется до первого.

План собирался из людей, которых не хватало. Семён с механиками шёл в галерею, трое шлюзовиков — на ферму открывать водовод. Горец отвечал за наш конец и буксир, Лена удерживала «Громобой» винтами, Анна принимала раненых. Соня связывала группы, Иволгин считал разницу уровней по потоку через ворота: штатные датчики показывали разные годы и одинаковую ложь.

Крамов поднялся, когда промежуточные ворота начали расходиться. Он не потребовал собрания, только спросил, что случится, если наш канат не удержит створку. Крылова ответила: вода вынесет буксир, «Громобой» и часть стены через нижний затвор. Людей сверху, возможно, спасёт падение уровня, людей внутри — вряд ли.

— Тогда снимите людей и оставьте судно, — сказал Крамов. Крылова возразила: это единственный исправный буксир узла. На замечание о пробоине она уточнила, что сказала «исправный», а не «целый».

Вал «РТ» не пострадал, двигатель мог работать на малом. Без буксира триста с лишним человек останутся без возможности поставить бон, снять кого-то со стены или проверить верхний бьеф. Крамов посмотрел на перегруженную крышу рубки и больше не спорил; только напомнил, что каждая дополнительная задача отнимает минуты у ворот.

— Знаю, — сказал я. — Сначала открываем. Потом решаем, сколько минут осталось на буксир.

Белый маяк над верхней камерой качнулся. На этот раз вместе с ним дрогнула ферма, а из дальней галереи донёсся скрежет, похожий на движение множества ножей по железу. Крылова свернула схему и посмотрела на часы, которые ещё шли.

— Двадцать шесть минут, — произнесла она. — Теперь можно начинать ошибаться.

Промежуточные ворота открылись не полностью, но ширины хватало. Лена отвела «Громобой» от стены и провела нос в верхнюю камеру. Течение ходило кругом: просачивалось через повреждённый затвор, било в корму «РТ-217», возвращалось и давило нам под правый борт. Швартоваться было не к чему: рымы застыли у дна, ближайшую лестницу оторвало.

Спасённый кормовой канат тащили на бак через всю палубу. Спутанные петли цеплялись за вентиляцию и ложились поперёк проходов; пассажиры подхватывали трос там, где команда не успевала. Марина снимала помощников после каждого участка, чтобы никто не решил, будто уже стал матросом.

— Нос к правой стене, дистанция два метра, — передала Крылова. — На ферме увидите жёлтый блок. Конец через него и обратно на два носовых кнехта. Брашпилем только выбирать слабинку. Тянуть двигателями.

— Брашпиль обидится, — сказал Семён из галереи. Голос гудел в рации вместе с насосами. — Но переживёт. Кнехты могут не разделить оптимизм. Разведите шлаги поровну, не кладите всё на правый.

Горец спустился на бак. Он не мог нормально удерживать тяжёлый конец правой рукой и работал левой, прижимая трос коленом. Портовые рабочие слушались его без задержки. Павел стоял у брашпиля, следил, чтобы канат ложился на барабан ровно, и повторял нагрузку по шкале. Вчера он обязательно добавил бы, что шкала врёт, стрелка дрожит, а на учебном судне у них был другой прибор. Сейчас называл только цифры.

На ферму пошли Алексей Жуков, Марат Юсупов и начальник ремонтной бригады Вера Шалагина — невысокая женщина с поясом инструментов тяжелее пассажирского чемодана. Она проверила страховку у всех, взяла метровый вороток и спросила о прикрытии. Горец понял, что с бака не добегит до фермы, если из темноты полезут крючья.

— На канате останется стажёр, — решил он. — Я пойду до редуктора.

Павел поднял голову. Горец не дал ему высказаться и ткнул пальцем в брашпиль: если нагрузка уйдёт выше восьми тонн, стравить полметра; если связь пропадёт, не ждать капитана, а выдать слабинку и предупредить мостик. Стажёр повторил приказ слово в слово. Горец удовлетворённо кивнул, затянул страховочный пояс и полез на стену.

— У него рука, — напомнила Анна. Я ответил, что у Горца ещё есть голова и опыт: на баке останутся двое здоровых, а на ферме без него трое, которые умеют чинить ворота, но не отбиваться.

Анна записала этот долг взглядом и ушла к трапу. С качавшегося у стены «РТ-217» уже переносили раненого: шлюзовики держали носилки и ждали, когда палуба сравняется со ступенью. Врач спустилась к ним без разрешения. Если бы то же проделал я с воспалённой ногой, она связала бы меня бинтами.

«Громобой» дошёл до расчётного места. Горец и Жуков протащили проводник через жёлтый блок на ферме, портовые рабочие выбрали конец. Толстый трос поднялся над водой, прошёл к правой створке и вернулся на бак, образовав длинную петлю. Его разнесли по двум кнехтам. Кормовой кнехт, чей сварной шов разошёлся при отходе, в работу не включали; повреждение на корме теперь не мешало только потому, что мы успели протащить несколько центнеров мокрой верёвки через весь теплоход.

— Петля готова, — доложил Павел. — Нагрузка две и три. Барабан на тормозе.

Лена дала левому малый вперёд, правому стоп. Нос прижался к потоку, трос напрягся и застонал в блоке. Правая створка верхних ворот перестала дёргаться. На крыше «РТ-217» люди зааплодировали, но Крылова сразу оборвала их по громкой связи: это не победа, а замена одного плохо закреплённого конца другим.

Вера с двумя слесарями пошла по ферме. Металлическая решётка под ногами просвечивала до мутной воды, справа бил белый столб маяка, слева внизу медленно вращало «Гро-

бой». Горец двигался последним, короткий пожарный топор держал в левой руке. Его правый страховочный карабин Вера перестегнула сама, потому что пальцы боцмана не попали в муфту со второго раза. Он не отшутился.

Семён тем временем добрался до коллектора аварийного привода. Вместе с ним ушли моторист Гена, молодой практикант из машинной и шлюзовой гидравлик Николай Точилин. Галерея находилась внутри правой стены; по рации было слышно, как они ступают по воде. Семён сообщил, что масла на полу по щиколотку, штатный насос сухой, а разорванный рукав выглядит так, будто его выгрызали изнутри. Крылова спросила, можно ли собрать обход.

— Можно всё, если потом не спрашивать, почему оно одноразовое. Ваш рукав двадцать четвёртый, наш запасной двадцать второй. Переходника нет.

— У нас в шкафу должна быть ремонтная муфта, — возразил Точилин. Семён нашёл там гнездо, грязь и инструкцию беречь комплектность; саму муфту кто-то уже сберёг отдельно.

Николай Точилин сказал что-то вдали от микрофона. Семён замолчал, затем потребовал принести две стальные полумуфты с линии охлаждения резервного генератора. Точилин возразил, что генератор тогда не запустится. Механик ответил, что если ворота рухнут, экономия резервного генератора войдёт в историю узла как особенно дальновидное решение.

Крамов стоял у открытого выхода на стену и слушал сразу два канала. Он сам вызвался организовать перенос раненых: два человека с буксира уже лежали в ресторане, третьего готовили. Директор распределил пассажиров цепочкой от трапа до Анны, выставил на поворотах тех, кто не падал в обморок от крови, и нашёл среди людей бывшего фельдшера. Марина поправила его схему только один раз — убрала из цепочки женщину, у которой тряслись колени, и поставила вместо неё Зорина. Илья не спрашивал, есть ли среди людей с буксира Лида. Просто взял носилки с нижнего конца.

— Разница уровней три и восемь, — передал Иволгин. Он устроился в рубке над картой, но смотрел не на неё, а на белые метки, нанесённые на бетон. — Приток сверху растёт. Створка пропускает уже больше. До равенства одним левым водоводом минут двенадцать, если он откроется полностью.

— Если не откроется? — спросила Крылова. Иволгин ответил, что тогда мы наконец проверим, сколько в действительности держит канат.

Вера дошла до редуктора. Она легла на решётку, просунула вороток в гнездо и попыталась сорвать стопор. Железо не двинулось. Жуков и Юсупов встали по обе стороны, навалились втроём; ферма качнулась, но стопор остался. Горец посветил в щель и сказал, что ось загнуло. Требовалось выбить палец вниз, со стороны галереи.

Из галереи в этот момент донёсся первый удар. Не из рации Семёна — звук пришёл непосредственно из чёрного прямоугольника под фермой. Затем ещё один. На краю отверстия появились длинные серые пальцы с костяными крючьями. Кромочник подтянулся, вывернул голову под невозможным углом и полез на мост.

Горец встретил его топором. Бил не широко, а коротко, в сустав пальцев, чтобы не зацепить людей перед собой. Лезвие отсекло два крючья, тварь качнулась, но не упала: задними конечностями она держалась за внутреннюю лестницу. За первой головой появилась вторая.

— Контакт на ферме, — сообщил Горец так буднично, словно нашёл неправильно закреплённый кран. — Пока два. Возможно, очередь.

Крылова потянулась к переносному пульту и включила освещение галереи. Лампы вспыхнули одна за другой, показав воду, лестницу и множество серых спин ниже. Кромочники не пытались выбраться раньше; они сидели в правом водоводе и ждали, пока движение ворот или маяк не позовёт их наверх. Я насчитал семь, затем вода под ними зашевелилась и счёт потерял смысл.

— Снимать людей с фермы, — сказал я. — Водовод не откроем, ищем другой способ.

— Другого нет, — ответила Крылова. Она уже застёгивала страховочный пояс. — Если они уйдут, тяга не выдержит давления. Вера, палец выбивай. Игорь, держите лестницу. Я поднимаюсь к местному пульта.

— Останетесь здесь, — сказал я. Крылова посмотрела на меня впервые не как на часть механизма. В её взгляде не было злости, только недоумение: почему капитан чужого судна решил, что начальник смены отдаст свой затвор в самый опасный момент.

— На «Громобое» командуете вы. На моём бетоне — я. Местный привод не запускается отсюда.

Спорить дальше означало украсть у ворот ещё полминуты. Я попросил её не лезть дальше пульта и вернулся на борт. Не потому, что Анна была права, а потому, что кто-то должен был видеть судно целиком: нагрузку на носу, винты, буксир, людей на ферме и створку, которая держала за собой верхний бьеф. Неприятнее всего было то, что раньше я назвал бы такой выбор осторожностью. После Олега он оказался обязанностью.

Вера подняла молот. Жуков и Юсупов закрыли её с двух сторон баграми. Горец прижал первого кромочника к краю фермы, но второй ухватил крюком его за рукав. Ткань порвалась, правую руку дёрнуло к решётке. Боцман не удержал топор, тот провалился между ячейками и исчез в воде. Он навалился плечом на тварь, левой схватил её за шею и вместе с ней ударился о перила.

— Горец, назад! — крикнул Павел с бака.

Боцман не мог отойти: страховочный конец кромочника обмотался вокруг его пояса, если у речной твари вообще можно было назвать страховкой собственную длинную конечность. Павел отпустил рукоять брашпиля, подхватил лежавший у кнехта багор и сделал шаг к лестнице. Один из портовых рабочих загородил ему дорогу. Стажёр рванулся, вскрикнул от плеча и остановился.

— Паша, нагрузка! — сказала Лена. — На канат смотри!

Стрелка уже прошла шесть тонн. Пока внимание ушло на ферму, поток развернул нос, и «Громобой» взял на себя больше веса створки. Павел бросил багор, вернулся к тормозу и стравил ровно полметра. Лена дала правому вперёд на шестьсот, левому стоп; корпус повернулся, нагрузка упала до пяти. Горец получил слабинку на поясе, вывернулся и ногой сбросил кромочника в воду.

— Восемь с половиной, — сказал Павел, глядя на шкалу. Голос сорвался, но цифру он повторил чётко. — Было восемь с половиной, сейчас пять и два. Канат цел.

— Вот и оставайся там, где без тебя все утонут, — прохрипел Горец. Он подобрал багор Жукова и снова встал у лестницы.

Вера ударила по пальцу стопора. Первый удар ушёл в ферму, второй сдвинул ржавчину, третий выбил ось на ладонь. Из галереи полезли ещё два кромочника. Жуков встретил одного багром и тут же получил крючьями по бедру; штанина разошлась, на решётку брызнула кровь. Он устоял, потому что Юсупов поймал его за страховочный пояс. Вера не обернулась. Она была по пальцу до тех пор, пока тот не выпал вниз.

— Стопор снят! — крикнула она. — Редуктор свободен!

Крылова добралась до местного пульта и повернула ручку водовода. Ничего не произошло. Она вернула её, сорвала пломбу со второго переключателя и включила прямое питание. Внутри стены загудел двигатель. Под фермой раздался тяжёлый скрежет, словно бетон начал жевать камень.

— Открытие десять процентов, — сказала Крылова. — Двадцать. Двадцать два и встал.

Вода в камере сперва опустилась у стены, затем вздулась широкой полосой. Левый водовод открылся не полностью, зато поток пошёл. Он ударил из решётки под водой и развернул «РТ-217» кормой к верхним воротам. Буксирный конец натянулся. Помпа на его палубе захлебнулась, корма села ещё ниже.

— Нас рвёт от стены! — закричал капитан буксира. — Машинное снова принимает! До щита сантиметров двадцать!

Крылова приказала держать помпу и не запускать двигатель до равенства уровней. Капитан ответил, что через пять минут запускать будет нечего. На крыше буксира люди поползли к носу, освобождая корму. Анна уже приняла троих раненых, но двое лежащих оставались внутри, и переносить остальных во время потока стало невозможно.

Семён вышел на связь из галереи. Ремонтную муфту они собрали из двух половин, прокладки вырезали из резины шлюзового сапога Точилина. Давление аварийный насос дал, но левый привод будет двигаться только на малом расходе. Правую створку привод не возьмёт вообще — на ней остался наш канат.

— Разница уровней два и один, быстро падает, — сообщил Иволгин. — Через шесть минут будет меньше метра. Через восемь можно пробовать ворота.

— Временная тяга столько не даст, — сказала Крылова. На её пульте мигал красный индикатор. — Осталось одно звено, оно раскрылось.

Я увидел цепь над правой створкой. Крайнее звено действительно вытянулось, щель между концами была толщиной с палец. Белый маяк проходил сквозь него, и металл на свету казался прозрачным. Если цепь лопнет, весь вес возьмут буксирный конец и наш трос.

— Уводите людей с фермы, — приказал я. — Водовод открыт. Горец, прикрываешь отход, потом вниз. Крылова, с местного пульта тоже уходите.

— Левую створку надо запускать отсюда, — возразила Крылова. Я велел запустить и уходить: дальше Семён держал давление, «Громобой» — правую.

В этот раз она не спорила. Вера и Юсупов повели Жукова к стене, перестёгивая его страховку через каждые два метра. Горец пятился за ними, бил багром по крючьям и не пытался сбрасывать тварей насовсем — только не давал подняться на ферму. Крылова удерживала переключатель обеими руками. Левая створка дрогнула, отошла от упора на десять сантиметров и остановилась.

— Давление тридцать, — сказал Семён. — Больше дам — муфта станет частью архитектуры на противоположной стене.

— Давайте тридцать пять, — ответила Крылова. Семён сообщил, что она нравится ему всё меньше, и дал давление.

Левая створка поползла. В ту же секунду звено временной тяги разошлось. Цепь ударила по ферме, срезала секцию перил и ушла вниз. Правую створку дёрнуло в нашу сторону. Канат на носу выпрямился, вода с него слетела белым облаком. Стрелка брашпиля перескочила восемь тонн и упёрлась в ограничитель.

«Мой борт» отозвался болью в носовой палубе. Не точкой и не понятной полomкой — тяжёлым растяжением сразу между двумя кнехтами. Правый держал хуже левого; под основанием будто шевельнулся металл.

— Павел, не травить! — сказал я. — Лена, оба вперёд шестьсот. Руль прямо. Держим створку корпусом.

— Правый выше шестисот не проси, — предупредил Семён. — Давление масла пошло вниз.

Лена добавила левому, правый оставила на шестистах. Винты подняли за кормой буруны, «Громобой» пошёл против короткого разгона, и нагрузка на канате перестала расти. Носовые кнехты ещё стояли. Под ногами чувствовалось, как стальной корпус принимает чужую воду не бортом, а через две тумбы и слой палубы.

На ферме Горец пропустил Юсупова с раненым, оттолкнул последнего кромочника и сам шагнул к стене. Серая рука вынырнула из галереи, зацепила его страховочный конец и рванула назад. Боцман упал на решётку. Правой рукой он схватился за перила, пальцы разжались. Крылова, уже стоявшая у лестницы, вернулась на два шага, обмотала его пояс своим концом

и потянула. Вера бросила инструмент, ухватила Горца за ворот. Втроём они оторвали его от края; кромочник остался с куском страховочной ленты и свалился в воду, когда створка пошла.

— Ферма чиста! — доложила Крылова. Она дышала тяжело, но слова снова ложились ровно. — Левую развели на семь метров. Правую тяните ещё три, получим шестнадцать с половиной.

— Разница уровней шестьдесят сантиметров, — сказал Иволгин. — Поток в створе сильный, но уже не убийственный.

— «Громобой», левому восемьсот, правому шестьсот, — скомандовала Лена. Я повторил Семёну. Механик выругался, однако обороты дал.

Носовой канат выбирали не брашпилем — Павел держал тормоз, а судно медленно шло вперёд. Петля через блок тянула правую створку наружу. Та двигалась рывками, каждый раз отдавая в корпус. Семь метров. Восемь. Потом заклинила.

— Между створками пятнадцать восемь, — сказала Соня по изображению с верхней камеры. — Нам мало.

— Правый кнехт пополз, — сообщил Павел. — Основание приподнялось миллиметра на три. Может, четыре.

«Мой борт» подтверждал без цифр: металл под правой тумбой начал отделяться от палубы. Ещё один рывок мог вырвать кнехт и отправить его вместе с несколькими витками троса в людей на баке.

— Снять правый шлаг, оставить нагрузку на левом, — приказал я. Павел возразил, что один не выдержит. Я ответил: не выдержит рывок, а двигатели дадут ровно. Портовых убрали за волнолом, Павел остался у тормоза.

Горец вернулся на бак с кровью на рукаве — не своей, как он сообщил Анне раньше, чем она спросила. Он помог перенести шлаги на левый кнехт, работая одной рукой и корпусом. Правый освободили. Лена сбросила обороты, дождалась, пока канат перестанет дрожать, и снова добавила левому. Один кнехт принял нагрузку.

Створка сдвинулась ещё на полметра. Проход стал шестнадцать и три.

— Хватит «РТ», — сказала Крылова. — «Громобой» примерно по девятистам сантиметрам с каждого борта, если без сноса. Перегружаем людей, режем буксирный конец и выводим вас. До окончательного отказа привода семь минут, может меньше.

На «РТ-217» как раз погасла помпа. Корма просела, вода перелилась через низкий комингс машинного. Капитан буксира запустил двигатель вопреки прежнему запрету. Из трубы выбросило чёрный дым, винт провернулся и остановился. Второй запуск дал несколько неровных оборотов.

Крамов подошёл ко мне на мостике. Он не изображал, что знает буксиры: восемнадцать человек можно принять за четыре минуты, через семь ворота могут закрыться. На «Громобое» сто шестьдесят восемь человек, и риск ради корпуса маленького судна требовал причины лучше слов «он ещё пригодится».

— За воротами больше трёхсот, — ответил я. — Мы уйдём. Им останутся повреждённый шлюз и ни одного катера.

— Это причина для Крыловой, а не для ваших пассажиров, — сказал Крамов. Я ответил, что река не станет безопаснее, если каждый будет вытаскивать только свой борт.

Крамов посмотрел на таймер. Мне самому не нравилось, что правильные слова удобно прикрывают дурное упрямство. После Олега можно было всю оставшуюся жизнь выбирать только тот вариант, где никто не стоит на открытой палубе и капитан потом спокойно объясняет неизбежность. Только такой капитан довёл бы до Волгограда пустой теплоход, если бы вообще довёл.

Я вызвал Крылову и капитана «РТ-217» и велел пока не перегружать людей. Буксир пойдёт первым: наш конец ему на нос, его кормовой режем после натяжения; он работает винтом,

мы вытягиваем через створ и проходим следом. В эфире несколько секунд были только насосы. Крылова предупредила, что потеряем минимум пять минут и второй попытки при возврате затвора не будет. Я знал.

Капитан буксира спросил, понял ли он верно, что ему предлагают идти в проём на тонущем судне с восемнадцатью людьми и одним работающим винтом. Я ответил, что с восемнадцатью людьми он в любом случае сейчас находится на тонущем судне, только у стены. В проёме хотя бы есть верхний бьеф.

— Хороший у вас выбор, капитан, — сказал буксирщик. Я ответил, что других сегодня не выдавали.

Крылова закрыла глаза на секунду, потом переключилась на рабочий канал. Велела шлюзовикам подать с верхней стены два проводника, освободить левую нишу и готовить насосную бригаду для буксира за воротами. Решение она не одобрила и не оспорила. Просто включила в свой узел новую задачу.

Проводник до буксира не долетел. Поток подхватил лёгкий конец и прижал к створке; второй зацепился за ферму. Тогда капитан «РТ-217» дал винту ход, оторвал корму от стены и подошёл к нашему носу настолько близко, что его рубка исчезла под баком «Громобоя». Горец спустил петлю прямо на крышу. Двое буксирных матросов поймали её, протащили на носовой битенг и показали большой палец. На жест времени не хватало, но люди всё равно тратили на него секунду — возможно, чтобы руки помнили не только канат и кровь.

— Его кормовой конец держит створку вместе с нашим, — напомнила Лена. — Режем только после натяжения буксирного. Иначе получим удар.

— Павел, выбирай до трёх тонн. Горец, команду на «РТ». Оба судна малый вперёд по готовности.

Буксирный трос натянулся. «РТ-217» вздрогнул всем коротким корпусом, помпа снова закашляла и выбросила за борт струю вперемешку с маслом. Капитан буксира доложил, что его двигатель держит четыреста оборотов, выше температура выхлопа растёт. Я приказал не гнаться за цифрами и только не давать корме идти поперёк.

Юсупов на стене перерубил старый конец с третьего удара. Правая створка качнулась к нам, носовой кнехт отозвался болью, но буксир уже пошёл. «Громобой» тянул его через проём своим левым двигателем; правый держал положение. Между красно-чёрным бортом «РТ» и повреждённой створкой оставалось метра четыре, однако поток разворачивал маленькое судно, тащил кормой на металл. Капитан отработывал винтом, Горец через рацию требовал не переключать руль резко, Крылова с верхней стены передавала расстояние. Все трое говорили одновременно и всё же слышали друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.